23/I-14

индекс: 73325
цена по подписке 2 руб.
в розницу — договорная

РОДИНА

3 — 1992

ISSN 0235—7089

Вся жизнь — праздник

ДЕМОНСТРАЦИЯ 1 МАЯ (Москва 1930 г.)

Вся жизнь — праздник

Коксохим, г. Новокузнецк
фото Владимира Воробьева

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3 — 1992

Выходит с января 1989 г.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В эти трудные для прессы времена Верховный Совет Российской Федерации поддержал многие издания, в том числе и наш журнал, выделив существенную дотацию. Благодаря своевременной помощи, номер «Родины» по-прежнему обходится Вам всего лишь в два рубля, между тем его себестоимость в шесть раз выше и составляет почти 13 рублей. Но хватит ли выделенных средств, чтобы доставить Вам журнал в течение года по старой цене? В условиях, когда стоимость бумаги, типографских услуг и всего прочего продолжает расти, на этот вопрос ответить трудно. Вот почему считаем своим долгом предупредить Вас, дорогие подписчики, что в случае ухудшения финансовой ситуации мы вынуждены будем попросить Вас сделать доплату — о чем сообщим дополнительно.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТР СТРУВЕ

В чем революция и контрреволюция?

Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — экономист, социолог, философ, публицист, политический деятель, член ЦК Конституционно-демократической партии; в мае 1917 года избран действительным членом Российской Академии наук (о чем, кстати, все три издания БСЭ умалчивают); издатель и редактор либерального журнала «Русская Мысль» (1907—1918); с 2(15) октября 1917 года в качестве представителя Академии наук входил вместе с академиком С. Ф. Ольденбургом в состав Временного совета Российской республики (Предпарламента).

П. Б. Струве почти не оставил крупных монографических исследований. В своем научном и публицистическом творчестве он тяготел к жанру кратких, емких по содержанию очерков, статей. Статья «В чем революция и контрреволюция?» появилась в журнале «Русская Мысль» в конце 1917 года (кн. XI—XII), более, насколько мне известно, не перепечатывалась и широкому читателю неизвестна. Между тем значение этой статьи для понимания нашей недавней истории, как и нашего настоящего, трудно переоценить.

Инар МОЧАЛОВ

И. О. Левин в своей вышепечатаемой статье* высказал целый ряд верных и метких суждений, на которых лежит печать правды и мужества, и мне хочется лишь кое-чем дополнить и исправить его характеристику плачевных итогов «революции».

Если рассматривать события 1917 г. независимо от всей предшествующей эпохи, то им, конечно, нельзя дать почетного титула революции. Это солдатский бунт, «из политики» принятый интеллигенцией страны за революцию, в надежде превратить бунт в революцию. Надежда эта не оправдалась, и бунт превратился не в славную революцию, а в грандиозный и позорный **всероссийский погром.**

Но этот всероссийский погром есть, с более глубокой исторической точки зрения, лишь эпизод в движении, которое началось не в 1917 г. и не кончится в этом году.

Русская революция ведет свое начало не от петербургского солдатски-рабочего бунта февраля — марта 1917 г., постепенно развившегося во всероссийский погром, нами переживаемый, и этим погромом не закончится. Русская революция началась гораздо раньше. Ее начало, по меньшей мере, следует отнести к 1902 г. и в 1905—1906 гг. она, на самом деле, одержала гораздо более крупные победы, чем в 1917 г. И на погроме восьми месяцев, нами пережитых, русская революция не остановится.

Трагедия, переживаемая Россией, сводится к тому, что безумие бывшей монархии и безрассудство общественного движения, даже в его наиболее умеренных элементах, привели к революционным событиям внутри страны во время величайшей и тягчайшей войны, создавшей огромную армию. Ради целей внешнего бытия государства ему нужна эта большая армия, революция же превратила ее в бич для населения и в угрозу самым основам государства. В этом противоречии бьется и исходит силами великое, некогда мощное государство, и как оно из него выйдет, мы еще не знаем. Но из него должен быть найден выход, и ясно, что именно отыскание этого выхода составит все дальнейшее содержание русской революции.

Если это так, то понятно, что переживаемый нами погромный период **начавшейся 15 лет тому назад** революции не может закончиться тем Учредительным Собранием, созыв которого во время войны был вынужден угрозами опьяневших «революционеров» и обезумевших солдат. Ни острые, ни хронические погромы не врачуются парламентскими речами и постановлениями.

Революция, в которую вошла Россия в 1902 г., состоит в создании **одновременно** новых **политических** и **социально-экономических** форм быта. Процесс этот потому протекает так болезненно в России, что все те элементы, которые должны были активно создать новые формы быта, оказались в силу разных причин исторически несостоятельными в разрешении этой задачи. Мировая война ускорила выявление революции и обнаружение ее в погромной форме, но не она ее породила и не ею определились основные черты действовавших в революции сил. **Война не породила революции, и мир сам по себе отнюдь не приведет к ее завершению и переходу к новым основам политического и социально-экономического бытия России.** Это необходимо осознать до конца, дабы не предаваться иллюзиям относительно значения таких событий, как созыв Учредительного Собрания и даже заключение мира.

Я установил первый парадокс того положения, которое мы переживаем:

России нужна для окончания войны, как внешней, так и гражданской, большая вооруженная сила в руках твердой государственной власти, а армия, в силу целого ряда причин, заложенных в ходе революции, превратилась в организованное погромное бесчинство вооруженных людей, руководимых преступниками и безумцами.

Но в тех событиях, через которые проходит Россия, заключается другой, еще более глубокий парадокс.

У революции, начавшейся в 1902 году, были два достижения, бесспорные и чреватые огромными культурными последствиями для России. Это, с одной стороны, зачатки конституционного строя в форме народного представительства и свободной печати, с другой стороны — зачатки народной земельной собственности, созданные аграрной реформой Столыпина.

Революция в той стадии, которую мы переживаем, в стадии вдохновляемого «социалистическими» лозунгами бунта рабочих и крестьян, направляется против зародышей русской конституции,— ибо что же такое в политическом отношении есть большевизм и разный полубольшевизм, как не борьба с конституционными преобразованиями России, начатыми в первое десятилетие XX века?! И в то же время весь этот якобы «социалистический» бунт есть сплошное отрицание собственности и правопорядка, основанного на признании и ограждении собственности.

А между тем, эта революция, как революция, ничем другим не движется, как стремлением к собственности: она является как бы грандиозными народными судорогами, в которых должен родиться в России режим, основанный на личной собственности (прежде всего земельной) широких народных масс и на внедрении в их психику собственнических тенденций и вкусов. В Совете Республики я собирался сказать нашим социалистам-революционерам, что их боевой клич: «В борьбе обретешь ты право свое», история и русское крестьянство переделают по-своему, сделав к нему лишь небольшое, но довольно существенное дополнение: «В борьбе **обретешь ты право собственности своей**».

Да, не просто литературная фраза утверждение, что переживаемая нами (с 1902 г.) революция есть революция буржуазная. Но эта характеристика имеет вовсе не тот смысл, что блага революции достанутся так называемой «буржуазии» и в ее интересах будет осуществлен буржуазный строй. Революция эта буржуазная потому, что, вопреки всем социалистическим кличам и лозунгам, под шум этих лозунгов, народные массы всем своим поведением идут к утверждению в своей жизни буржуазных начал, и прежде всего — начала личной земельной собственности.

Ибо допустим, что помещичья собственность **совершенно** исчезнет. Тогда-то именно станет ясно, что весь русский аграрный социализм есть лишь интеллигентские бредни, в костюм которых облеклось стремление к буржуазному стяжанию экономически наиболее сильных и цепких крестьянских элементов. И даже несмотря на весь большевистский разгром русского народного хозяйства, эта мнимо-социалистическая волна крестьянского и рабочего стяжания,— **сколько** она создаст все-таки именно в **народной** массе **буржуазных** существований и интересов, которые, когда «социалистический» угар пройдет, явятся оплотом собственности и основанного на ее признании и ограждении порядка!!

Сейчас «социалистическая» волна погромного характера кажется революцией, но на самом деле революцией является не она, а идущее под ней мощное течение буржуазного стяжания, которое неминуемо вступит с нею в борьбу. И тогда социалистическая волна обнаружится как то, чем она является на самом деле,— как отвратительный погромный костюм, в который временно облекся процесс созидания новой народно-буржуазной России. И этот могущественный процесс создания буржуазного собственнического сознания в широких народных массах окончательно отметет уродующий его погромно-социалистический костюм. Рядом с этим, интеллигенция в своем сознании окончательно преодолеет социализм как антигосударственную и антикультурную в современных русских условиях погромную идеологию, контрреволюционную по своему существу.

Если, таким образом, переживаемая Россией революция является и не может не являться революцией буржуазной в глубочайшем смысле этого слова, то отсюда непререкаемо вытекает вывод: русский социализм в его борьбе с буржуазией и буржуазным порядком по существу контрреволюционен и должен в историческом процессе развития самых широких народных масс России быть преодолен и сметен. Для всякого социолога, прошедшего эволюционную, и в частности и в особенности марксистскую школу, это не может не быть ясно.

Процесс преодоления в русской революции контрреволюционной стихии социализма будет, конечно, весьма сложным и болезненным. Но он неотвратим и вообще, и в своей болезненности тоже неизбежен, и нужно, чтобы русская интеллигенция уже теперь ясно сознала это.

Ибо только ясным познанием социологического существа того пути, по которому пойдет и не может не пойти Россия,— пути создания общечеловеческой культуры в буржуазных формах,— русская интеллигенция сможет искупить свой, может быть, невольный, но огромный грех, который состоял в том, что она в одной части активно, своей пропагандой социализма, в другой части пассивно, своим попустительством этой пропаганде, привила общественно-политической борьбе русского народа за освобождение **погромный яд.** Эта же прививка так расшатала вековую и могучую постройку русского государства, что она грозит обрушиться и в своем крушении раздавить и изуродовать русскую культуру.

Я знаю, что принято во всех переживаемых нами бедах винить либо старый порядок и старую власть, либо большевиков. Я последний склонен оправдывать старую власть, которая, ради сохранения своих отживших прерогатив, преступно задерживала культурное и политическое развитие нации. Мое отношение к большевикам тоже достаточно известно*. Но если всероссийский погром 1917 г. угодно называть русской революцией, то я скажу прямо: главным преступлением старой власти является именно то, что она подготовила эту революцию и сделала ее неизбежной. Справедливость, однако, требует прибавить: в этом преступлении соучаствовала вся прогрессивная русская интеллигенция тем безразборчивым и безрассудным характером, который она придала своей борьбе со старым порядком, в частности после событий 1905 г.

Все это объясняет, почему в революции, в самом ядре ее, гнездилась зараза контрреволюции, которая до последнего своего издыхания будет **кичиться наименованием** революции. Под каким наименованием погромная зараза будет раздавлена, совершенно неважно. Раздавлена же и выжжена из русской жизни она должна быть во что бы то ни стало.

Петроград,
23 ноября 1917 г.

* Статья И. О. Левина «Некоторые итоги» («Русская Мысль», 1917, кн. XI—XII) предваряла работу П. Б. Струве, опубликованную в том же журнале.

* Выступая с речью в Мариинском дворце на заседании Предпарламента 20 октября 1917 г., П. Б. Струве, в частности, говорил: «Что такое большевизм? — Это смесь интернационалистического яда со старой русской сивухой. Этим ужасным пойлом опаивают русский народ несколько неисправимых изуверов, подкрепляемых кучей германских агентов. И давно пора этот ядовитый напиток заключить в банку по всем правилам фармацевтического искусства, поместить на нем мертвую голову и надпись: «Яд» («Речь», 21 октября 1917 г.).

В № 11—12 за прошлый год меня очень заинтересовала статья о мистическом анархизме — «рыцарях Ордена Света». Оказывается, что анархисты — это не только пьяная матросская вольница или «ярые враги научного коммунизма» Бакунин и Кропоткин. Не могли ли бы вы подробнее рассказать и о других направлениях русской анархической мысли? Информацию об этом даже теперь найти довольно трудно.

И. МАТВЕЕВ (г. Рыбинск).

ВАСИЛИЙ АНТОНОВ,
доктор исторических наук

АНАРХИЗМ ПО ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

Народничество в России имело своей изначальной основой анархизм. Родоначальники народничества — великие демократы А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский — заложили фундамент классического анархизма народников.

Мы привыкли к тому, что анархизм — это негативное, враждебное «марксизму-ленинизму» течение. Неудивительно, что бурная схватка в I Интернационале анархиста-федералиста М. А. Бакунина с централистом К. Марксом казалась нам битвой нечистой силы с божеством, со светом. Да и теперь то и дело слышишь пугающие выражения: «Да это же анархия!», «Вы что, анархии захотели?» и т. п.

Действительно, в переводе с греческого слово «анархия» означает «безначалие», «безвластие», в толковании словарей — «распущенность, беспорядок, хаос». В такой интерпретации это явление действительно выглядит крайне опасным. Но анархизм в жизни столь же разнообразен, как и сама жизнь. Его направления различаются и временем возникновения, и принципами, и оттенками.

Герцен так объяснял свое понимание анархизма: *«Анархия», «талант повиновения» — все это требует определенности; неясность, неопределенность опасны. Если «анархия» значит беспорядок, произвол, разрыв круговой поруки, несоответствие разуму,— то социализм с ней борется еще более упорно, чем монархия».* Он и его последователи в России были анархистами-федералистами. Следовательно, они предполагали — в соответствии с разумом — наличие определенного порядка управления страной, в том числе, как увидим, и наличие в федерации соответствующих центральных учреждений.

Главное в анархизме — вопрос о власти, о формах и принципах будущего политического устройства социалистического общества. Наши анархисты отрицали самодержавную диктатуру и вообще бюрократически централизованную власть как несовместимую с принципами свободы личности и демократии. Они отрицали государство как аппарат насилия и противопоставляли ему свободную федерацию самоуправляющихся общин, округов и провинций.

В этом духе высказывался и Н. Г. Чернышевский. Традиционная историография весьма своеобразно использовала его дневниковую запись от 20 января 1850 года с целью показать Чернышевского сторонником создания в итоге будто бы крестьянской революции правительства *«многочисленнейшего класса — земледельцы + поденщики + рабочие...».*

Но так ли это на самом деле? Обратимся к дневниковым записям. 18 сентября 1848 года Николай Гаврилович пишет: «единственно возможной и лучшей формой правления есть диктатура или «лучше» наследственная неограниченная монархия, стоящая выше всех классов, но для всех благодетельная. Если ее благодеяния оказываются большими для низших классов, то только потому, что они в них больше всех нуждаются. Ее предназначение — служить человечеству, поднять народ до уровня развития и прав высших классов, после чего, исполнив свою историческую миссию, она, передав власть народу, падет, но *«сопровождаемая благословением человечества».* Однако произойдет это не скоро...»

Развивая эти мысли, Чернышевский сделал новую запись в январе 1850 года: *«Тогда я думал так, что лучше всего, что абсолютизм продержит нас в своих объятиях до конца развития в нас демократического духа, чтоб, как скоро начнется правление народное, правление de jure и de facto перешло в руки самого низшего и многочисленнейшего класса — земледельцы + поденщики + рабочие...»* Теперь же, продолжает Чернышевский, *«я решительно убежден в противном — монарх, и тем более абсолютный монарх,— только завершение аристократической иерархии».* Итак, в то время он призывал к борьбе с монархией, но впоследствии возьмет верх представление о легитимности самодержавия, причем будущий «революционный демократ» особо отметит заслуги перед отечеством не только Петра Великого, но и других самодержцев — Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I; Александра II он едва не боготворит за то, что тот приступил к реформе.

Кто читал дневниковые записи Чернышевского, не мог не обратить внимания на кипучую работу мысли, увлеченность студента все новыми и новыми идеями, которые возникали по мере чтения книг западных мыслителей. Формировались одни представления, новая книга разрушала их и воздвигала другие. Книги и их концепции были горючим материалом складывавшегося мировоззрения.

Наиболее сильное влияние на студента Чернышевского оказали французские социалисты Луи Блан и Пьер Жозеф Прудон. От них и других мыслителей юноша усваивает общую идею равенства и братства, но он еще не может определить, к какому направлению принадлежит сам. В конечном счете он склоняется к точке зрения «отца федерализма» Прудона. 22 августа 1848 года Чернышевский записывает: в споре *«защищал социалистов, Францию и ее вечные волнения, Прудона».* 5 и 25 сентября того же года он вновь восхищается Прудоном ... а в 1850 году говорит уже о предпочтении анархии снизу, *«потому что там хоть не может быть таких бесчеловечных отношений, понимаете ли, не действий, а отношений, а это важнее».*

Последующие высказывания о французском анархисте появляются через 9 лет. В 1859 году на страницах «Современника», уже имея сложившиеся взгляды, Чернышевский пишет: *«... основная мысль его постоянно одна и та же — мысль, что всякое правительство, в какой бы форме ни было, противно общественному благу».* Не одну страницу он посвящает Прудону в своей главной философской работе «Антропологический принцип в философии».

Прудон не вышел из поля зрения Чернышевского и позднее. Теперь он подверг критике философские взгляды Прудона, но воспринял его программу мирного переустройства общества на федеративных началах, где торжествует личность, свободно формирующая снизу вверх новые политические институты. По Чернышевскому, нация *«не может быть руководима одним насилием»,* делающим все здание *«похожим на железную клетку».* Диктатуру и централизацию с органически присущей ей бюрократией он считал институтами феодализма и потому чуждыми социализму. Демократия, говорил он, *«противоположна бюрократии»* и *«требует самоуправления и доводит его до федерации».*

Будущая социалистическая федерация виделась Чернышевскому в образах местного и центрального самоуправления. Он не хотел называть его правительством в обычном смысле слова, так как *«слово «правительство»,—* говорил он,— *вводит в заблуждение своим привычным административным бюрократическим и централизационным оттенком...».* Он даже говорил, что речь *«должна идти собственно не о правительстве, а вообще о коллективной деятельности».*

Сфера этой деятельности центрального управления весьма широка. Джон Стюарт Милль, замечает Чернышевский, рассматривает этот вопрос узко и односторонне, *«в одной из частных его форм — в той форме, когда общественная сила является с характером правительства».* Но, по Чернышевскому, *«могут возникнуть со временем такие формы быта, в которых или не будет вовсе ничего соответствующего нынешнему понятию о правительстве, или этот вид общественной силы и деятельности будет иметь гораздо меньшее значение, чем теперь».*

Возражая Миллю, Чернышевский, однако, ссылается на него, когда речь заходит о том, что должна делать эта власть или «общественная сила». В пределах видимости, она должна устанавливать правила общего пользования землей с ее лесами и водами, другими богатствами над ней и под ней; ее компетенции подлежат железные дороги, мосты, почта; разрешение споров, нотариальные дела, милосердие, чеканка денег, «установление нормальных весов и мер» *«устройство или улучшение пристаней, постройка маяков, топографические и гидрографические работы для составления верных карт, устройство плотин для сдерживания морских и речных наводнений».*

Чернышевский особо оговаривает меры по защите общинного социалистического хозяйства от угрозы со стороны капиталистической фермы и частнособственнических побуждений отдельных членов самой общины. Он писал, что для *«его сохранения нужна правительственная забота».* Кроме того, обязанностью правительства должно быть выделение для становления общинного хозяйства *«первоначального пособия под определенные кредиты»;* для ведения хозяйства общиной в течение первого года оно назначает специалиста, способного в то же время помочь общинникам приобрести практический опыт самостоятельного хозяйствования.

Чернышевский предполагал, что могут быть случаи, когда отдельный член общины пожелает превратить свой участок общественной земли в личную собственность. Это может оказаться соблазнительным и для других, что чревато угрозой распада общинного хозяйства, *«разрушения выгоднейшего для всех порядка»,* чего, конечно, допустить нельзя. И тут свое слово должна сказать администрация.

Таким образом, необходимость центрального управления в федерации диктуется самыми разнообразными потребностями общественной жизни. Но каким оно должно быть?

«Демократическое государство,— писал Чернышевский,— *есть союз республик или, лучше сказать, образуется из нескольких постепенных наслоений республиканских союзов, так что каждый довольно значительный союз состоит, в свою очередь, из союза нескольких округов,— таково устройство Соединенных Штатов».* Здесь четко определяется такая структура управления: центральное управление — союз республик — округа — община. Формироваться же эта федеральная иерархия должна по принципу снизу вверх, что и показывает Чернышевский, прослеживая порядок образования политических структур Соединенных Штатов: *«В них каждая деревенька есть особенная республика; из соединения нескольких деревень образуется приход, который опять-таки составляет самостоятельную республику; из соединения нескольких приходов образуется новая республика — графство; из нескольких графств — республиканский штат; из союза штатов — государство».* Идеальной, т. е. начисто лишенный бюрократии, представлялась ему и швейцарская федеративная демократия.

Другим важнейшим фактором была гарантия свободы личности и нижестоящих структур федерации. Демократия *«требует того,—* писал Чернышевский,— *чтобы каждый гражданин был независим в делах, касающихся только до него одного; каждое село и каждый город независим в делах, касающихся его одного; каждая область — в своих делах».*

Администрация села, города, округа и т. п. подотчетна народу и зависит от него. *Демократия...*

Свободная личность могла развиваться только в условиях свободы в стране. Поэтому Чернышевский был против права государства *«следить за каждым печатным и даже изустным словом... Если же связана мысль,—* говорил он,— *связана и вся жизнь».*

Изложенные Чернышевским (а ранее Герценом) принципы анархо-федерализма с присущим ему блеском и энергией отстаивал и М. А. Бакунин. Правда, он ставил вопрос категоричнее и шире, зовя к переустройству *«своих отечеств, дабы заменить в них старую организацию, основанную сверху донизу на насилии и принципе власти, новой организацией, не имеющей другого основания, как интересы, потребности и естественные влечения населения, ни другого принципа, как свободная федерация индивидуумов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних в Соединенные Штаты сперва Европы, а затем всего мира».*

Теперь мы видим, что оправдывается не Марксова мечта превратить человечество в монолит централизованной казарменной общности, а провидение великих русских анархистов. Теперь россияне, похоже, организуются именно на принципах федерализма, самоуправления на местах. Вслед за этим необходимо отказаться от губительного тезиса о праве наций на самоопределение, в силу которого народы никогда не обретут мира и согласия. Надо обустроить жизнь по исторически присущему стране и заложенному в проект новой российской конституции принципу Земель, где все будут иметь одинаковые права и условия для развития.

АЛЕКСЕЙ БОРОВОЙ

АНАРХИСТСКИЙ МАНИФЕСТ

Последний раз о нем писала «Вятская правда» от 12 ноября 1930 года. Разносная статья «Букет чуждых в «Смоллесстрое» в числе прочих упоминала и «завпланотделом Борового — политссыльного, эсера». Между тем эсером Алексей Алексеевич Боровой никогда не был. Вятская, а затем и владимирская ссылки в конце 20-х — начале 30-х годов были последними этапами жизни этого неординарного человека. Юрист и политэконом, профессор Московского университета, журналист и публицист, Боровой в начале века подобно многим переболел марксизмом. Но в отличие от Булгакова и Бердяева он пошел по анархическому пути, став родоначальником интереснейшего направления — анархо-гуманизма. Практически забытое имя Борового теперь постепенно выплывает из небытия. В конце 1989 года был извлечен из спецхрана его богатейший (свыше тысячи единиц хранения) архив (ЦГАЛИ, фонд 1023). Анархизм в изложении Борового — это самостоятельное, жизнеспособное учение, в центре которого — пути преодоления властных отношений на началах гуманизма, общественного договора, свободного развития личности. Ярким воплощением его идей стал публикуемый ниже «Анархистский манифест». Любопытны и дневники Борового. Мы приводим выдержку из них, посвященную «священной личности» Н. А. Добролюбова.

Революция и свобода всегда рождались в крови и страданиях.

На заре их падают жертвы — герои, борцы, творящие новое, и наследники старого, с отчаянием его защищающие.

Но... не надо, чтобы жертвы падали даром. Перед нами — гигантская работа, такая, какой еще не знало человечество.

Надо переустроить целую страну, расшатанную развратом старого порядка, войной и опытами «сверху» разных партий. И в переустройстве это — нести не старую рутину, не затхлое и догматическое профессиональных изобретателей человеческого счастья, но новое, творческое, взятое непосредственно из жизни, отвечающее устремлениям и интересам тех людей, которыми и для которых совершался переворот.

Пора покончить с любой опекой, хотя и самой благожелательной! Пора покончить с представительством, кто бы ни был представителем! Каждый должен взять «свое» дело в «свои» руки!

К этому зовет нас анархизм!

Анархизм — учение жизни! Анархизм родится с каждым человеком и живет в каждом из нас, но задавлен — нищетой, робостью, лакейством пред людьми и пред теориями, привычками к насилию и развратной жизни. И нужны — смелость, просветление, жажда подвига, чтобы в каждом — и большом, и малом — проснулся анархизм.

Анархизм — учение свободы! Не отвлеченной, призрачной свободы, но жизненной, реальной... В основе всех построений анархизма — свободный человек, свободный от гнета учреждений, от власти законов, которые для него придумали другие. Но свобода анархиста есть свобода всех. Раз есть раб, он — не свободен. Анархист должен бороться до тех пор, пока не будут свободны все. Нет идолов для анархизма, ничего абсолютного, кроме самого человека, его свободы, его прав на безграничное развитие. Каков бы ни был общественный порядок, анархист всегда будет стремиться дальше, к новому, более совершенному, полнее и чаще говорящему его анархической совести.

Анархизм — учение равных! Все — равны в свободе. Каждый — творец своего дела. И сфера личной его свободы — неприкосновенна.

Анархизм — учение культуры! Ибо анархизм зовет не к разрушению, но преодолению культуры. Не к бессмысленному разгрому и расхищению достояния народного, но бережному хранению ценностей, в которые заключены творческие достижения человека, которые — необходимы, как средство к последовательному, непрерывному нашему освобождению. Анархизм — наследник всех прошлых освободительных стремлений человека и несет ответственность за их сохранность.

Анархизм — учение любви! Ибо он учит любить не себя только и свою свободу, но каждого и всех. Он зовет к подвигу, зовет к великому делу, чтобы плоды его собрали не только наши современные, но и будущие, далекие от нас братья. Он зовет к борьбе, разрушению насильнической системы, но не к мести и бесстыдным самосудам против отдельных лиц.

Анархизм — учение радости! Ибо он верит в человека, верит в его неограниченные возможности, верит, что своим подвигом для всех он связует все времена и всех людей. Так родится радость творца — величайшая из возможных для человека радостей!

Из книги: Боровой А. Анархизм. М., 1918, с. 168—169.

2/IX-32. Н. А. ДОБРОЛЮБОВ. ДНЕВНИКИ. 1851—59. Москва, 1931.

Неожиданно для меня, в высшей степени интересная книга...

Океаны резонерства, поразительного «благоразумия» в юноше. Но все это — не то. Главное — не здесь. Главное — в эротике Д-ва. Впервые дневники печатаются полностью. Комментатор В. Полянский прав, что так «Д. впервые встает перед нами как живой человек, а не как бесплотный святитель, отрешившийся от мира сего».

Какой там святитель.

Конечно, все ценно в большом человеке. Как миновать эротику?

Моя снисходительность, в этом смысле, безгранична. Плотскость, сгорание плоти — для меня бесспорный признак талантливости природы вообще. Большой человек есть всегда большой самец. И лишь внешние обстоятельства могут приглушить у него внешние доказательства пола. Он — завоеватель, агрессивен и не может не алкать жизни в одном из ярчайших ее проявлений.

Д-в ходит в публичные дома, от одной девочки к другой, с одной имеет сентиментальный роман, у других пленяется «свежестью юности», хорошим сложением и т. д. Д-в подглядывает, подслушивает, Д-в трехрублевками покупает счастье. Все — в порядке вещей. Д. человек сильного полового темперамента, быть может, развращенного воображения. Кто ж кинет камнем? Формы потребления диктуются общей структурой общественности, и здесь Д-в был только сыном своего времени. В плену стихийных закономерностей напрасно бились люди еще большего калибра...

Но... я все принял бы без «но», иди речь о Пушкине, Толстом, Некрасове, Достоевском... Эти люди могли и должны были пройти и такую эротику. В их творческом облике, в их интеллектуально-моральном самоутверждении такой опыт занимает свое, вполне законченное и вполне оправданное место.

Человек не двоится. Пушкин ничего не теряет от своей солнечности, выходя из дома. Толстой умеет каждому бутону жизни найти грядку и сезон. Достоевский должен был все испить, чтобы на дне найти страдание и правду.

Но... Добролюбов. Нет... дом, трехрублевки, эротический смак — не вяжутся с ригоризмом его выступлений, его ригорической мифологией... Что-то фальшиво, что-то двоится...

И не за четыре же года критики только были сказаны великолепные слова: «Природа мать...» и т. д.

Предисловие и публикация
ДМИТРИЯ ОЛЕЙНИКОВА

БОРИС НИКОЛАЕВСКИЙ

Большевистский Центр

Борис Иванович Николаевский (1887—1966) — сын священника. В 1903—06 годах — большевик, затем меньшевик. В 1904 году впервые арестован за принадлежность к молодежному революционному кружку. В его биографии 8 арестов, ссылки и побеги из тюрем.

В 1918—20 годах, как представитель ЦК меньшевиков, ездил с поручениями от партии по всей России. В феврале 1921 года вместе с другими членами ЦК меньшевистской партии арестован и после 11-месячного заключения выслан из РСФСР за границу. Там он стал членом Заграничной Делегации РСДРП, вошел в редакцию «Социалистического Вестника».

Постановлением Советского правительства от 20 февраля 1932 года лишен гражданства.

Но при всей немалой политической активности Николаевский прежде всего историк. Именно он — летописец меньшевистской партии, автор многочисленных трудов по истории общественных движений. Начиная с 1917 года собирал и хранил архивы. В 1918 году вместе с П. Е. Щеголевым составил проект организации Главного управления архивным делом, в 1919—21 годах стоял во главе Историко-революционного архива в Москве.

Николаевский оставил бесценное богатство — 800 с лишним коробок архивных материалов. Они хранятся в Гуверовском институте (Стэнфорд, США).

Большевистский Центр (БЦ) — так называлась организация, которая в 1906—09 годах стояла во главе большевистской фракции тогда формально еще единой РСДРП. История этого Центра до сих пор остается неизученной. Во всей огромной литературе по истории большевистского движения нет ни одной работы, которая бы содержала попытку дать обзор деятельности этой организации.

Знакомство с материалами о БЦ позволяет понять причины замалчивания: в его истории было слишком много таких сторон, привлекать внимание к которым советские историки считают нежелательным.

Эту ошибку исправил Борис Иванович Николаевский.

С этого номера мы начинаем публиковать журнальный вариант работы Б. Николаевского «К истории Большевистского Центра», которая, как нам представляется, ликвидирует очередное «белое пятно» в истории большевистской партии.

I

В истории Большевистского Центра (БЦ) следует различать три главных периода: от мая 1906 года до мая 1907 года (т. е. между Стокгольмским и Лондонским съездами РСДРП), от мая до конца 1907 года (до выезда за границу Ленина и Богданова, а затем Красина и ряда других членов БЦ) и, наконец, от начала 1908 года до официального роспуска БЦ, который состоялся после пленума ЦК в январе 1910 года.

Кто именно входил в БЦ первого состава, точно не известно: в печати имена членов ни в то время, ни позднее названы не были. Несомненно, что стержнем БЦ была тройка в составе Ленина, Богданова и Красина, которая в письмах Богданова фигурирует под названием «финансовой группы», а в заявлении Камо-Петросяна — под названием «коллегии трех». Именно она фигурирует и в документах Лондонского съезда в качестве полномочной представительницы большевистской фракции, которой были переданы 60 тыс. рублей из наследства Саввы Морозова «лицом, имевшим формальное и моральное право распорядиться деньгами по своему усмотрению».

Добывание средств и расходование их на дела, которые вела большевистская фракция, действительно составляли важную часть функций «тройки». Но ими она не ограничивалась: она вела также вообще все конспиративные предприятия большевистской фракции, а эти предприятия были и многообразны, и разносторонни. Красин был исключительно талантливым организатором-инженером (...) и создал вокруг БЦ даже не трест, а целый сложный комбинат всевозможных тайных лабораторий, мастерских, типографий и пр., обслуживавших не только большевистские, но и иные, совсем не социал-демократические «боевые предприятия». Достаточно сказать, что дача Столыпина была взорвана бомбами, изготовленными в лабораториях БЦ, и при экспроприации в Фонарном переулке в ход были пущены снаряды того же происхождения.

Весьма возможно, что в этот период весь центр большевистской фракции, поскольку он был как-то закреплен организационно, состоял из одной этой «тройки».

* * *

Лондонский съезд (май 1907 года) принес большие изменения и в структуру большевистской фракционной организации. Большевиков на нем оказалось лишь немногим больше, чем меньшевиков: ста пяти большевикам противостояло 97 меньшевиков плюс 4 тяготевших к последним «нефракционных». Но в ряде вопросов вновь вошедшие в РСДРП национальные социал-демократические группы (особенно польская) были ближе к большевикам, и в союзе с ними те получили большинство в ЦК. Это большинство было весьма непрочным: распространялось оно далеко не на все вопросы, но меньшинством в ЦК большевики во всяком случае быть перестали. Тем не менее о роспуске своего фракционного центра большевики и теперь не думали. Наоборот, они расширили этот центр, подвели под него строго оформленную организационную базу и официально дали ему название: «Большевистский центр».

В новый Центр теперь было введено 15 человек, а именно: А. А. Богданов, И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Б. Красин, В. И. Ленин, Г. Д. Линдов, В. П. Ногин, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, А. И. Рыков, В. К. Таратута, И. А. Теодорович и В. Л. Шанцер.

«Мы решили,— пишет Зиновьев,— что в ЦК мы будем работать и страдать по долгу службы, но настоящую работу мы будем делать в своем БЦ, ибо было ясно, что этот «брак поневоле» с меньшевиками будет непродолжительным».

Есть все основания полагать, что именно такими соображениями на тогдашних совещаниях большевиков было официально обосновано решение об укреплении и оформлении их фракционной организации. Но внимательный анализ списка членов нового состава БЦ, на фоне дальнейшей тактики Ленина во внутрифракционных отношениях, заставляет думать, что поведение Ленина в этом вопросе определялось также и соображениями иного порядка: он уже в то время предвидел возможность конфликта внутри фракции большевиков и принимал меры для закрепления своих позиций против двух остальных членов старой руководящей большевистской «тройки» — Богданова и особенно Красина.

Такой конфликт действительно произошел очень скоро, и именно он определил дальнейшие судьбы БЦ.

Полное и всестороннее выяснение действительных причин этого конфликта внутри БЦ возможно только в итоге, с одной стороны, подробного анализа общей эволюции политической и тактической мысли большевизма эпохи революции 1905—1907 годов, и, с другой, выяснения личных отношений между руководящими деятелями большевистской фракции,— и прежде всего, конечно, между Лениным, Богдановым и Красиным.

В листовке «К товарищам большевикам», которая была написана Богдановым и издана группою «Вперед» в ответ на заявление Ленина о роспуске БЦ (январь 1910 года), Богданов писал:

«Большевики, учредившие на Лондонском съезде Большевистский центр, смотрели на него как на организацию, которая, с одной стороны, выражает основные идеи революционного крыла партии, развивая их печатно, с другой — объединяет различные большевистские группы, разбросанные по России, и заведует, под их контролем, <u>материальными средствами большевиков...</u>»

Наиболее важным в цитированных выше словах Богданова является подчеркнутое нами заявление Богданова о роли БЦ в качестве органа, который заведует «материальными средствами» всех большевистских организаций. Речь шла, конечно, не о тех средствах, которые поступали в кассы местных организаций в нормальном порядке, путем всевозможных сборов и добровольных пожертвований: этих средств всегда с трудом хватало на текущую работу местных организаций, которые, как правило, не имели возможности даже отправлять в ЦК требуемые уставом отчисления. Речь шла о материальных средствах совсем другого происхождения, которые, по словам Богданова, исчислялись «сотнями тысяч рублей».

Вопрос о расходовании этих средств был главной причиной наиболее острой критики, которую Богданов направляет против руководителей БЦ:

«Поскольку ему (т. е. БЦ),— пишет Богданов,— надо было воздействовать на общественное мнение партии, он старался делать это путем денежной зависимости, в которую он ставил как отдельных членов партии, так и целые организации, большевистские и не только большевистские. За последние два года не было дано организациям ни одного денежного отчета, а истрачены были сотни тысяч. Попытки некоторых организаций установить постоянный контроль над принадлежащими им суммами встречали со стороны БЦ энергичный от-

пор и потерпели полное крушение. Таким образом, и в идейном, и в материальном, и в организационном смысле, БЦ стал бесконтрольным вершителем большевистских дел, поскольку они зависели от заграницы».

Формулировки, которые употребляет Богданов, свидетельствуют об его стремлении быть как можно более осторожным и как можно меньше приподнимать завесу над секретными сторонами жизни БЦ. Он, несомненно, прилагал усилия, чтобы не дать волю своим подлинным настроениям. Но существо его обвинений ясно: Ленин, прикрываясь фирмой БЦ, который перестал считаться с мнениями создавших его организаций, захватил в распоряжение своей группы «огромные денежные средства» (формулировка той же листовки) всей большевистской фракции, и на эти средства вел работу по укреплению положения своего узкого кружка и по коррумпированию остальных частей большевистской фракции, по коррумпированию всей партии вообще.

Обращение это было написано Богдановым в марте или даже в апреле 1910 года, когда уже выяснилась вся непримиримость конфликта с Лениным, стремившимся во что бы то ни стало не допустить самостоятельной политической деятельности Богданова и его единомышленников.

Роль, сыгранная в этом расколе вопросом об «имуществе всей фракции», объясняет также и причины резкости тогдашних отзывов Ленина о Красине. ...Он с раздражением писал о Красине как о «мастере посулы давать и очки втирать».

Этот отзыв совершенно необъясним, если б дело шло о Красине как политическом деятеле, но он больше, чем понятен, если считать, что он относится к Красину как министру финансов БЦ, у которого были сложные счеты с Лениным, принимавшим ответственное участие в решении всех запутанных дел, проводившихся БЦ для пополнения своей кассы.

* * *

О финансовых операциях и вообще о бюджете БЦ известно очень мало. Финансовый отчет БЦ никогда и нигде опубликован не был. Известно, что такой отчет был представлен тому расширенному совещанию БЦ, которое одно только и было созвано за границей в июне 1909 года под названием «совещания расширенной редакции «Пролетария». Но прежде всего это был отчет только за время от 1 декабря 1907 года до 15 мая 1909, т. е. говорил лишь о том периоде, который нами выше определен как последний, третий период деятельности БЦ, когда главные деятели последнего находились уже за границей. Но и за этот период ни сам отчет, ни какие-либо отдельные цифровые его показатели в печати тоже не появлялись.

Указанное совещание создало для рассмотрения этого отчета особую ревизионную комиссию, которая представила совещанию свое заключение относительно рассмотренного отчета. Из него видно, что с отчетностью до 15 сентября 1908 года, когда значительная часть расходов производилась в России, дело обстояло в высшей степени плохо, ибо тогда «не велось точных и подробных отчетов»; «многие оправдательные документы» по конспиративным соображениям вообще не были взяты, часть других погибла при арестах.

Необходимо отметить, что в условиях подполья действовать тогда приходилось не только БЦ, но и всем другим революционным и социалистическим организациям; тем не менее они всегда старались по мере возможности публиковать свои финансовые отчеты — как в расходной, так и в приходной частях.

Полезно добавить, что и в 1910 году, когда БЦ был распущен, никакого денежного отчета или вообще сообщения об его кассе тоже опубликовано не было. Группа «Вперед» указала на это обстоятельство в заметке, посвященной разбору денежного отчета Заграничного бюро ЦК РСДРП с 1 февраля по 30 апреля 1910 года. На эту заметку Ленин ответил очень резкой репликой, но вопрос о денежном отчете БЦ и в ней был обойден полным молчанием.

Причины столь упорного молчания, конечно, ни в коем случае не могут быть объяснены необходимостью охранять секреты подпольной организации от полиции. Так поступать лидеры БЦ должны были потому, что секреты своего финансового отчета они скрывали не только от полиции, но и от общественного мнения той партии, в состав которой они тогда формально входили, но от которой они прятали целый ряд важных сторон своей деятельности — в том числе все те, которые так обогащали их кассу...

Таким образом, от самого БЦ до нас не дошло никаких указаний о его бюджете — ни о размерах средств, поступивших в его кассу, ни об их происхождении, ни о статьях его расходов. Если мы имеем возможность в известной мере заполнить этот пробел, то этим мы обязаны отдельным разрозненным указаниям, которые проскальзывают в специальной исторической литературе, в мемуарах и т. д. Подчеркиваем, что все основные сведения мы берем из литературы большевистского лагеря и только для проверки и дополнения привлекаем литературу иного происхождения.

Касса БЦ имела два основных источника своего пополнения. Это были, с одной стороны, пожертвования, поступавшие от отдельных лиц или в результате широких сборов, и, с другой стороны, суммы, которые БЦ получал в качестве дохода от экспроприаций, производимых большевистскими боевыми дружинами в различных частях страны.

Из поступлений первой группы наиболее значительными (и в то же время с наибольшими трениями связанные) были два: наследство Н. П. Шмидта, принесшее в кассу БЦ около 280 тысяч рублей, и так называемые американские деньги, точные размеры которых неизвестны, но во всяком случае исчисляются в десятках тысяч рублей... Эти деньги были получены от сборов, проведенных в США летом 1906 года в связи с приездом туда М. Горького.

Эта поездка была организована большевиками. Главным ее инициатором был Л. Б. Красин, но уже в период организации этой поездки (март 1906 года) действовал объединенный ЦК РСДРП, в который входили и большевики, и меньшевики; и Горький ехал в Америку, имея письма к Американской социалистической партии, официальное — от этого ЦК, и личное — от Ленина.

Как совершенно правильно указывает лидер Американской социалистической партии М. Хилквит, поездка и с общественной, и с финансовой стороны была организована крайне неудачно — людьми, которые совсем не понимали американских условий и думали только о том, чтобы сорвать как можно больше денег. Ошибки, сделанные в процессе организации этой поездки, сильно помогли успеху той кампании травли Горького, которая была умело раздута агентами тогдашнего царского посольства. Широкая кампания сборов, проводимых по каналам, не связанным с рабочим движением, была полностью сорвана, и только после того, как организаторы поездки Горького убедились в провале своих планов, они обратились к рабочим организациям.

Продолжение стр. 32

Вся жизнь — праздник

Москва, 7 ноября 1991 года
фото Юрия Козырева

Евгений Долматовский известен прежде всего как поэт. Немало поэтических сборников на его счету (первый вышел в 1934 году). Но, видимо, с возрастом у человека возникает потребность зафиксировать прожитое, поделиться воспоминаниями — радостными и печальными страницами своей жизни.
В результате родилась серия мемуарных книг под общим названием «Было» и «документальная легенда» «Зеленая брама» — о пограничных боях 1941 года, свидетелем и участником которых был поэт. И вот — новая работа, сборник «Очевидец». Это очерки о встречах с интересными людьми, различных неординарных ситуациях, в которых не раз оказывался автор.
Книгу планирует выпустить издательство «Республика». А мы сегодня знакомим читателей с одной любопытной историей из этой книги.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

«Я из-за тебя ночь не спал...»

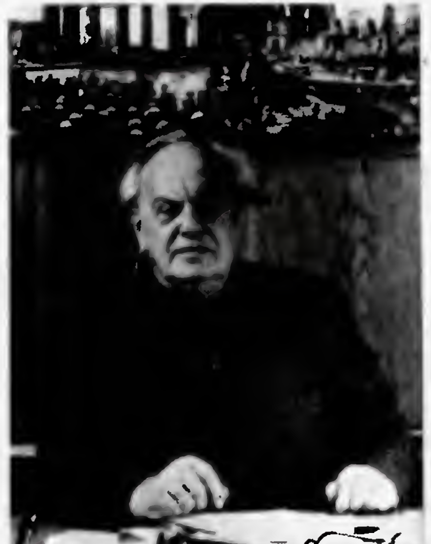

Фото Евгения Халдея

Октябрь 1956 года.

Открылись туристские поездки за рубеж, и мне посчастливилось съездить во Францию. Это была беззаботная, первая и последняя в жизни действительно туристская поездка: музеи, достопримечательности, автобусная экскурсия к Средиземному морю, даже с заездом в княжество Монако. Насколько я помню, в программу не была включена традиционная встреча в обществе Франция — СССР. Просто — путешествие. Ни малейшего касательства к политике; даже газет мы не читали — свои тогда не доходили, французских (по причине недостаточного владения языком) мы не покупали, а русские эмигрантские, с ятями и твердыми знаками, брать в руки побаивались: малейшее нарушение полученных перед выездом наставлений грозило тем, что поездка окажется последней. Еще только открылись выезды, но уже утвердился отвратительный термин «невыездной»...

Такие безмятежные, красивые две недели! Не было в моей жизни ничего подобного; необычность происходящего возбуждала тревогу, правда как бы окрыленную, легкую: что-то уж слишком хорошо мне. Так долго продолжаться не может. Лучше не будет, значит, будет хуже. Первые зерна тревоги заронила мне в душу Прага, хмурая, настороженная, с полувыключенным освещением.

Радужные воспоминания о Париже, впрочем, пересилили пражские впечатления. Я чувствовал себя счастливым настолько, что даже неловко было отвечать товарищам на их вопросы: «Ну, как прогулялся по Европе, путешественник?»

Я решил по возвращении недельку отсидеться дома, остынуть...

Но был я, на свое горе, незадолго до путешествия избран в руководство только что созданной Московской писательской организации. Не успел я снять с плеч пальто — завопил телефон. Наша секретарша Люба Выборнова тревожно доложила: «Председатель (это был Константин Федин) в санатории, а у нас бог знает что творится. Приезжайте срочно!»

В Центральном доме литераторов я застал столпотворение — на вечер запланировано обсуждение романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым».

— Помните, вы подписывали октябрьский план мероприятий? Вечер Дудинцева назначен как раз на сегодня.

Утверждение плана входило в мои обязанности, я же подписывал наряд в типографию на печатанье пригласительных билетов. Членов Союза писателей в Москве тогда было около двух тысяч, столько и заказывали билетов. В Большом зале (он еще назывался Дубовым) вмещается 500 человек. Ну вот кто-то и высчитал: сколько билетов ни печатай, больше 500 человек не придет. Директор Дома потом отмечал в толстой амбарной книге: напечатано две тысячи билетов, посетителей набежало двести — триста. А иногда записывали так: «Пришлось перенести мероприятие в Малый зал (явилось всего двадцать человек)».

А сегодня (кто бы подумал!) скандал из-за билетов на обсуждение романа Дудинцева. От двух тысяч билетов не осталось ни одного! Где достать билетик?

У администратора крики, телефон задыхается — звонят из посольств, домогаются иностранные корреспонденты. Рвутся в Дом и пижоны — любители скандалов и премьер — и седые возбужденные читатели «Нового мира» (в этом журнале опубликован роман).

Еще вечер не наступил, но в Доме полно народу, и толпа все прибывает.

Я виноват перед Володей Дудинцевым: из-за радужного путешествия не читал еще его романа. А должен бы первым его читать, ну, одним из первых. Мы знакомы давно: мне было четырнадцать, ему и того меньше, когда мы встретились в редакции «Пионерской правды» и стали «деткорами». Нашей дружбе четверть века, вот такой стаж. И у меня в пределах Союза писателей еще несколько таких друзей — Александр Галич, Даниил Данин, Яков Хелемский, Любовь Руднева — по пальцам одной руки можно пересчитать...

Теперь взрослый Володя сочинил роман «Не хлебом единым», и шум идет по всей Москве. Голова не закружилась у автора, он все такой же спокойный и добрый, сосредоточенный, задумчивый. Свой первый успех он встречает сдержанно, можно позавидовать. Да, я не успел прочесть роман, но Володю я поздравил. Наверняка его сочинение интересное, современное, в духе времени. Мы — «деткоры» — спаяны круговой порукой: твой успех — мой успех, твоя слава — моя гордость.

Как мне приятен успех товарища! Прекрасна эта толпа у входа, шум и телефонные звонки от иностранных корреспондентов. Володя выходит на мировую арену, это так здорово!

Отвечаю на телефонные звонки:

— Билеты кончились, но вы приходите, дорогой товарищ, господин из посольства.

Ловлю себя на том, что мне нравится распоряжаться, я литературный начальник, от меня зависит много, вот — содействую успеху Володи Дудинцева.

Ко мне в кабинет заходит бородатый секретарь парткома, еще более зараженный вирусом начальничанья. Важный, солидный — куда мне до него. Спрашивает руководящим голосом:

— Какие меры ты принимаешь?

Почему я должен принимать меры? Я просто радуюсь успеху Володи Дудинцева! Мы с ним кореши, водим пером по бумаге с тридцатого года.

Мы — безусые энтузиасты, шумные передовики, были — активисты-пионеры, теперь — передовики советской литературы. Мы дети своего великого времени... А великое время безжалостно отнимало у нас родных и близких, да еще «именем Революции» бросало туда, где трудней, и водило нас под пули, к счастью (если противно в таком контексте употреблять понятие счастье), под фашистские пули; и те, кто чудом выжил или спасся, шли вперед, если и не без страха, то без сомнения, хотя и для того, и для другого возможностей и причин было предостаточно.

А друг перед другом мы всегда в долгу, и стыдно мне перед Володей Дудинцевым идти на обсуждение его романа, не прочитав ни единой странички.

Атмосфера в Центральном доме литераторов накалилась до предела. Разрывают меня, беднягу, на части. Еще до начала два часа, а зал уже набит до отказа, не кричат, орут... Руковожу хаосом, а в голове — «под крышами Парижа». Лазурный берег, Монако (сцена из «Игрока» Достоевского: казино, «дамы и господа, делайте вашу игру!»).

— Товарищ Долматовский, мы — делегация от реабилитированных. Неужели вы нам откажете?

— Ну что вы, вот двадцать пропусков...

— Но нам надо сорок...

— Простите, больше не могу, просто нету мест.

— А мы все равно все придем.

— Группа студентов Литературного института...

— Домовой комитет микрорайона, ваш Союз писателей над нами шефствует...

Вот уже и домовой явился!

Отказываюсь, отбиваюсь, но катастрофа неизбежна, плотину прорвало.

Бедная моя секретарша Люба безмолвно рыдает. (Я вспомню ее состояние перед тем вечером, когда узнаю через недолгий срок, что эта душевная женщина выбросилась из окна своей только что полученной комнаты в новом писательском доме. Помню: сначала — Фадеев, а вслед иные писатели...)

Голодный и злой, я буквально выползаю из дубовых дверей кабинета на балкон зала бывшей (по слухам) масонской ложи. Что творится в зале! Что называется — сидят на головах друг у друга. Все возрасты, но и молодежи много. Женщины громко разговаривают. Проносится слух: какого-то корреспондента с фотоаппаратами (из тех, которых я распорядился не пускать), карабкавшегося по водосточной трубе, сбросили вниз, и он сломал себе ногу.

Президиум сгруппировался. Деловитый Симонов предлагает начать обсуждение.

В обсуждении приняли участие главным образом сторонники и защитники романа Дудинцева. Уже была необходимость защищать роман от нападок. Уже известно, что роман не понравился «наверху», что в нем усмотрели критику советского общества, а оно ведь — образец и высшая формация социальной вершины. А разве правда в романе? Нет, сущая клевета. Изобретатель не может пробиться из окружения негодяев и бюрократов. А начальник комбината — типичный подлец!

Публика и выступавшие ораторы встали на оборону романа «Не хлебом единым».

Зал вел себя не то чтобы агрессивно, но проявлял грозные качества толпы, в недавние времена легко использовавшиеся литературными начальниками против книг, чему-то не соответствующих, чему-то противоречащих.

Наибольший успех выпал на долю тихого, считавшегося даже тишайшим, Константина Паустовского. Вот уж я от него не ждал таких острых и резких слов.

Голос его гремел! Он обличал советских бюрократов, народившийся класс паразитов, тормозящих развитие общества. Он рассказывал о путешествии во Францию на теплоходе, о начальничках, плывших в качестве туристов, — невежественных, злобных, подлых.

После бурного обсуждения прошло несколько серых дней. Никто нас не тревожил, телефон помалкивал, я уж думал, что все в порядке, времена изменились, а при Сталине разразился бы скандал. Но я поторопился с выводами.

Сперва пришел, будто так, между делом заглянул, инструктор ЦК партии, человек мягкий и нерешительный. Признаюсь, я его за эти качества как раз и уважал. Я объяснил по его просьбе, почему обсуждение романа Дудинцева было назначено на 22 октября — так давно уже запланировали, когда составляли программу октября.

Коварный смысл вопроса открылся мне позже.

И, наконец, явился руководитель Союза писателей Алексей Сурков. Его резиденция — в соседней дворянской усадьбе. Он обычно меня приглашал зайти, а тут пожаловал лично.

Мы были в сложных отношениях, несколько выровнявшихся, когда нам обоим пришлось броситься на дачу застрелившегося Фадеева. А вообще-то мы то дружили, то ссорились. Он достаточно прилично вел себя в достопамятные времена борьбы с космополитизмом, а мог вдруг и отпустить такой намек, что я готов бы лезть на него с кулаками.

Я знал, что Пастернак как-то сказал, что таких врагов, как Сурков, он уважает более, чем иных подхалимов, что после ждановского нападения на Зощенко и Ахматову Алексей стал добиваться издания их книг.

Человек он был неровный, истеричный. На литературных вечерах мы обменивались злыми эпиграммами. Одну из них осмеливаюсь привести здесь как типичную. Данный опус относился к моменту, когда Сурков отпустил казацкие усы. Вот она:

Твои усы, Алеша, желтоваты,
Наверно, много в жизни съел дерьма ты...
(Извини меня, читатель.)

Итак, мой друг-недруг запер двери моего кабинета и произнес зловещим шепотом:

— Звонил по вертушке Шуйский (помощник Н. С. Хрущева). Никита вызывает тебя на ковер. Он в ярости. Речь, как сам понимаешь, о дудинцевской дискуссии, которую первый секретарь иначе, как митингом, не называет. Он кричит, что ты виноват в проведении митинга, что он ночь из-за тебя не спал.

Я отправился на Старую площадь и попал поначалу к Петру Николаевичу Поспелову, секретарю ЦК по идеологии. То был интересный слуга своего времени, прилежный исполнитель любого желания Сталина, а затем и Хрущева. Он был флюгером на крыше их нравов и настроений. Я с ним встречался в редакции «Правды», которую он в годы войны редактировал. Однажды моя корреспонденция (это было на исходе Сталинградской битвы) выскочила на страницу газеты и понравилась «наверху». О, как полюбил меня Петр Николаевич! Он мне, только что приехавшему с Центрального аэродрома, даже отдал свой ночной ужин, между прочим, вполне калорийный. Он предложил мне остаться на неделю в столице, но я испугался, сказал, что мне редактор фронтовой газеты влепит за такую самоволку выговор. Поспелов тут же подарил мне (не знаю, свое ли): «Выговор украшает большевика». И тут же смешался, смутился: «Не принимай моей шутки всерьез».

И вот я перед Поспеловым, он смотрит на меня через стол, на маленькие глаза косо нависают вялые веки.

— Понимаешь, что ты наделал? — спрашивает он сухо, как бы нехотя.

А я действительно не понимаю. Робко переспрашиваю:

— А за что вы меня вызвали?

— Не я тебя вызвал, а первый секретарь, и наша беседа предварительная. Ты ему объяснишь, почему собрал в Доме литераторов политический митинг по поводу романа Дудинцева. Как он там называется, этот вредный роман?

Я стал лепетать, что романа не читал, был за границей.

— В какой такой загранице?

— Во Франции.

— Ах, вот какие очень интересные у вас дела, товарищи писатели!

Поспелов напускает на себя гневную важность:

— А я романа не читал, читать не желаю. Мне доложили, что роман ваш Дудинцев сфабриковал! Пойдем к Никите Сергеевичу.

Меня вводят в кабинет на пятом этаже. Предстаю перед злыми глазами Никиты Сергеевича. Я знаю его по сорок первому году, знаю его неровный нрав. Тогда он прослушал мою «Песню о Днепре», плакал, полюбил эту песню и часто просил артистов, приезжавших в войска, ее исполнять.

После Сталинграда Хрущева я видел только в кино. За прошедшие годы он стал грузнее, штатский пиджак и вышитая украинская рубашка как-то уменьшали его в масштабах. Он выглядел просто маленьким стариком.

— Это ты? Пришел? Хорошо, давай поговорим. Я из-за тебя ночь не спал.

За столом геометрической формы сидят (я поначалу, уставившись на Первого, их даже не заметил) Екатерина Алексеевна Фурцева, Дмитрий Трифонович Шепилов и секретарь Московского горкома Николай Александрович Михайлов.

Поспелов докладывает:

— 22 октября у писателей состоялся политический митинг. Для создания ажиотажа Долматовский распорядился отпечатать в типографии две тысячи приглашений, а в зал вмещается пятьсот человек. Выступали Симонов, Паустовский. С трибуны произносили антисоветские речи, а публика их поддерживала. Кричали, шумели.

Самое удивительное, что Поспелов о романе Дудинцева, о том, что шло обсуждение книги, ни Хрущеву, ни его соратникам не докладывал, он только сообщил о моей политической ошибке: специально нагнали толпу, организовали опасную обстановку. Даже о том, что роман называется «Не хлебом единым», разговора в кабинете Хрущева не было.

Соратники помалкивают, а Никита Сергеевич разбушевался. Он меня прорабатывает по стандартным образцам:

— Как ты смел распорядиться напечатать две тысячи приглашений?

Мне с трудом удается прорваться в разговор, и я начинаю оправдываться: мы всегда приглашаем две тысячи писателей, а приходит — когда двести, когда сто. Я предлагаю позвонить в Союз писателей, пусть сюда принесут книгу учета и расчетов с типографией. Но Никита Сергеевич не желает и видеть какую-то книгу. Он и книгу Дудинцева не видел и не желает видеть. Он кричит:

— Я из-за тебя ночь не спал! Всю ночь из-за тебя не мог уснуть! Заводил пластинку с твоей «Песней о Днепре». Не спал и думал: вот как меня мучает фронтовой поэт, которому я за эту песню в петлицах шпалу прибавил.

Сзади к Хрущеву подбирается Шуйский и что-то шепчет ему на ухо. Возникает перерыв, видимо, есть дела поважнее.

Я уже упомянул, что при моей гражданской казни присутствуют руководители высшего ранга.

С Екатериной Алексеевной Фурцевой, членом Политбюро, мы знакомы с юношеских времен — мы из одного района. Я помню ее комсомольским секретарем, потом московской партийной властью. Мы когда-то были на ты. Я (еще в бытность начальства районного масштаба) разыгрывал ее — посылал в очередной президиум, где она торжественно восседала, записку: «Товарищ Фурцева, я молодая комсомолка и не знаю — можно мне красить волосы или нет?»

Шли годы, и Екатерина Алексеевна возносилась по руководящей лестнице все выше и выше. Я частенько оказывался на собраниях и заседаниях, где она осчастливливала народ своим присутствием. С негодяйской последовательностью я посылал ей эту записку из зала и наблюдал, как она нервничает. Она так и не догадалась до конца жизни, кто таился под псевдонимом молодой комсомолки.

Но в кабинете Хрущева мне было не до розыгрышей. Она внимала руководящим указаниям и очень меня презирала, но молча. Николай Михайлов, с которым мы вместе — «ударниками» — вступали в литературу, дружили, оба подвергались нападкам и атакам доносчицы Ольги Мишаковой, погубившей когда-то секретаря ЦК комсомола Александра Косарева, в перерыве подошел ко мне и стал орать:

— Да как вы посмели организовать столпотворение в Доме писателей!

Больше всего меня оскорбило это «вы» — двадцать лет мы были на ты.

Хрущев вернулся и опять напал на меня:

— Люблю твою «Песню о Днепре», а теперь из-за тебя ночь не спал!

Во втором отделении этого спектакля появился немолодой товарищ с военной выправкой, мне не знакомый, но, кажется, никому здесь не знакомый. Он четко доложил:

— Митинг в клубе писателей состоялся 22 октября. В этой связи напомню, что митинг в Будапеште, с которого начались события, о котором я вам уже докладывал, состоялся именно 22 октября, в тот же час. И тут, и там главную роль играли писатели. Трудно поверить, что не имел место сговор. Итак, налицо сговор антисоциалистических сил.

Мне страшно. Вот уже такой поклеп. Ну и вляпался я в историю!

Про венгерские события я уже читал в газетах, но никак не думал, не предполагал, что дурацкая история с двумя тысячами приглашений на обсуждение книги Володи Дудинцева может быть связана с началом венгерских событий.

Мне дают слово, я начинаю заикаться: на пиках жизни начинает вылазить контузия 1941 года. Говорю, что всегда и на все вечера печатаем по две тысячи билетов. Михайлов тоном следователя спрашивает:

— А где вы были накануне?

Отвечаю:

— Меня не было в городе, я только что приехал из Франции.

По кабинету проходит шорох. Михайлов, презрительно кривя губы, резюмирует:

— Не во Франции ли вы договаривались с мадьярскими писателями, чтобы в один день провести и там, и тут митинг?

Ну, «ударник», призванный в литературу, не ожидал я от тебя такого удара ниже пояса!

Никита Сергеевич разбушевался, опять кричит, что он из-за меня ночь не спал. Он настаивает, чтобы я признался, покаялся, поехал в свой партком и рассказал, что думает ЦК о случае с билетами, о сговоре с мадьярами.

Я вернулся в Союз писателей. Бородатый секретарь парткома уже знал почти все, уже меня активно презирал. Пошел слух, что вопрос обо мне обсуждался «наверху» и... решается. Потом Сурков шепнул мне, что Никита Сергеевич меня вспоминал, говорил, что из-за меня ночь не спал. Он выразил пожелание, чтобы Долматовский поехал в Венгрию и своими глазами увидел, что там из-за его манипуляций с пригласительными билетами состоялся сговор советских и венгерских писателей.

Моя отправка в Будапешт была поручена «Литературной газете»: я превратился в ее специального корреспондента...

Мое пребывание в Будапеште требует отдельного рассказа. Могу только сказать, что с венгерскими писателями удалось не только познакомиться, но и подружиться, и дружба эта продолжается до сих пор.

Когда вернулся из этой горячей командировки, узнал, что Никита Сергеевич меня помнит и посоветовал гнать меня подальше от руководства Московской писательской организации, что и было исполнено. К счастью, я выпал из номенклатуры и доныне благодарен партии и правительству, что остался просто поэтом, каким хотите, только не руководящим.

Роман своего друга Володи Дудинцева «Не хлебом единым» я прочитал тогда, а сейчас перечитал вновь.

Ну, ныне он кажется робким, прямо-таки вегетарианским, но тогда — хорошей книгой о нашей советской жизни.

В конце восьмидесятых годов Дудинцев удивил мир новым романом, а «Не хлебом единым» остался эпизодом моей жизни. Но хочу вам поведать еще один эпизод.

Я оказался в загородной больнице. В соседней палате находилась Нина Петровна, жена уже свергнутого Н. С. Хрущева, персонального пенсионера. В коридоре шептались, что Никита Сергеевич часто ее навещает, его не раз видели.

В больнице быстро поняли, что я попал в правительственное учреждение не по рангу, и легко выписали, когда я только заикнулся, что скучаю в золотой клетке.

Я сложил в портфель кое-какие вещички и в снежный декабрьский вечер отправился через территорию больницы к воротам.

Холодно, сыро. Подвез бы кто-нибудь в город.

Идет старый, похожий на черную жабу, лимузин ЗИМ. Попробую проголосовать, чем черт не шутит! До ворот еще добрый километр.

Открывается задняя дверца, из машины выглядывает бывший вождь, дорогой Никита Сергеевич. Я опешил, онемел.

Я-то его забыл, а он меня помнит:

— Здравствуй, я из-за тебя ночь не спал. Тебя подкинуть до города?

Я забрался на сиденье, устроился с ним рядом.

О, как добросердечны персональные пенсионеры союзного значения!

— Сейчас меня отвезут на дачу в Зубалово, а потом шофер поедет в гараж и завезет тебя.

О чем говорили? Ну и память у Первого! О Дудинцеве!

— Знаешь, я тогда еще не читал его. Мне справку дали, что вредный роман, против наших порядков. После я затребовал книгу, прочитал — ну, ничего вредного там нет, даже не такой и острый. Поднят вопрос о внимании к изобретателям. И правильно ваш Дудинцев нам тогда мозги вправил, сильно раскусили бюрократов! Я собрался с ним встретиться, да времени не хватило. Ну, а как живут писатели? Небось, кроют меня на чем свет стоит? Я знаю, мне докладывали.

Я сидел с ним на одном сиденье, как на горячих углях.

Интересно очень, но рассказывать о наших литературных делах неохота. А машина уже выкатила за ворота и повернула налево, в сторону от города.

Проезжаем автобусную остановку. Как бы мне уйти от запоздалого разговора?

— Никита Сергеевич, можно я на автобус сяду, он идет как раз мимо моего дома?

Хрущев обиделся:

— Не хочешь рассказать? Или побаиваешься меня? Напрасно. Я сказал, что тебя доставят до Москвы. Я твою песню о Днепре помню с декабря сорок первого. А еще историю с Дудинцевым. Я из-за тебя ночь не спал. Не хочешь побеседовать, не надо, я не неволю.

Шофер прислушивался к нашему разговору: притормозил резко и услужливо.

Я выскочил из машины и побежал к автобусу.

До сих пор жалею об этом...

ЛЕОКАДИЯ ДРОБИЖЕВА,
доктор исторических наук

РУССКИЕ СРЕДИ НЕРУССКИХ

Сколько их за пределами России? Как им живется?

Долгое время все народы Союза смотрели на русских как на представителей державной нации — одни с умалением собственного достоинства, другие с уважением и признанием авторитета старшего брата, третьи — со смешанными чувствами. Сейчас, когда русские в России обрели свою реальную государственность, а в бывших союзных республиках коренные народы стали осознавать уже себя державной нацией, межэтнический мир или непрерывная вражда во многом зависят от позиции русского населения, его готовности играть роль этнического меньшинства или равного партнера. Совершенно определенно можно сказать, что изменения в сознании и позиции русских в разных регионах страны будут определяться двумя обстоятельствами: отношением новых державных наций к суверенной, будем надеяться, демократической России и ментальностью самого русского населения в недавно образовавшихся суверенных государствах.

За пределами России в республиках бывшего СССР (включая прибалтийские) проживало по переписи 1989 года свыше 25 млн. русского населения, т.е. 17,4% всех русских страны.

В республиках русские расселены преимущественно компактно: в основном это жители городов. Так, в Казахстане, Киргизии они составляют практически половину городского населения, а в городах других среднеазиатских республик, на Украине и в Белоруссии от 1/4 до 1/3. В сельской местности русские, за исключением Украины, Казахстана и, отчасти, Белоруссии, составляют весьма незначительное число.

Русские в бывших союзных республиках — это главным образом работники физического труда в промышленности, специалисты и служащие. Причем в промышленности они были заняты в основном на союзных или союзно-республиканских предприятиях ведущих отраслей. Так, на Украине русские составляют более половины горняков, в Эстонии — это рабочие судостроительной промышленности, машиностроители, в Грузии и Узбекистане они работают в металлургии, машиностроении, химической промышленности.

Наиболее значительную группу среди них составляют квалифицированные рабочие. Они выделялись достаточно высокой по прежним временам оплатой труда, более приличными условиями жизни. Обеспеченность жильем работников крупных предприятий союзного подчинения была лучше, чем рабочих из среды местных национальностей, чаще трудившихся на средних и мелких предприятиях. В Эстонии, например, удовлетворенных жилищными условиями среди русских было почти на треть больше, чем среди эстонцев.

Другая значительная социальная группа русских, живущих вне России,— это интеллигенция. Состав ее в течение времени существенно менялся и теперь заметно различается в разных регионах бывшей империи. В губерниях России от 35% до 75% русского населения составляли служащие административно-управленческого аппарата и военнослужащие. Но, вместе с тем, в конце XIX века в Тбилиси и Ревеле русские доминировали и в сфере культуры и просвещения.

Приехавшие в республики из России в 30—60-е годы нашего века были в основном работниками промышленности. Что же касается тех, кто занимался сугубо интеллектуальным трудом, то на 40—50% они опять же были специалистами и руководителями производства. В 6 республиках из 14 (кроме РСФСР) русские в конце 70-х годов составляли более половины всех инженерно-технических работников; в пяти республиках — чуть более трети. В Узбекистане, Таджикистане, Туркмении даже абсолютная численность инженерно-технических кадров у русских была выше, чем у народов, дающих название республикам. Только в Литве, Грузии, Армении среди инженерно-технической интеллигенции русских было меньше. Меньше их было во всех республиках и среди работников просвещения, печати, культуры, науки. В Грузии, Эстонии, Латвии, к примеру, на 10 тысяч занятого городского населения русских в этих сферах деятельности в 5—9 раз меньше, чем среди грузин, эстонцев, латышей. Только в Белоруссии, Молдавии русские представлены в очень близких пропорциях с коренным населением.

Надо сказать, что и в самой России русская интеллигенция в сравнении с другими нациями бывших союзных и автономных республик выделяется мощным слоем инженерии, в то время как по доле научной интеллигенции она была на 5-м месте среди других союзно-республиканских наций. Доля же художественно-творческой интеллигенции у русских была ниже среднесоюзных показателей.

60—70-е годы были временем, когда на глазах менялся социальный статус русских в сравнении с союзно-республиканскими нациями в стране в целом и в республиках особенно. В 80-е годы армяне, грузины, эстонцы, латыши, казахи, затем литовцы в составе занятого населения имели 30—34% работников умственного труда — столько же, сколько русские в стране.

Четко обозначилась тенденция сокращения различий в социальной структуре русских и других народов. Данные этносоциологического исследования, проведенного отделом этносоциологии Института этнологии и антропологии АН СССР в 1971—72, 1979—80 и 1988 годах в Эстонии, Узбекистане, Молдавии, Грузии показывали, что повышение социального статуса детей в сравнении с родителями у русских, как правило,

ниже, чем у лиц коренных национальностей в республиках. Выявляя эту тенденцию, этносоциологи прогнозировали нарастание межэтнической напряженности в регионах.

Ведь опыт многих стран показывает: когда меняются социально-статусные позиции контактирующих этнических общностей, это нередко приводит к обострению межнациональных противоречий. Достаточно вспомнить конфликт англо- и франко-канадцев в Канаде, валлонов и фламандцев в Бельгии. Если одна этническая общность догоняет по экономическому положению, социальному статусу, уровню культуры другую — в прошлом более развитую, то у первой возникают новые потребности, у второй — опасение за прежний статус. В развитых урбанизированных странах подобные процессы происходили в конце 60-х — начале 70-х годов, у нас же они четко проявились в союзных республиках к концу 70-х, а в бывших автономиях России — к 90-м годам.

События, связанные с перестройкой, внесли два принципиально новых момента в самоощущение и национальное самосознание русских. Первый заключается в том, что небывалое развитие национальных движений в бывших республиках порождало у русских оборонные, а затем и наступательные настроения. Второй момент был связан с тем, что недовольство ухудшением экономического положения в республиках и общей политической и морально-нравственной обстановкой в стране, что особенно остро ощущалось в последние годы руководства государством Брежневым и Черненко, проецировалось на Центр, который ассоциировался с русскими.

Национально-патриотическое движение у русских не было единым. В России оно включало объединения, ориентированные на возрождение культуры, нравственности народа. Так, с марта 1989 года начала действовать национально-патриотическая федерация «Союз духовного возрождения Отечества», включавшая подобные объединения Москвы, Ленинграда, Поволжья, Урала, Сибири, Белоруссии, Украины, Казахстана, представителей русской православной церкви.

Преимущественно патриотического направления были такие объединения, как «Отечество», «Россия молодая», «Невская битва», «Российское общество справедливости» (РОС), «Товарищество русских художников» (Москва), «Россы» (Ленинград). Кроме того, действовало пять течений «Памяти».

В республиках же одна, незначительная часть русских, ориентированная на адаптацию в местных условиях и быстрые демократические перемены, поддерживала народные фронты, где доминировали лица коренных национальностей. Другие, менее политизированные, объединились в культурные ассоциации. Они более активно действовали в Прибалтике. И, наконец, третья часть, активно противостоящая народным фронтам, объединилась в интерфронты и советы трудовых коллективов. Эти объединения носили открыто политизированный характер, выступали за социалистическую ориентацию и против выхода из СССР. Примечательно то, что образовывались они в тех республиках, где национальные движения провозглашали изменение общественного строя. Там же, где добивались суверенитета и независимости, не затрагивая позиций компартии, интерфронты не появлялись.

Изменения в общественном настроении русских как в РСФСР, так и в других республиках происходили в кратчайшие исторические сроки. Этносоциологические исследования Института этнологии и антропологии АН СССР, в которых мне довелось участвовать, зафиксировали этот процесс.

Так, еще в 70-е — начале 80-х годов в сознании русских, как, впрочем, и других народов, доминировали такие общественные ценности, как «укрепление обороны, дисциплины», «воспитание молодежи», а понятия — «хозяйственная инициатива, экономическая реформа, развитие демократии», не воспринимались вовсе или занимали подчиненное место.

Изменения социально-политической жизни с конца 80-х коренным образом преобразили общественное сознание большинства русских. Как показали опросы, 3/4 русских в Таллинне и половина в Ташкенте уже отдавали приоритет таким общественным ценностям, как «развитие демократии», «хозяйственная инициатива», «экономические реформы».

В конце 1991 года наш отдел этносоциологии Института этнологии и антропологии АН СССР снова провел опросы в Эстонии и Узбекистане. Они показывают, что в Эстонии, несмотря на межэтническое напряжение, активно идут адаптационные процессы. Не более четверти русских в Таллинне ориентированы на миграцию из республики. Что вполне закономерно, ведь 2/3 русских живут в Эстонии более 10—20 лет или являются уроженцами этого края. А те, кто остаются, будут учить эстонский язык и ориентироваться на местные стандарты не только бытового, но и политического поведения. Демократические ценности гражданского общества здесь распространены шире.

В Узбекистане положение иное, во многом определяемое своеобычным представлением о демократии. Элементы ее если и реализуются, то через неформальные структуры традиционного общества (например, через махалля), к которым наши соплеменники имеют отношение только в том редком случае, когда живут там. Многие русские, с которыми мне приходилось недавно беседовать, испытывают даже определенный страх перед митинговыми, демонстрационными формами проявления гражданской активности, поскольку, по их мнению, возникает опасность беспорядков, могущих перерасти в межэтнические столкновения. Тем более что уличные межнациональные стычки уже случались. Большинство русских чувствуют ухудшение межэтнических отношений на уровне повседневного общения. Поэтому не случайно и чаще встречающееся, чем, скажем, в Эстонии, желание русских уехать из республики. Что характерно: у рабочих, которые работают и живут преимущественно в своей этнической среде, ориентация на отъезд выражена слабее, чем в среде интеллигенции. По нашим исследованиям, не более трети рабочих пока готовы покинуть Узбекистан.

На Украине и в Белоруссии уже совсем иное положение у русских. Не только потому, что здесь они контактируют с родственной славянской культурой, но и потому, что национальная политика в этих государствах, как правило, не конфронтационная. Разумной позицией в деликатной сфере национальных отношений выделялась программа Руха. В ноябре 1991 года Верховный Совет Украины принял Декларацию прав национальностей Украины, где говорится не только о равных политических, экономических, социальных, культурных возможностях всех народов Украины, но и о правах на сохранение мест расселения, национальной территориальной автономии, использовании в полном объеме родного языка наравне с государственным, сохранении национальной символики. Похоже, украинцы учли ошибки национальной политики государств Прибалтики, Молдавии, Грузии.

И все же, в каких бы республиках ни жили русские, у них присутствует чувство, о котором пишет философ А. Ципко: «...чем провинились миллионы русских, которые... превратились в национальное меньшинство, стали бездомными и безродными в своей собственной стране, на своей исторической территории!» Но изменить ситуацию эти русские сейчас не могут. Это удел российских политиков: ненасильственно сохранить то, что можно, не отторгать необдуманными шагами того, кто готов жить вместе.

**СВЕТЛАНА БАРАНОВА,
ВЛАДИМИР РОДИОНОВ**

«ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК»

Долгие годы нам настойчиво прививали отвращение ко всем без исключения видам предпринимательской деятельности. На всех перекрестках проклинали «стяжательство и накопительство», для особо непонятливых существовали соответствующие статьи Уголовного кодекса... По сведениям известного предпринимателя К. Ф. Затулина, и поныне в наших тюрьмах содержится 127 тысяч осужденных за т. н. «хозяйственные преступления». Затулин склонен их всех считать потенциальными предпринимателями и предлагал выпустить. С этим компетентным мнением можно и не согласиться, но не вызывает сомнений то обстоятельство, что преследования предпринимателей в России — отнюдь не выдумка большевиков и их бородатых классиков. Купцам, заводчикам, банкирам XVIII—XIX веков приходилось проявлять чудеса изворотливости в столкновении с самодержавным аппаратом власти. По привычке мы склонны считать наших капиталистов «слабыми», «зависимыми», «мелкими». У «них» — Ротшильды и Рокфеллеры, Форды и Меллоны, Мицуи и Мицубиси. А у нас? Чтобы ответить на этот вопрос обстоятельно и доходчиво, «Родина» открывает новую рубрику — «Дело». Мы предложим вниманию читателей целый пласт отечественной истории предпринимательства, до сих пор остающийся малоизученным. А начнем с рассказа о Василии Варгине, судьба которого так удивительно схожа с делами многих «хозяйственных преступников» на исходе XX века...

В 1882 году в журнале «Русский архив» была напечатана статья В. Н. Лясковского «В. В. Варгин». Прочитав ее, В. О. Ключевский написал автору: «Ваша статья разрешила одно давнишнее мое недоразумение. Я никак не мог понять, почему ни в одном из воспоминаний о двенадцатом годе не говорится, что войска наши были разуты-раздеты. Мне всегда казалось, что за этою странностью скрывается какая-то загадка, какое-то имя. Вы назвали это имя».

Имя это — Василий Васильевич Варгин.

Начало

Судьба этого человека поистине прекрасна и трагична. Родившийся в купеческой семье, он рано приобщился к торговле. В 1808 году 17-летний юноша поставил первую партию холстов Комитету для заготовки обмундирования.

Условия, при которых эти подряды брались, были не совсем обычные. Расстройство финансов заставляло Военное министерство удерживать прежние подрядные цены; между тем рыночные цены быстро росли.

Варгин же мало того, что не потребовал никакого формального договора, положившись на честное слово генерал-кригс-комиссара Татищева, но и принял поставку по ценам, «на какие никто из прочих поставщиков, лучших промышленников и чиновников, опытнейших в деле торговли, не мог согласиться».

Варгин быстро расширил свои дела и скоро сосредоточил в своих руках все казенные подряды.

Нашествие Наполеона принесло России немало бед и трудностей. Рост численности войск потребовал дополнительного производства сукна, кожи и других товаров. В поисках выхода из создавшегося положения Военное министерство подало на высочайшее имя императора Александра I записку «О дозволении отпуска в войска по сроку предстоящего 1813 года крестьянского сукна на шинели, панталоны и рейтузы в таком количестве, на которое не достает фабричного». (Ткачество тогда было очень распространено в деревне.)

«По получению сего разрешения (на покупку крестьянского сукна), призваны были в Присутствие в Санкт-Петербург купцы Варгин и Зверьков, склонные на поставку готового сукна». Они дали подписку:

«Мы, нижеподписавшиеся серпуховский купеческий сын Варгин и санпетербургский купец Василий Зверьков, дали подписку Комиссариатскому Департаменту в том, что по заключению в оном с ними условиям обязываемся поставить крестьянского сукна в комиссии: Варгин в Московскую 500000 аршин, Казанскую 75000 аршин, Кременчугскую 75000 аршин, а Зверьков в Санпетербургскую 500000 аршин по всей исходности в том количестве по одним только Высочайше утвержденным в 1812 образцам, отнюдь не касаясь образцов для гарнизонов утвержденных».

Поставлял Варгин обмундирование и непосредственно в действующую армию, и было это небезопасно: обозы на дорогах, караваны судов на реках часто подвергались нападениям со стороны противника. Публицист Лясковский приводит такой случай: *«Когда русские войска стояли при Дриссе, к Василию Васильевичу прискакал нарочный с известием, что огромный транспорт с обмундированием, шедший Западной Двиной, находится в опасности от диверсии в эту сторону Макдональда. Варгин ответил коротко: «Утопить» — и транспорт, стоивший до полумиллиона рублей, был потоплен».*

Спустя несколько лет, вспоминая годы войны, граф Татищев писал: *«Одни только усердные действия Варгина на пользу казны и дали мне возможность преодолеть все трудности в заготовке вещей с 1808 по 1815 годы и, что всего важнее, заготовить их по прежним ценам, какие только нужда самой казны и истощение способов государственных могли назначить. Варгин действовал как гражданин, душевно разделяющий общее несчастье, хотя мог бы потребовать двойную цену, и принуждены были бы платить даже еще дороже, лишь бы не оставить войска без вещей. Но воспользоваться барышами во время государственного замешательства Варгин считал недостойным с его чувствами; напротив, он выполнил поставки, сколько известно, с пожертвованием своего капитала... Подвиг Варгина надо отнести к существенным пожертвованиям верных, истинною любовью к Отечеству одушевленных граждан, приносивших свою жизнь и избыток своего достояния в его защиту и благо. Сравнение цен, утвержденных правительством, с обыкновенными биржевыми ценами показывает, что казна в эти смутные годы приобрела от трудов и усердия Варгина многие миллионы, и это помогло при чрезвычайном формировании резервных войск с 1812 по 1814 год, число которых превышало 650000 человек. Министерством финансов никаких сумм выделено не было».*

За заслуги во время войны В. В. Варгина пожаловали медалью «За усердие», осыпанную бриллиантами. Ему и его брату Борису Васильевичу присвоили звание «Потомственный Почетный гражданин».

Война закончилась, и Варгин решил прекратить поставки. Но в 1815 году на назначенных Комиссариатским Департаментом торгах все поставщики вновь поднимают цены. И... снова обращаются к Варгину. Тот соглашается на поставки, причем цену назначил на 2300000 рублей ниже той, что потребовали другие купцы. Договор заключили без залогов и контрактов, под «честное слово».

Современникам трудно было понять, как это один поставщик при общем упадке промышленности и торговли мог так оперативно поставлять обмундирование на всю армию, да еще по низким ценам, и при этом не только не разорился, но и составил своему семейству огромное состояние.

Объяснение этого чуда — небывало широкий размах варгинского предприятия. Он завел полотняные фабрики в Вяземах, Костроме, Переславле, открыл в Москве закройню, а его родственник Кузьма Варгин — киверную фабрику. Василий Васильевич мог оказывать постоянное влияние на цены и противодействовать их повышению.

Его поверенные разъезжали по всей России, а конторы густой сетью охватывали все промышленные округа империи. Доверие к его имени было велико, от него не требовали векселей: все дела велись по запискам и счетам. Исключалась всякая бюрократическая волокита. Промышленникам и торговцам, разумеется, было удобнее иметь дело с поверенными Варгина, работавшими без всяких формальностей, нежели возиться с комиссариатскими чиновниками, тянувшими волокиту и бравшими взятки.

Состояние Варгиных в то время оценивалось в 18 миллионов.

Удачливых не любят

Ничто не предвещало неприятностей. В августе 1827 года Татищев уходит в отставку, и военным министром становится граф Чернышов, давний недруг Татищева. Новый министр стремится очернить и перестроить все, что было сделано до него. Естественно, он невзлюбил и Варгина, которому покровительствовал Татищев. Ведомство Чернышова объявило Варгину войну. Его обязали поставить обмундирования на два миллиона больше, чем предполагалось. Вслед за этим срочно потребовали поставить дополнительно вещей на 900000 рублей взамен забракованных. Времени на все это дали 23 дня.

Случаи, когда комиссариат, подсчитывая долги Варгина, необоснованно завышал их, были и раньше, но не в таких размерах. В вину Варгину поставили и то, что он производил поставки без контрактов и залогов, хотя именно это обеспечивало оперативность и поощрялось министром Татищевым.

Для разбора дела была назначена комиссия. В отчете комиссии указывалось, что *«при крайнем стеснении дел его, при действиях, глубоко оскорбляющих его ревностное усердие и его справедливость, ему ничего не остается более сказать; но его намерения, поступки и дела столь утверждены, столь много ознаменованы подвигами чести и усердия к отечеству, столь постоянны, что говорили сами за себя перед целым светом и не нуждаются в опровержении сплетней, злонамереньем и неведением производимых, ибо он всем и за всех жертвовал. Смело и открыто может он приписать себе ту честь, что ни один из знатнейших подрядчиков и откупщиков — при всех наградах, им от правительства полученных, при всем богатстве, которое приобрели они от дел своих с казною, не доставили ей выгод и польз более, чем Варгин».*

После вторичного обращения к Государю Варгину облегчили условия поставок. *«Варгин,— как он сам признался,— ожил, и сею малою суммой быстро двинул поставки. Казалось, что всякое преследование против него прекратилось. Он видел благоразумную строгость... мрачное предчувствие его рассеялось, общественное доверие к нему восстановилось».*

На самом же деле преследование продолжалось. В предписании от 19 ноября 1827 года говорилось, что правительство, несмотря на издержки, считает необходимым избавить себя от этого монополиста. От Варгина к тому же требовали признания, что он заодно с комиссариатскими чиновниками при Татищеве обирал казну, производил все свои операции на казенные деньги.

Генерал Волков, возглавлявший комиссию, однако, счел своим долгом представить дело в истинном виде.

В докладе, поданном в ноябре 1827 года, он говорил о несомненном бескорыстии Варгина: *«Кто берет подряды дешевле и для казны выгоднее по сравнению с другими, тот вредным для нее монополистом быть не может... Конечно, разорить Варгина недолго, но приобретет ли выгоду казна, когда лишит его состояния и передаст поставки другим поставщикам, державшимся всегда высоких цен? Словом, до настоящего времени мы ничего другого, кроме зависти и злобы на Варгина за то, что он препятствует пользоваться высокими ценами, от других поставщиков не видели. Пример будущих торгов на 1828 год лучше всего покажет, с кем выгоднее казне заключать договора — с Варгиным или другими подрядчиками».*

Враги Варгина делали все возможное, чтобы доказать его ненужность и даже вред для казны. Поставщи-

кам давались льготы, делались уступки в качестве товаров. Но все было напрасно, подряды не ладились. Между тем члены Комиссии получили от генерал-кригскомиссара извещение, что «вещи поступают от Варгина не только успешно, но и поспешно», а это было весьма кстати, так как войска выступили в Турецкий поход.

В 1827 году по особому Величайшему повелению произвели две ревизии по всему комиссариатскому ведомству и выяснили, что все вещи, поставленные Варгиным, вполне сходны с образцами, все суммы целы, и недостачи нет. Мало того, по счетам Варгин должен был поставить обмундирования на 14 миллионов рублей, а по ревизии оказалось более чем на 25 миллионов.

Но министерство стояло на своем и отвечало предписаниям «употребить все средства к уверению промышленников и торговцев в том, что влияние и сила Варгина уже не продолжаются». Честный и прямодушный Волков, видя явную несправедливость, не желая быть невольным участником ее, потребовал увольнения из комиссии. Просьбу удовлетворили.

Его место занял генерал-адъютант Стрекалов, послушное орудие Чернышова. В своем донесении министерству он подтвердил все претензии к Варгину. Но, не желая доводить дело до суда, стал требовать, чтобы Варгин признался в своей неплатежеспособности. Применяя метод кнута и пряника, все же удалось сломить купца.

А 8 апреля последовало Высочайшее повеление, нанесшее жестокий и несправедливый удар по всей семье Варгиных.

«Господину Управляющему Военным министерством.

Рассмотрев представленное Генерал-Адъютантом Стрекаловым прошение Серпуховского купца Варгина о новой отсрочке и пособия для очищения лежащих на нем казенных недоимок в совокупности с изысканиями, обнаруженными настоящим положением дел его и неосновательности до сего приносимых им жалоб, я нахожу:

1. Что проситель Варгин, принимавший на себя обширные поставки вещей для Комиссариатского Департамента при всех послаблениях и содействии чиновников оного, давно оказался неисправным и оставался должным казне важные суммы, не только не заботился о уплате о .ых, но удерживал новые подряды, увеличивая ими ка енные и частные долги свои.

2. Что, не имея соб твенных средств, он вообще действовал казенными деньгами и казенными же комиссионерами, а приобретенные выгоды обращал в свою пользу. Различные извороты его, стесняя промышленность других, причиняли существенный вред.

3. Что, хотя при самом открытии сего надлежало приступить к законному изысканию, но, с одной стороны, для доставления Варгину возможности очистить свои долги, а с другой, для испытания мер снисхождения, ему дозволено было продолжить недоимочную поставку с начала 1-го ноября 1827 года, а потом сделана новая отсрочка до марта 1828 года с оказанием всех тех облегчительных пособий, какие он, Варгин, сам испрашивал. Однако средства сии не принесли ожидаемой пользы, Варгин в первом случае не показал никакой готовности к выполнению своей обязанности, а в последнем, уплатив посредством вычета 25 коп. с рубля только до 638000 руб., остался должным еще до 3247741 руб. и не выставил вещей на 3411094 руб.

4. Что испрашиваемая ныне отсрочка поставщику на 8 месяцев, а долга казне на 10 лет, не подает никакой надежды к получению сего последнего, но послужит только к сугубому стеснению Комиссариата в его оборотах, к продолжению тех же неисправностей со стороны Варгина и увеличению самого долга, между тем как и частные его кредиты не получат ожидаемого удовлетворения.

По сим уважениям, признав справедливым привести дело сие к ближайшему окончанию, повелеваю Вам:

1. Поставку остающихся за Варгиным вещей на 3467094 руб. отменить.

2. Сумму, причитаемую на нем за принятые для перемены и казною оплаченные уже вещи,— 1313923 руб. — причислить к денежному долгу Варгина.

3. Взыскание сего долга обратить на залоги Варгина, имеющиеся в Комиссариате.

4. Дабы продажею сих залогов выручить сколь можно более на погашение казенного долга и вместе с тем оказать некоторую помощь частным кредиторам Варгина, поручить Генерал-Адъютанту Стрекалову собрать на месте верные сведения: а) о средствах к выгоднейшей продаже залогов Варгина или к другому полезному их употреблению для казны; б) о тех из частных его кредиторов, которые лишились вверенных ему имуществ, по бедному состоянию своему, но и более могут заслуживать внимание».

На подлиннике написано собственной рукой Его Императорского Величества — НИКОЛАЙ.

Все недвижимое имущество Варгиных было отдано в опеку, а многочисленное семейство — обречено на нищету и лишения.

В защиту Варгина выступил граф Татищев. Он напомнил, что именно Варгин после войны согласился заменить бракованное обмундирование, в больших количествах скопившееся в комиссионных магазинах.

«Надо заметить,— писал Татищев,— *что перемена всех бракованных вещей и пополнение недостатков, в продолжение 20 лет, составили не менее 10 миллионов рублей.*

...Противно здравому рассудку, чтобы поставщики позволили ему действовать одному в продолжение стольких лет и на столь видном и обольстительном поприще, если бы сами находили хотя малейшие выгоды в поставке вещей по тем низким ценам, какие всегда принимал он во времена неблагоприятные и смутные. Объяснение это рассекает Гордиев узел, показывая, что средства, какие другие не имели, давали Варгину возможность делать величайшие пожертвования, и что заслуги его достойны воззрения правительства как редкого бескорыстного поставщика, преисполненного рвения к казенной пользе, которой в продолжение 20 лет поставлял в Комиссариат вещей на многие миллионы рублей и должен был воспользоваться барышом, по мудрым заветам Петра Великого, более чем в 30 миллионов.

Последние события в делах Варгина показали, напротив, что после удовлетворения кредиторов своих, он останется ни с чем. Вот доказательства бескорыстия Варгина, который часто по одному слову начальства приносил казне величайшие жертвы, на какие склонял я его священным именем Государя Императора, побудившего меня к тому своим Рескриптом, с уверением, что заслуги его никогда не будут забыты правительством».

Между тем Московская комиссия по делу Варгина доложила, что не может точно определить величину долга Варгина, *«...ибо все прежние поставки его слиты между собой, деньги ему отпущены были без расчета, без указания предмета, на который их обратить следовало, и ни по одной поставке расчеты не сделаны. Он сего происходит, что мера казенного долга, на Варгине состоящего, не приведена в точную известность и по сие время основывается на собственном его голословном показании... А по документам Департамента долг меньше, чем показал сам Варгин».*

После такого доклада Император Николай 27 апреля 1829 года приказал Московскую комиссию закрыть и назначить следственную комиссию в Санкт-Петербурге под председательством генерал-адъютанта Храповицкого.

К концу 1829 года комиссия во всеподданнейшем докладе записала, что *«...в Комиссариатском Департаменте с давних времен были злоупотребления. Для совершения этой преступной деятельности был создан особый план, по которому все гласные действия Комиссариата опровергались тайными постановлениями.*

Главными преступниками были Управляющий Московской комиссией, а потом Генерал-Кригс-комиссар Путята, главный комиссариатский поставщик Варгин и комиссионер Покровский».

3 января 1830 года Василий Васильевич был взят под стражу, увезен в Петербург и вместе с Путятой и Покровским заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. А 26 февраля 1831 года после 13-месячного заключения их сослали по разным городам близ Петербурга. Варгина — в Выборг, где, наверное, он умер бы с голоду под открытым небом, если бы сострадательные финны не дали ему средств для существования.

В тяжелом положении оказалось и остальное семейство. Выгнанные из своего дома на Пятницкой, Варгины жили где-то в Зубове и питались одним картофелем...

В июне 1832 года Варгину позволили жить в Серпухове. В 1834 году следственная и счетная комиссии по делу Варгина закончили следствие и представили свой доклад Его Императорскому Величеству. Работа этих комиссий находилась под наблюдением самого Николая и Военного министра, приложившего к докладу собственное «Мнение... по делу Варгина».

В докладе не было объективной оценки деятельности Варгина, не упоминалось о его заслугах во время войны 1812—1813 годов. Но в то же время счетная комиссия не вскрыла и приписок в несколько миллионов.

«Мнение Военного министра» резюмирует следующее:

«Следственное дело о действиях Комиссариатского начальства по поставкам Варгина должно препроводиться для осуждения в надлежащее судебное место».

Но как раз суда Чернышов и не хотел, поэтому пишет:

«Для возмещения числящихся на Варгине недоимок немедленно приступить к продаже находящихся в Комиссариате его залогов, не допуская по сим недоимкам, вследствие Высочайшим Вашим Величеством повелении на журнале Военного Совета, никакого уж более расчета не призводить. Почему и существующую при Комиссариате счетную комиссию на сей предмет закрыть.

Затем найденные в бумагах Варгина разные заемные документы, расписки и письма препроводить в учрежденный по делам конкурс, представляя оному право взыскивать суммы и по тем актам, как в продолжение рассмотрения следственной комиссией бумаг Варгина, вышедших в просрочку».

Император полностью согласился с выводами и предложениями Чернышова.

16 октября 1834 года Варгину разрешили жить, где он захочет. Он вернулся в Москву. Его дома, находившиеся все это время под управлением опеки, приходили в упадок, правительство убедилось, что продажей зданий, находящихся в столь ветхом состоянии, казны не пополнить. Поэтому в 1835 году велено было передать дома в полное распоряжение Варгина, с тем чтобы он ежегодно платил казне 100000 рублей в погашение казенного долга; из остального же дохода, за вычетом необходимых расходов и 5000 рублей на содержание себя с семейством, уплачивал частные долги по 60 векселям на сумму, несколько превышающую миллион рублей.

Шли годы, а окончательный расчет по делам Варгина еще не был закончен. В 1842 году государственный контроль заявил, что Варгину действительно не были уплачены из казны большие суммы, и если их уплатить, то окажется, что он ничего не должен, а наоборот, казна не выплатила ему 1500000 руб.

Чернышов продержал это заявление пять лет, мотивируя тем, что согласно Высочайшему повелению никакого расчета с Варгиным производить не велено. Но ни в одном Высочайшем повелении об этом не говорилось. Чернышов лгал, Варгин же продолжал уплачивать несуществующий долг.

О том, как тяжело было Варгину, лучше всего говорит письмо, которое он послал в 1847 году своему поверенному в Петербурге.

«Наши деловые люди бьют и плакать не велят; и как-то примите Вы эти побои, а мне от них куда тяжело, и доктора даже не найду, как бы облегчить себя от этих побоев. Неужели Вы скажете: приезжайте к нам, мы облегчим побои. Но что будет тогда, когда облегчения в Вас не получишь, а побои-то усилятся? Смерть! Пора, пора убираться с этого страшного и непонятного света; видно, я зажился, мешаю жить другим, надо дать простор. Зачем быть в тягость всем? Лучше избрать для себя долю быть обиженным, чем обижать других. Посмотрите-ка, как у Вас смотрят на обиду, мне делаемую, и чего мне еще ожидать? Вы скажете: бить челом. Помилосердствуйте, я уж истощился в этом, и чело мое изменилось, и странно, что этого не примечают; хорошо бы мне себя показать Вам на этот раз: Вы бы изумились! Послал к вам гонца, а утешения нет, как нет. Боже, спаси и помилуй меня, грешного; кажется, и Он отступается от меня; да будет воля Его...

Хотели, чтобы я платил долги, не имея состояния. Я сделал это. Теперь требуют от меня чего-то сверхъестественного, несовместимого с силами человеческими, и на это смотрят равнодушно. Сделайте милость, научите, что делать. Я ничего не пишу Дмитрию: да что писать мне ему? Ты передай ему что нужно, ожидать буду от тебя, мой милый друг, сколько возможно поспешного уведомления».

Реабилитация

В начале царствования Александра II, в январе 1856 года, Варгин снова подал всеподданнейшее прошение, в котором напомнил о заключении государственного контроля и просил окончательного решения своего дела.

Старший юрисконсульт Николай Калмыков опубликовал в «Русском архиве» статью, в которой рассказал, как рассматривалось это прошение Варгина: *«Граф В. Н. Панин, возвратясь из Комитета Министров, объявил мне, чтоб я, по поступлении дела Варгина в Министерство, в особенности занялся этим делом и кончил эту работу, по возможности, без замедления.*

Вслед за сим в Министерство начали поступать тюки дел и счетных книг по нарядам Варгина начиная, кажется, с 1808 года по 1828 год.

Само собой разумеется, что я прежде всего обратил внимание на именной Высочайший указ 8 апреля 1828 года, в котором положительно исчислялась цифра долга казне и еще упоминалось о другой цифре долга, кажется, в 10000 рублей.

Рассматривая дело по сему предмету, я увидел, что упомянутый Высочайший указ основан всецело на письме генерал-адъютанта Стрекалова к Государю Императору Николаю, писанному из Москвы за несколько дней до издания сего указа. В этом письме Стрекалов доводил до сведения Государя, что, по собранным им сведениям, Варгин оказался должным казне известную сумму (точную цифру которой не помню), в числе этой цифры заключается особая сумма, кажется, в 1 миллион 313 тысяч рублей, и что сверх того Варгин состоит должником казне (кажется, 1000 рублей). За сим Стрекалов в конце своего письма, означив весь долг казне не в первоначальной сумме, но с прибавлением уже 1313000 руб., вместо 1000 поставил 10000 рублей сер. Таким образом, генерал Стрекалов увеличил долг Варгина казне на две цифры: одну на 1313000 руб., а другую на 9000 руб., что это были ошибки арифметические, но тем не менее они вошли целиком в именной Высочайший указ 8 апреля 1828 года.

За сим, если принять во внимание, что во время казенного управления варгинскими домами и лавками

значительные суммы поступили в казну за счет его, то в конце концов выходило то, что заявил государственный контроль про начеты ведомств на Варгина, т. е., что он не должен казне, но что казна должна ему».

Положением Комитета Министров утверждено было заключение Министерства Юстиции: все числившиеся недоимки на Варгина и имущество его в арестованных домах отдать ему, с тем, однако, «чтобы он уже не обращался к милосердию Государя и считал себя вполне удовлетворенным».

Запрещение с имени Варгина сняли. Ему простили мнимый долг, но обязали не искать в казне должных ему денег на сумму 3380000 рублей.

Говорят, что когда в 1858 году его поверенный приехал к нему с известием об окончании дела, Василий Васильевич сидел в небольшой столовой своей квартиры на Лубянке. Услыхав, что правительство прощает ему все долги, старик Варгин заплакал; седая голова его упала на грудь, и он с горечью сказал: «Не им меня прощать — у меня надо бы им просить прощения!»

Он умер вскоре после окончания дела с казною 10 января 1859 года «от нервического удара» и погребен в Донском монастыре. Окончательный расчет произошел уже при его наследниках, причем от долговременных процессов и усердия добрых людей сохранилась лишь небольшая сравнительно часть варгинского состояния.

Много перебывало разных поставщиков для русской армии,— и немногие из них свободны от нареканий в присвоении казенного имущества. Поэтому нелишне напомнить потомству честный образ этого поставщика-гражданина, жертвовавшего всем на пользу Отечества, этого купца, имя которого наравне с именами прославленных в бою неразрывно связано со славнейшею из наших войн.

ЕСТЬ ЛИ ГРУЗИНЫ НА САХАЛИНЕ?

Есть ли грузины на Сахалине? Есть.

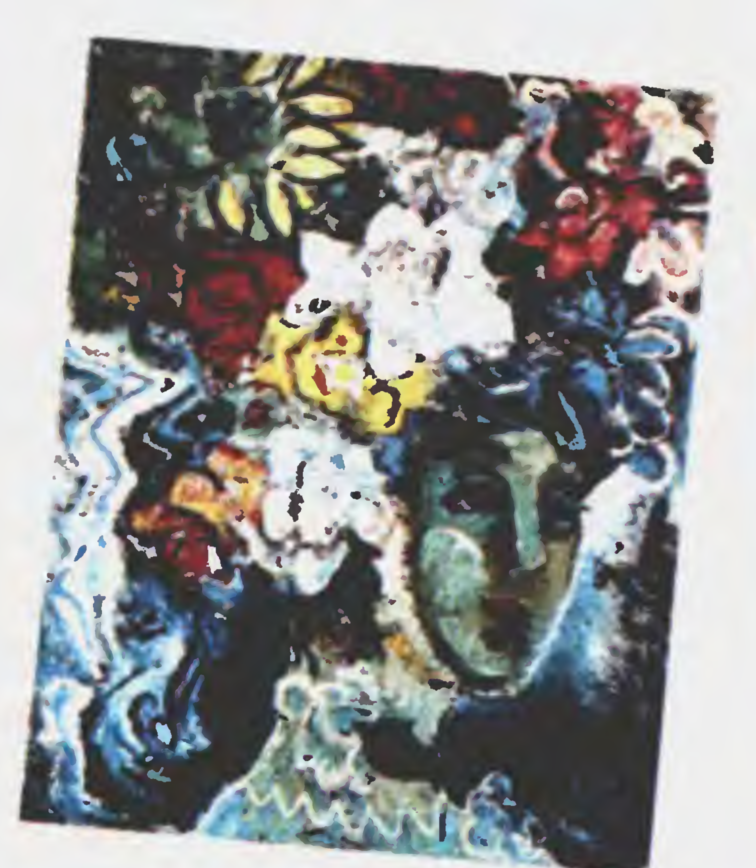
- Как живешь на далеком острове? - спросил я у Гиви Манткава.

- Отлично, только икру есть надоело, хочется зелени с брынзой да и бутылочку Кахетинского не помешало бы.

Сорок лет прошло с тех пор как выпускник тбилисской художественной Академии Гиви Манткава приехал на Сахалин.
Много это или мало? А сколько людей от Японии до Америки открывали для себя в его работах Сахалин!
А как же Грузия?.. Были выставки и в Тбилиси. А с любимым Пиросмани Гиви никогда не растается.

Фото Валерия Арутюнова

Начало стр. 12

С помощью Американской социалистической рабочей партии, еврейских рабочих организаций и нью-йоркской группы содействия РСДРП Горькому удалось прорвать ту блокаду, которая была начата против него.

Именно этими организациями были проведены и сборы денег. Точное выяснение истории всей этой кампании и финансовых ее результатов требовало бы специального обследования тогдашней американской рабочей печати. Но и поверхностное знакомство с последней убеждает, что кампания эта проводилась как общая кампания всех групп РСДРП, причем особенно важную роль играли, с одной стороны, ежедневная еврейская газета «Форвертс» и, с другой, нью-йоркская группа содействия РСДРП. «Форвертс» в то время фактически проводил политическую линию Бунда, а группа содействия, хотя и включала в свой состав также и большевиков, возглавлялась меньшевиками (М. Роммом, Д. М. Рубиновым и др.), которые проводимые в «Фонд Горького» сборы поддерживали и организовывали как сборы в пользу всей партии. Никогда и нигде — ни в печати, ни в процессе внутриорганизационных переговоров — группам, поддерживавшим и проводившим кампанию этих сборов, ни сам Горький, ни кто-либо из его представителей не делал и намека, что сборы производятся на нужды фракции большевиков. Если бы такое заявление ими было сделано, ни одна из указанных организаций не приняла бы участия в таких сборах.

Тем не менее все средства, собранные во время этой кампании, поскольку они попали в руки большевика Н. Е. Буренина, были отправлены не общепартийному ЦК, в состав которого тогда входили большевики, а БЦ, который под разными предлогами их передачу в общепартийную кассу задерживал. После долгих и безрезультатных переговоров вопрос был похоронен. Деньги остались в кассе БЦ.

Значительно более сложным, но в то же время и много более важным для понимания внутренних процессов развития БЦ, было второе из названных выше дел, а именно,— дело о наследстве Н. П. Шмидта, которое принесло в кассу БЦ «около 280 тыс. рублей». Вокруг этого дела в свое время велась острая борьба. Л. Мартов писал, что БЦ произвел «экспроприацию партийных денег», так как наследство это должно было поступить в кассу общепарийного ЦК и что нужных ему результатов член БЦ Таратута («Виктор») добился «путем недопустимых угроз». Большевики во главе с Лениным категорически отвергали эти обвинения и за подписями Ленина, Зиновьева, Каменева и Дубровинского опубликовали заявление о том, что Таратута это дело «вел вместе с нами, по нашему поручению, под нашим контролем» и что они все «целиком отвечают за это дело». Каменев утверждал, что правильность их версии подтверждается многочисленными документами, которые они не могут публиковать по соображениям конспирации.

Таково было положение вопроса в дореволюционные годы. Теперь соображения конспирации давно отпали, но ни один из тех многочисленных документов, которые, по утверждению Каменева, имелись в распоряжении БЦ и якобы доказывали бесспорную правильность их толкования воли Шмидта, не опубликован, хотя документы эти должны храниться в архивах ЦК КПСС. Это тем более вызывает подозрения, что даже большевистская мемуарная литература с бесспорностью устанавливает, что второе обвинение, выдвинутое тогда против Таратуты, было вполне правильным: он действительно угрожал убийством тех, кто будет пытаться помешать передаче большевикам наследства Шмидта. Об этом рассказал С. П. Шестернин, старый социал-демократ из Иваново-Вознесенска, который не играл активной роли в большевистском движении, но был использован БЦ как человек, занимавший солидное общественное положение, для получения наследства Шмидта и вывоза его за границу.

Если Таратута (а ответственность за его действия приняло на себя все тогдашнее бюро БЦ во главе с Лениным) позволял откровенные угрозы на сравнительно широких совещаниях, то имеются все основания считать достоверными старые рассказы Андриканиса, мужа старшей из сестер Шмидта, который утверждал, что Таратута «путем недопустимых угроз» добивался от него передачи наследства в БЦ, а не в ЦК РСДРП.

Н. А. Андриканис, молодой московский адвокат, в 1905—1907 годах был членом большевистской организации Москвы и в качестве большевика поддерживал сношения с семьей Шмидта. Он женился на старшей из сестер Шмидта. В 1907-08 годах Андриканис входил в состав большевистской группы содействия РСДРП в Париже; но в конце 1908-го из этой группы вышел, хотя и заявил, что остается социал-демократом. Именно к этому времени относится начало суда между БЦ и Андриканисом, причем этот суд (его председателем был М. А. Натансон, один из лидеров партии эсеров) обязал Андриканиса внести в кассу большевиков не то треть, не то половину той суммы, которая была получена его женой из наследства Н. П. Шмидта.

Бывший большевик Андриканис к делу наследства Шмидта подходил, конечно, с корыстными целями, стараясь урвать себе как можно большую долю. Но сама возможность этого была создана корыстной фракционной игрой, которую повел вокруг наследства БЦ. Каменев говорил о покушении Андриканиса на партийное имущество. Но в то время, когда Шмидт делал свои распоряжения о передаче его имущества партии, зимой 1906—07 годов, существовала только одна, объединенная РСДРП, с общим ЦК, с общею социал-демократической фракцией в Государственной думе и т. д. Только этой объединенной партии принадлежало все партийное имущество. БЦ имел имущество фракционное. Но лидеры большевистской фракции решили и партийное имущество захватить в пользу своей фракции: так они поступили с американскими деньгами, собранными в фонд Горького, так они поступили с наследством Шмидта.

Андриканис в начале 1907 года пытался против этого бороться и дал общепартийному ЦК сведения об игре, которую вели большевики. Но ЦК, в котором тогда большинство составляли большевики вместе с их прочными союзниками, польскими социал-демократами, от этого сообщения отмахнулся: предоставил большевикам вести это дело, оставив за собою лишь право вернуться к вопросу, когда реализация наследства будет закончена, и лишь обязав большевиков держать ЦК в курсе этого дела.

Чтобы иметь возможность присвоить общепартийное имущество, представители БЦ заплатили Андриканису большое отступное.

Вторым важнейшим источником пополнения кассы БЦ были доходы от экспроприаций казенных сумм, производимых большевистскими «боевыми дружинами» и родственными им группами. Волна экспроприаций (их тогда называли сокращенно «эксами») в 1906—08 годах широко расплескалась по всей стране. Их производили как различные революционные группы, так и случайные отряды людей, которых революция и безработица выбила из нормальной колеи. В качестве орудия борьбы против правительства их особенно часто применяли организации партии эсеров и союза эсеров-максималистов, а также ряд революционных национальных партий (польская социалистическая партия, грузинские социалисты-федералисты, армянская партия Дашнакцутюн и т. д.). Особо следует поставить анархистов, которые вели пропаганду в пользу экспроприаций не только казенных средств, но и у частных лиц и широко развили практику такого рода выступлений.

В рядах социал-демократии отношение к экспроприациям было резко отличным у большевиков и у меньшевиков. Впервые этот спор развернулся в апреле 1906 года на съезде в Стокгольме. Большевики, рассматривая экспроприации как одну из форм «партизанских боевых выступлений» против правительства, признавали экспроприации допустимыми,— но только казенных сумм, обязательно под строгим контролем партии и с тем, чтобы добытые таким путем средства были обращены обязательно на работу по подготовке восстания. Меньшевики, наоборот, подчеркивая деморализующее влияние экспроприаций, призывали «бороться против выступлений отдельных лиц или групп с целью захвата денег под именем или девизом социал-демократической партии».

Захват казенных средств меньшевики считали возможным только в одном-единственном случае: если власть в данной местности перешла в руки революционных органов. В подобных случаях они признавали возможность конфискации капиталов в государственном банке и в правительственных учреждениях, но исключительно по указанию этих органов революционной власти и при условии полной отчетности и гласности.

Стокгольмский съезд принял резолюцию меньшевиков, которая, таким образом, стала общеобязательным партийным решением по этому вопросу. Лондонский съезд в мае 1907 года это запрещение подтвердил, дополнив его решением о роспуске всех специальных боевых дружин и групп, причем это решение прошло подавляющим большинством (блок меньшевиков с Бундом, польскими социал-демократами и частью социал-демократов латышского края при воздержании значительной части большевиков). Тем не менее большевики не только после Стокгольмского, но и после Лондонского съезда продолжали сохранять некоторые из своих боевых дружин и проводили экспроприации, причем и политическое, и непосредственно практическое руководство этими выступлениями находилось в руках основной тройки БЦ — «финансовой группы», т. е. Ленина, Богданова и Красина.

Особенно бурную деятельность в этой области развивали большевики Урала, с одной стороны, и Закавказья, с другой. И боевые организации, созданные в этих районах, и люди, стоявшие во главе их, были совершенно различными по типу. Уральские большевики, во главе которых стояли три брата Кадомцевых (Эразм, Иван и Михаил), делали попытки создания в подполье массовой рабочей милиции, разрабатывали далеко идущие военно-стратегические планы восстания на Урале и т. д., и свои экспроприации проводили главным образом для получения денежных средств на эту работу, а в БЦ передавали относительно лишь небольшую часть доходов от своих предприятий.

Группа же большевиков-боевиков Закавказья никакими планами восстания не задавалась: она составляла небольшой, но тесно сплоченный кружок отчаянно смелых «удалых добрых молодцев» (Ленин называл их главаря С. Тер-Петросяна-Камо «кавказским разбойником», и в этом определении была не только добродушная шутка), которые с южной романтикой были увлечены Лениным, жили впроголодь (ряд из них поумирал молодыми от туберкулеза), но мечтали совершить крупный «экс», захватить 200-300 тыс. руб. и принести их Ленину: возьми и делай, что знаешь.

Для нас важно прежде всего установить, что вся работа обеих групп проходила под непосредственным руководством не только всей указанной тройки, но и Ленина лично. Для Урала имеется прямое свидетельство в этом духе, исходящее, несомненно, от Э. Кадомцева. С. М. Познер в своих комментариях к «Протоколам первой конференции военных и боевых организаций РСДРП» в совершенно категорической форме утверждает, что «ни одно важное предприятие на Урале не совершалось без ведома Ленина и «Любича», И. А. Саммера» (последний был уполномоченным БЦ по сношениям с Уралом, прикрываясь в то же время официальным внутрипартийным положением «агента ЦК»). А за 1906—07 годы на Урале большевиками были проведены десятки и десятки «эксов», большей частью мелких, ограблений казенных винных лавок и т. д., но иногда и весьма крупных (при экспроприации почтового поезда на Деме, под Уфой, в августе 1906 года, в руки большевиков попало свыше 200 тыс. руб.). Из этих денег, как теперь известно, в кассу БЦ поступило 60 тыс. руб. (через того же Саммера).

Что касается до экспроприаций в Закавказье, то, по свидетельству М. Н. Лядова, вопросы о них всех обсуждались в БЦ. Непосредственное участие в разработке планов принадлежало больше всего Красину, в которого, по свидетельству Лядова, «Камо был прямо влюблен». Общее количество денег, захваченных группой Камо, надо определить приблизительно в 325-350 тыс. руб., причем главная экспроприация на Эриванской площади в Тифлисе (25 июня 1907 года) дала не меньше 250 тыс. руб. Все эти суммы были переданы в БЦ. 250 тыс. руб., взятых в Тифлисе, лично привез Камо и сдал их в штаб-квартиру БЦ в Куоккала. Крупская пишет, что эти деньги «нельзя было использовать», так как номера пятисотрублевок были известны и сообщены правительством по банкам. Но это не вполне точно: из 250 тыс. в пятисотрублевках было только 100 тыс. Остальные 150 тыс. были в более мелких купюрах, и размен их никаких трудностей не представлял. Лядов нарисовал небольшую сценку в штаб-квартире БЦ, когда Крупская и жена Богданова зашивали пятисотрублевки в жилет Лядова, который и повез их за границу для попытки размена.

Наследство Шмидта принесло БЦ в общей сложности около 280 тыс. руб., которые в кассу поступили частями в 1907—1909 годах; боевые предприятия на Урале и на Кавказе, даже если не считать злополучных пятисотрублевок, дали значительно большую сумму. А ведь нам известны далеко не все предприятия БЦ этого рода.

Приходный бюджет БЦ исчислялся действительно многими сотнями тысяч рублей — в этом отношении Богданов был совершенно прав. Красин был настоящим гением и в организации предприятий такого рода, и вообще в использовании всевозможных источников добычи средств. Мы уже указали, что бомбами, изготовленными в лабораториях БЦ, была взорвана дача Столы-

пина (25 августа 1906 года), они же сыграли решающую роль и в знаменитой экспроприации в Фонарном переулке в Петербурге (27 октября 1906). Оба эти предприятия были организованы эсерами-максималистами. Устное предание, прочно державшееся в социал-демократических кругах дореволюционных лет, говорило, что именно поэтому значительная часть денежных сумм, захваченных в Фонарном переулке, попала в руки БЦ, как попала туда же часть денег, похищенных эсерами-оппозиционерами в банке Московского Общества Взаимного Кредита в Москве (апрель 1906 года).

Дело этим не ограничилось. Известно, что в 1906—07 годах большевики в Петербурге и Москве серьезно разрабатывали план выпуска фальшивых денег. К этому плану Красин вернулся в 1907 году и заказал в Германии бумагу с водяными знаками для печатания фальшивых трехрублевок.

Основная тройка БЦ — его «финансовая группа» в составе Ленина, Богданова и Красина — в 1906—07 годах была талантливо построенным аппаратом для «принудительного отчуждения» в пользу большевистской фракции не только правительственных средств, но и сумм, предназначенных для общепартийной кассы. В выборе методов не стеснялись: лишь бы был крупный доход... Никаких признаков, которые давали бы основание говорить о наличии каких бы то ни было разногласий по этим вопросам внутри «финансовой группы», найти не удается не только для периода до Лондонского съезда, но и для того полугодия после этого съезда, когда политические лидеры БЦ продолжали оставаться в России. Но отсутствие разногласий внутри «финансовой группы» отнюдь не следует принимать за доказательство отсутствия разногласий внутри фракции большевиков вообще. Наоборот, можно доказать, что разногласия по этому вопросу среди большевиков существовали, и притом весьма значительные. Разложение, которое экспроприации вносили в народные массы вообще, а в ряды рабочих организаций — в особенности, было настолько велико, что отрицательное отношение к ним проникало и в среду большевиков.

Основная борьба по этому вопросу на Лондонском съезде велась не на пленарных заседаниях, а в комиссиях, материалов о работе которых не сохранилось. Проект резолюции, предложенный комиссией от имени четырех делегаций (меньшевики, польские социал-демократы, Бунд и латыши), на заседании 1 июня 1907 года был принят большинством в 170 голосов против 35 и 52 воздержавшихся. Для общего настроения съезда характерно не только это огромное большинство (66%) высказавшихся против партизанских выступлений; едва ли не еще более показательно, что лишь ничтожное меньшинство (всего 13,6%) открыто проголосовало против резолюции, т. е. защищало практику партизанских нападений.

Так как голосование было поименным, то имеется возможность более детально разобраться в настроениях делегатов-большевиков. Из 35 человек, голосовавших против резолюции, большую часть составили социал-демократы Латышского края (18 делегатов), где была особенно широко развита партизанская борьба против карательных отрядов. Российских большевиков среди противников резолюции оказалось всего 17 человек, что составляет только 16,2% общего состава большевистской фракции съезда (на съезде было 105 большевиков).

Это общее настроение большевистской фракции съезда, конечно, нашло свое отражение также в голосовании и членов самого БЦ, который как раз в те дни был избран в новом расширенном составе. Среди них голосовавших за резолюцию комиссии, правда, не нашлось, зато против резолюции, т. е. в защиту партизанских выступлений, проголосовали всего только три члена БЦ: Ленин, Дубровинский и Каменев. Полезно здесь же отметить, что среди остальных большевиков, проголосовавших тогда вместе с Лениным, было очень мало людей, оставивших какой-либо след в истории большевистского движения. Защитников экспроприаций в нем оказалось всего пятеро (Ленин, Богданов, Дубровинский, Каменев и Красин), а людей, которые или колебались в этом вопросе, или относились к экспроприациям с большею или меньшею долей осуждения, было не меньше восьми (позиции арестованных в то время Рыкова и Шанцера в точности неизвестны). Совсем не случайно среди воздержавшихся или уклонившихся от голосования за резолюцию с осуждением экспроприаций было так много партийцев, которые в последующие годы принадлежали к лагерю «большевиков-примиренцев»: Мешковский, Ногин, Линдов, Теодорович, Рожков...

Именно эти будущие «примиренцы» во время закулисных переговоров в Лондоне давали обещания положить конец практике экспроприаций, но это все были обещания, данные без хозяина. Ни с «большевиками-соглашателями», ни с официальными решениями съезда «финансовая группа» считаться не собиралась, а она и при новом составе БЦ держала в своих руках и весь аппарат центра, и в особенности все нити его конспиративных предприятий. В этом вскоре все убедились на примере большой экспроприации на Эриванской площади в Тифлисе (25 июня 1907 года), которая была проведена группою Камо с благословения «финансовой группы». Благословение было выдано уже после Лондонского съезда; тем более после съезда «финансовая группа» приняла от Камо «имущество», захваченное на Эриванской площади, и подписала договор с группой Камо об его реализации.

Ленин во всех этих переговорах принимал личное участие, и Крупская совсем не случайно каждый раз, когда упоминает о Камо, перечисляет всех членов «финансовой группы», подчеркивая, что Камо «страстно был привязан к Ильичу, Красину, Богданову» — ко всем троим. «Финансовая группа» свои предприятия конспирировала не только от официальных общепартийных центров, но и от пленума самого БЦ: только так можно было толковать данное Камо («кавказской группы») обязательство «финансовой группе» («коллегии трех») «ни при каких условиях» не нарушать общую тайну, не переносить «обсуждение дела о порученном имуществе в какую бы то ни было партийную организацию, не допускать такого обсуждения, не участвовать в нем».

Формулировки этого договора не оставляют места для сомнений в том, что запрет этот касался и пленума БЦ — его, по-видимому, даже больше и прежде всего, а юридическая точность формулировок заставляет думать, что их авторство принадлежит не Камо, а вернее всего Ленину, который один в «финансовой группе» прошел школу юридических наук и в то же время имел огромный опыт в практике внутрипартийных споров, лучше других предусматривал возможные в этой области осложнения.

Политические разногласия вскоре после разгона Второй государственной думы (3 июня по ст. ст. 1907 года) легли между Лениным и Богдановым, но они ни в коей мере не мешали их дружному сотрудничеству по делам, касавшимся «финансовой группы». Никаких указаний на расхождения в этой последней плоскости мы не имеем, и совместная работа их жен по зашиванию тифлисских пятисотрублевок в старую жилетку Лядова с полным основанием может быть рассматриваема как своеобразный символ прочности этой их кооперации. Более важно, что это была жилетка именно Лядова, того самого, чье имя в протоколах Лондонского съезда в списке защитников права на «эксы» стояло рядом с именем Ленина; равно как не менее важен и другой факт, что непосредственно после Лондонского съезда в центральном аппарате БЦ появился Дубровинский, который в Лондоне по этому вопросу об «эксах» голосовал тоже вместе с Лениным.

Это были, конечно, детали, но они крайне характерны и для тогдашнего настроения Ленина, и для общей атмосферы в БЦ после Лондонского съезда. Крупская сближение Ленина с Дубровинским объясняет «беззаветною преданностью Иннокентия делу» и его «решительностью в борьбе», напоминая при этом и об его личном участии в московском восстании декабря 1905 года и об его роли в кронштадтском восстании июля 1906 года. Эти биографические справки верны: Дубровинский действительно отличался и большим личным мужеством, и преданностью делу. Но не следует забывать, что в аппарат БЦ Ленин его взял не после декабря 1905 года и не после июля 1906 года, хотя и тогда он уже знал Дубровинского лично, а только с июня 1907-го — после Лондонского съезда, на котором Дубровинский доказал не личное мужество, а свою готовность вместе с Лениным идти даже на защиту «эксов».

Ленин, конечно, ценил и «беззаветную преданность делу революции» и «решительность в борьбе», но с его точки зрения не это было главным: своими ближайшими сотрудниками он делал все же только тех, кто показывал свою способность стать его верным оруженосцем, а в мае 1907 года мерилом такой верности он был склонен считать готовность идти с ним до конца в вопросе об экспроприациях. Даже близость по большим политическим вопросам имела для него в это время меньшее значение. Так, например, Мешковский и Рожков в июле 1907 года были ему политически много ближе, чем Каменев, который как раз в это время выступил в печати главным оппонентом Ленина по вопросу об участии в Третьей Государственной думе, но своим помощником по редактированию «Пролетария» Ленин все же выбрал не их, а Каменева, который голосовал вместе с Лениным против резолюции о запрещении партизанских выступлений.

В период, непосредственно следовавший за Лондонским съездом, при подборе ближайших сотрудников для работы в центральном аппарате БЦ для Ленина решающую роль играли соображения, связанные с интересами «финансовой группы». Личные отношения между членами этой последней и их ближайшими сотрудниками были, казалось, самыми лучшими. Во всяком случае, между Лениным и Богдановым, которые жили на одной общей даче — «Ваза» в Куоккала. После Лондонского съезда вместе с ними поселился и Дубровинский, и «Ваза» окончательно стала штаб-квартирой БЦ.

Был только один пункт, который заставляет думать, что уже тогда в отношениях между членами «финансовой группы» намечалась некая трещина. Это появление В. К. Таратуты («Виктора») на руководящей работе в БЦ.

Вокруг этого «Виктора», начиная с 1906 года, накопилось много неприятных разговоров и обвинений. Не только Землячка (Р. С. Залкинд), которая среди большевиков с давних пор была известна как крайне неуживчивый человек, почти склочница по натуре, но и такие уравновешенные люди, как И. А. Саммер («Любич») и ряд других, были убеждены, что Таратута является полицейским агентом-провокатором. Это обвинение неверно, и мы теперь знаем, что именно придавало внешнюю убедительность некоторым из улик против Таратуты: среди ближайших сотрудников Ленина в те годы за границей действительно был провокатор — доктор Житомирский («Отцов»), виновный в выдачах, приписанных в свое время «Виктору».

Таратуту Ленин взял под свое особое покровительство с того момента, когда выяснилось, что он сможет сыграть большую роль в деле получения наследства Шмидта. И на Лондонском съезде именно Ленин провел Таратуту в члены БЦ и в кандидаты в общепартийный ЦК. В истории партии это вообще единственный случай, когда в центральное учеждение избирали человека, против которого несколько раз возбуждалось обвинение в его связи с полицией; поэтому вполне естественно, что его кандидатура вызывала серьезные возражения, особенно среди большевиков, лучше других знакомых с биографией Таратуты. Но Ленин бросил на чашу весов весь свой авторитет и настоял на избрании.

Приблизительно к этому времени относится разговор Ленина с Н. А. Рожковым, крайне важный для понимания не только Таратуты, но и Ленина. На основании сведений (он имел их о Таратуте по Москве) Рожков охарактеризовал последнего как «прожженного негодяя». Ленин не оспаривал характеристики, но настаивал, что именно поэтому Таратута и является особенно «незаменимым человеком» для большевиков.

«Тем-то он и хорош,— говорил Ленин,— что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел... Это человек незаменимый».

Для Ленина такой подход к вопросам элементарной морали был вообще характерен. Он при всяком удобном и неудобном случае старался внушить своим последователям, особенно из молодежи, что «партия не пансион для благородных девиц» и что «иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он — мерзавец».

Конечно, далеко не всякого «мерзавца» Ленин брал под свое высокое покровительство, а тем более далеко не каждого из них проводил в состав центральных партийных органов. Моральные качества партийного работника, с точки зрения Ленина, не должны были служить непреодолимым препятствием при его продвижении на высокие посты в партии. Но выдвигал на такие посты Ленин все же только тех, чья деятельность, с его точки зрения, была особенно полезной, причем по важности поста, на который он проводил соответствующего работника, и по размеру усилий, на которые он был готов при этом пойти, преодолевая сопротивление окружающих, всегда можно было понять, как много надежд на своего нового кандидата он возлагает, насколько важное место он ему в своих планах отводит. В своих планах на будущее Ленин отводил Таратуте весьма значительное место. Здесь мы возвращаемся к основному вопросу внутренней истории БЦ — к во-

просу о взаимоотношениях между Лениным, Богдановым и Красиным.

При подведении итогов деятельности БЦ за время его существования в России приходится констатировать, что никаких признаков наличия мало-мальски значительных расхождений внутри «коллегии трех» до роспуска Второй государственной думы найти не удастся; и если Ленин, тем не менее, уже на Лондонском съезде принимал меры для проведения «своих» кандидатов в БЦ, то причину следует искать в другой плоскости.

Оба его коллеги по этому триумвирату были слишком крупными индивидуальностями и слишком самостоятельными людьми, чтобы Ленин мог превратить их в пешки в своих руках. В те годы они оба — и Богданов, и Красин — прочно стояли на позициях ортодоксального большевизма и были не только последовательными сторонниками курса на восстание со всеми соответствующими выводами, но и убежденными сторонниками партизанских выступлений, т. е. прежде всего «эксов».

А Ленин был слишком авторитарной натурой, чтобы надолго ограничивать себя ролью хотя бы и первого, но все же среди равноправных членов правящего триумвирата. В точности неизвестно, от кого исходила инициатива расширения БЦ на Лондонском съезде 1907 года и какими мотивами руководствовались эти инициаторы, но Ленин использовал ее в собственных интересах, чтобы ослабить свою зависимость от остальных членов «коллегии трех» и расчистить дорогу к роли единоличного руководителя фракции большевиков.

Отсутствие на съезде Красина ему помогало, ибо главной трудностью на пути Ленина к этой цели был не Богданов, а Красин. С Богдановым у Ленина пути разошлись навсегда уже в 1908 году. Красин, конечно, не мог конкурировать с Лениным в способности намечать основную линию большой политики и последовательно вести ее сквозь сложный переплет всевозможных запутанных отношений. Но он обладал весьма живым, оригинальным и гибким умом, умел давать остроумные формулировки и создавать хитроумные комбинации. Своими огромными связями в мире ученых, писателей и артистов, среди технической интеллигенции, даже в торгово-промышленных кругах, большевики эпохи первой революции были обязаны прежде всего и больше всего Красину, который умел импонировать в любом обществе — от Саввы Морозова до Веры Комиссаржевской, а исключительный его организаторский талант позволял ему на ходу закреплять новые знакомства, включая каждое из них на надлежащее место в широко разветвленной, но прочно налаженной организационной сети. Конечно, это была сеть почти исключительно технического аппарата партии. В политическом и даже организационном строительстве Красин участия принимал мало. Как он сам признает в автобиографии, эта работа его не привлекала. Но для подпольной организации технический аппарат имел огромное значение; и в результате усилий главным образом Красина большевики в этой области превосходили все остальные организации революционного подполья той эпохи. На Красине лежала, кроме того, работа военная, боевая, а также все заботы о финансах большевистской фракции: расходы БЦ были огромны, он должен был не только содержать весь огромный центральный аппарат фракции, но и почти полностью покрывать бюджет Петербургской организации большевиков, а также помогать важнейшим из организаций в провинции. Добывание денег на покрытие всех этих нужд лежало почти исключительно на Красине, который был министром финансов БЦ.

Есть основания считать, что в 1906—07 годах, в период совместной работы в «коллегии трех», очень часто не Ленин, а именно Красин вел за собою остальных, увлекая их на путь своих всегда блестящих, но очень часто и крайне авантюристических планов. И очень похоже, что, когда позднее, в 1911 году, Ленин писал Рыкову, предостерегая его против Красина как «мастера посулы давать и очки втирать», то это предостережение следует понимать в свете запоздалого автобиографического признания человека, который сам не раз жестоко ошибался, смотря на события сквозь очки, «втертые» ему Красиным.

На фоне именно этих личных отношений в 1906—07 годах глубоко за кулисами БЦ развертывалась борьба за влияние на аппарат фракционной организации.

Ленин, конечно, был бесспорным и общепризнанным политическим вождем большевиков, но далеко не таким же общепризнанным и безраздельным хозяином организационного аппарата БЦ. Официальным секретарем последнего, правда, была Н. К. Крупская, послушная исполнительница всех указаний Ленина. Именно к ней стекалась вся корреспонденция БЦ, и именно она принимала на явочных квартирах всех, обращавшихся в БЦ. С нею рядом сидел другой секретарь БЦ — М. Я. Вайнштейн («Михаил Сергеевич»), подчиненный непосредственно Красину,— и именно этому другому секретарю (даже Крупская не называет его вторым секретарем) она должна была передавать всю корреспонденцию, к нему направлять всех тех людей, которые обращались в БЦ по делам, связанным с военной и боевой работой фракции, а также в связи с всевозможными техническими предприятиями.

Аппарат организаций, находившихся в ведении Красина, был вообще-то чем-то вроде второго, более глубоко запрятанного и более строго законспирированного этажа сложного подпольного здания БЦ — со своими особыми адресами для переписки, особыми явками для приезжающих, со сложными, многостепенными паролями, показывавшими положение данного лица в организационной иерархии и меру его посвященности в секреты специальной работы. Общепартийными явками и адресами работники этих специальных организаций пользовались лишь в исключительных случаях. И нет ничего удивительного в том, что в этой среде начинали рассматривать общепартийную работу как работу низшего типа по сравнению с тою, которой заняты они, работники военных и боевых организаций.

Уже эта роль Красина, бесспорного руководителя военных и боевых организаций, создавала для него особое положение внутри «коллегии трех». Но еще большее значение имела его роль кассира и министра финансов БЦ. Кассу последнего и большую часть источников ее пополнения он прочно держал в своих руках, никому не передавая этих своих связей, никого к этим делам не подпуская. Это давало ему возможность строго контролировать приходную и расходную часть бюджета БЦ, глазом опытного хозяина проверять обоснованность предъявляемых к кассе требований и решать, какие из них и в каком объеме надлежат удовлетворению.

Именно это создавало для Ленина особенно трудное положение. Ролью только политического вождя, который на свою аудиторию воздействует лишь статьями и речами, он никогда не довольствовался, а всегда стремился держать в своих руках и нити организационных связей: он превосходно знал, что только таким путем можно держать в руках те руководящие кадры партийных работников, которые необходимы для функционирования всякой организации. Уже весной 1901 года он провел Крупскую в секретари «Искры». «Это, конечно, означало,— прибавляет Крупская,— что связи с Россией будут вестись все под тесным контролем Владимира Ильича». С тех пор этих нитей Ленин никогда не выпускал; Крупская неизменно оставалась секретарем всех тех центров, политическим лидером которых он был.

Лучше других он понимал и значение партийной кассы и поэтому тоже всегда старался полностью ставить ее под свой личный контроль. В 1906—07 годах касса впервые полностью ушла из под его рук — контролировать ее Ленин мог только через «коллегию трех», она же «финансовая группа» БЦ. Уходили и важнейшие связи. Ленин уже не был хозяином внутри БЦ — и именно на этом фоне становится понятным все значение для него вопроса о Таратуте. Ленин правильно рассчитал, что, решительно поддерживая Таратуту и проводя его на такие ответственные посты в БЦ и в общепартийном ЦК, он не только помогает последнему закрепить его положение, но одновременно прочнее привязывает его к себе лично.

Сестра Шмидта, завещавшего свое состояние социал-демократической партии, совсем не была той «богатой купчихой...» Ради «острого словца» Ленин не пожалел эту юную курсистку (в 1907 году ей было лет 18—19) из талантливой семьи миллионеров Морозовых, которая вслед за старшим братом-студентом и, несомненно, под его влиянием, а затем под впечатлением его трагической гибели, увлеклась романтикой революции. В те бурные годы таких было немало. Отнюдь не было исключением и то обстоятельство, что для нее в эту революционную романтику важной составной частью вплелось ее личное увлечение Таратутой, настоящей биографии которого («прожженного негодяя») она, конечно, не знала, но его положение в партийной иерархии (сначала секретарь большевистской организации в Москве, затем член ЦК от большевиков) ей, несомненно, было известно и не могло не импонировать. Ленин это превосходно понимал. Именно в этом ключ к объяснению его настойчивости в проведении Таратуты на высокие посты в партии: поступая так, он поднимал шансы на брак Таратуты с Елизаветою Шмидт, а вместе с тем и на «реализацию наследства» ее покойного брата в желательном для Ленина смысле. В деле Таратуты Ленин ставил крупную ставку, но расчет был точным.

Ближайшее будущее показало, что роль Таратуты в планах Ленина не вводилась в рамки одной «реализации наследства Шмидта». Во всяком случае, присмотревшись к нему ближе, Ленин убедился, что он вполне пригоден и для услуг более длительного характера, и очень скоро взял курс на все более и более близкое привлечение Таратуты к участию в засекреченной работе БЦ, особенно к делам, связанным с кассою последнего. Полное развитие этого «нового курса», подрывавшего монопольное положение Красина как неограниченного «хозяина» кассы, относится к последнему, третьему периоду существования БЦ, составляя одну из наиболее важных особенностей этого периода.

(Окончание следует.)

ВЯЧЕСЛАВ ЗАВАЛИШИН (Нью-Йорк)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ КАРНАВАЛЫ

ХУДОЖНИК МИХАИЛ ШЕМЯКИН СНОВА В РОССИИ

Передо мной — больших размеров коллаж. В центре, в нимбе — скачущий на коне Петр Первый, он чем-то напоминает фальконетова Медного всадника, хотя и не является абсолютно точной его копией. Весь Петр — это энергия и порыв, налитые гневом глаза, кажется, вот-вот вылетят из орбит и превратятся в шаровые молнии. Петр атакует броневой автомобиль, на котором Ленин в распахнутом пальто.

Броневик стал жертвой катастрофы, он весь объят пламенем. Лицо вождя Октябрьского переворота искажено страхом, он хочет скинуть горящее пальто. Соратники его дрогнули, разбегаются.

Коллаж многоярусный. В правой стороне, наверху, виден Петр без треуголки, с развеваемыми ветром волосами, он стоит на берегу Невы, и крупная волна лижет его ботфорт. Слева Петр в доспехах, с непокрытой головой, восседающий в кресле, словно на троне. А рядом — кипит работа, на Неве качается на волнах только что спущенный корабль. Мачты уже поставлены, но еще нет парусов.

Помните у Пушкина:

То академик, то герой,
то мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне первый был работник.

На правой стороне нижнего яруса изображен Петр и его сторонники. Царь стремительной походкой проходит по берегу речки. Горбатые мостики, булыжные мостовые, приземистые домишки приветствуют Первотворца Петербурга. На другой стороне красуется Невский проспект, таким, каким его видели Гоголь и Достоевский.

Пристально вглядываясь в этот фотомонтаж, замечаешь, что автор смотрит на град Петра глазами трех его крупных цветовидцев: Александра Бенуа, Валентина Серова и Михаила Шемякина. Петр на берегу взбунтованной Невы как бы сошел в этот фотомонтаж с картины Александра Бенуа. Петр, идущий по берегу Невы, чем-то напоминает Петра на картине Валентина Серова.

Петр же, сидящий в похожем на трон кресле,— графическая модель памятника царю-реформатору. Памятник находится теперь внутри Петропавловской крепости, а творцом его стал Михаил Шемякин, выигравший конкурс на увековечивание в наши времена Первотворца Петербурга. Памятник был безвозмездно подарен петербуржцам — победителям недавнего референдума о возвращении Ленинграду исконного имени.

То было подлинно народное волеизъявление, и Шемякин стал его душой. Вот что писал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в статье «Михаил Шемякин и Петербург Петра Первого»: «Дело в том, что эпоха Петра обладает особой энергией, способной действовать даже через два с половиной века. Солнечная активность, пробегая огромные расстояния, воздействует избирательно. В данном случае она избрала творчество Шемякина».

Шемякин с его адской трудоспособностью крайне своеобразен в работе над историческим материалом. Его мистериальный экспрессионизм зиждется на достоверности, на исторической точности. Михаил Шемякин, работая над памятником Петру, использовал посмертную маску императора. Голова Петра Первого, судя по старинным гравюрам и воспоминаниям современников, была небольшой сопоставительно с высоким ростом и длинными ногами самодержца. Михаил Шемякин это учел, как учел и темперамент Первотворца Петербурга. Кажется, стоит царю подняться, и полководец порывисто сменит шпагу на плотничий топор или молот кузнеца.

Шемякин, особенно в позднем своем творчестве, мистериален, а не демоничен, как чудится некоторым не слишком-то прозорливым искусствоведам.

Огромное воздействие на творчество Михаила Шемякина оказал Рембрандт. Михаил Шемякин пишет: «Начиная с юношеских лет и до самой старости Рембрандт изучал свое лицо, и многие его автопортреты беспощадно гротескные. Писал он очень просто и добивался необычайной глубины — в этом отношении мне он кажется очень близким Сезанну, который говорил: «Хочу одним яблоком удивить весь Париж». Портреты Рембрандта, его лицо я видел в своих снах. Это возвращение в сны и раскрытие этих снов. Я хочу создать синтетический, обобщенный образ художника. Я не добиваюсь портретного сходства, еще больше утрирую его гримасы. Рембрандт для меня прежде всего художник-философ. Его взгляды на жизнь, его уход в замкнутый мир — мне это особенно близко. Я уже несколько лет живу на природе и с природй».

Случайно ли Михаил Шемякин создает образ Рембрандта параллельно с образом Первотворца Петербурга? Думается, нет. Петр Первый открыл Рембрандта как великого художника раньше других, и Шемякин, конечно же, знал о художественных вкусах императора. Вот почему параллельная работа над образами двух великих людей внутренне оправданна и по-своему логична, и духовно согласована.

Надеемся, придет время, и таинственный Медный всадник, пока что существующий лишь в сновидениях Шемякина, станет вершиной позднего авангарда в русском искусстве. То, что можно увидеть в эпицентре коллажа,— лишь предварительный эскиз, подступ к теме.

Применительно к художнику споры о том, кто лучше — Шемякин-живописец или Шемякин-график, прямо скажем, неуместны. Шемякин — синтетичен и метафизичен. Когда говоришь о его творчестве, нельзя отделять форму от содержания. Гармоническое единство формы и содержания принципиально характерно для всего творчества Шемякина.

Он график, потому что он живописец, и он скульптор, потому что он пластичен. Все три элемента взаимопроникают друг в друга, и потому их вряд ли стоит рассматривать порознь. Краски в творчестве Шемякина поют, танцуют, составляя своего рода спектральный оркестр. И это особенно выразительно, когда речь идет о цветооркестровке Петербургских карнавалов художника.

Устроители одной из последних выставок работ художника в галерее Боргезе правильно поступили, решив указать подготовленному или же просто чуткому зрителю на эту особенность творчества Шемякина.

На первом этаже галереи были помещены дезабстракционистские работы художника. Но прежде, чем говорить об этом, упомянем, что же такое дезабстракционизм.

Казимир Малевич, сам признанный основоположник абстракционизма в русском и мировом искусстве, считал развеществленность преходящим явлением в искусстве. Вслед за отстранением предмета от живописи, предрекал он, начнется массовый возврат предметности, но с обязательным учетом всего предшествовавшего опыта абстракционизма, его бесспорных заслуг и не менее бесспорных промахов. На смену беспредметности придет дезабстракционизм. И это процесс эволюционный, мирный, исключающий ломку уже сложившихся традиций. У этой эволюции есть свой лидер — Михаила Шемякина с полным правом можно назвать крупнейшим дезабстракционистом современности.

Первый этаж выставки работ Шемякина в галерее Боргезе был посвящен тем его композициям, где животной и растительной орнаменталистике возвращалась этнографическая и экзотическая естественность и первозданность. Когда смотришь на композиции художника, кажется, что видишь фантастический мир — здесь все цветет и переливается какой-то сказочной, фантастической краской. Здесь вещества преображаются в существа.

Впрочем предоставим слово самому Шемякину: «Я работаю всегда в широком диапазоне. Работа над сериями никогда не кончается. Я не бросаю Рем-

брандта и одновременно продолжаю серию карнавалов и снов. Я работаю над темой войны. У меня есть серия картин, посвященная войне в Афганистане. Я думаю о тех ужасах войны, которые интересовали Гойю.

Гойя — художник, который создавал такие галантные эскизы и гобелены этих пляшущих «мах», изысканные пейзажи. И одновременно он писал ужасы войны, страшные свои сны «Капричос». В нем было понятие утонченной, рафинированной красоты, этаких расписных изящных музыкальных шкатулок и, с другой стороны, проникновение в самые глубины подсознательного. У меня тоже есть циклы, связанные с галантным веком, все эти кринолины, которыми я занимался с юных лет, но с тех же юных лет я обожал писать окровавленные туши».

Способность творить в самых разных направлениях — отличительная особенность творчества Михаила Шемякина. В Советском Союзе ему было трудно выпрямиться во весь рост, но он все же дал знать о себе как иллюстратор, сперва романтических фантазий Гофмана, а позже и «Преступления и наказания» Достоевского. Как живописец и график, Михаил Шемякин приобрел имя сперва во Франции, а потом в Америке. Теперь же о цветотрубадуре узнал весь мир и та страна, откуда его изгнали.

Как скульптор, Михаил Шемякин выдвинулся гораздо позднее, но явлению Шемякина-стереометра предшествовала большая подготовительная работа. И живопись, и графика Михаила Шемякина отличаются пластичностью — от скульптур позднего Шемякина можно провести пунктирную линию к рельефам художника. Рельефы и были предтечами шемякинских скульптур.

Проект памятника Петру Великому был вначале выставлен в международно известной галерее Боргезе в Нью-Йорке. А вскоре состоялась выставка в галерее Эдмонда в нью-йоркском Сохо. Там Михаил Шемякин пошел навстречу пожеланиям многочисленных почитателей и выставил модели миниатюрных скульптур. Это были модели участников и участниц Петербургских карнавалов, которые как бы перешли в третье измерение со знаменитых живописных и графических «карнавалов Петербурга».

«Карнавалы Петербурга», так называется серия работ Шемякина, принесшая художнику мировую славу. Тут мы видим героев и персонажей Гоголя, Пушкина, Достоевского. Люди в камзолах, с напудренными косами, в треугольных шляпах ведут под руку нарядно одетых дам. Видим мы также людей во фраках, в цилиндрах, аристократок в мехах и драгоценностях, в компании расфуфыренных купчих и купеческих дочек, и в этот блистательный мир вторгается шумная ватага красноармейцев и революционных братишек в бескозырках, с пулеметными лентами на груди. Так идиллия превращается в трагикомедию. Это характерно и для мирка миниатюрных моделей Шемякина, где человек срастается как бы воедино со своей фаунической маской или же с музыкальным инструментом. Все это ярко, живо, весело, хотя среди избыточного веселья порой видишь слезы.

Если Шемякин как скульптор выпрямился сравнительно поздно, то Шемякин-сценограф, театральный художник, все еще не оценен по заслугам. Еще в России молодой Шемякин оформил раннюю оперу Шостаковича «Нос» (по Гоголю) для молодежного экспериментального театра. Уже тогда Шемякин поразил своей выдумкой, неистощимой

изобретательностью. Но судьба не позволила раскрыться этой стороне шемякинского творчества. Правда, была попытка привлечь художника к декоративному оформлению балета «Преступление и наказание» по Достоевскому. Но этого было мало. Именно рембрандтов цикл Михаила Шемякина показывает, что художник в глубине души чувствовал и чувствует себя своеобразным сценографом. Оставался им и в своих замыслах и сновидениях. Так и его рембрандтов цикл можно представить как мистериальную трагедию, которая существует только в воображении художника.

Тем не менее, не написанная трагедия, судя по уже частично осуществленным театральным декорациям к ней, отличается высоким совершенством. Может случиться невероятное: найдется драматург, который, руководствуясь шемякинским рембрандтовским циклом, напишет трагедию о Рембрандте. Каким-то чудом может сыскаться и блестящий актер.

В каком направлении будет развиваться творчество Михаила Шемякина? Не будем загадывать. Но мировая агония революционного идеализма, уверен, получит отзвук в творчестве Шемякина. Возможно, что художник создаст цветоапокалипсис XX века, возможно, что в этом направлении М. Шемякин продолжит свою работу и как скульптор, и как график.

Творческая судьба сделала Михаила Шемякина историком и мыслителем. Отношение художника к революционному идеализму двойственно, как отношение Шемякина к своему отцу, награжденному за революционные заслуги шестью правительственными орденами. Он и любит отца, как только может любить сын, и в то же самое время осознает: эпоха революционного идеализма иссякла. Сам кризис революционного идеализма надо постигать, считает художник, как преддверие божьего суда.

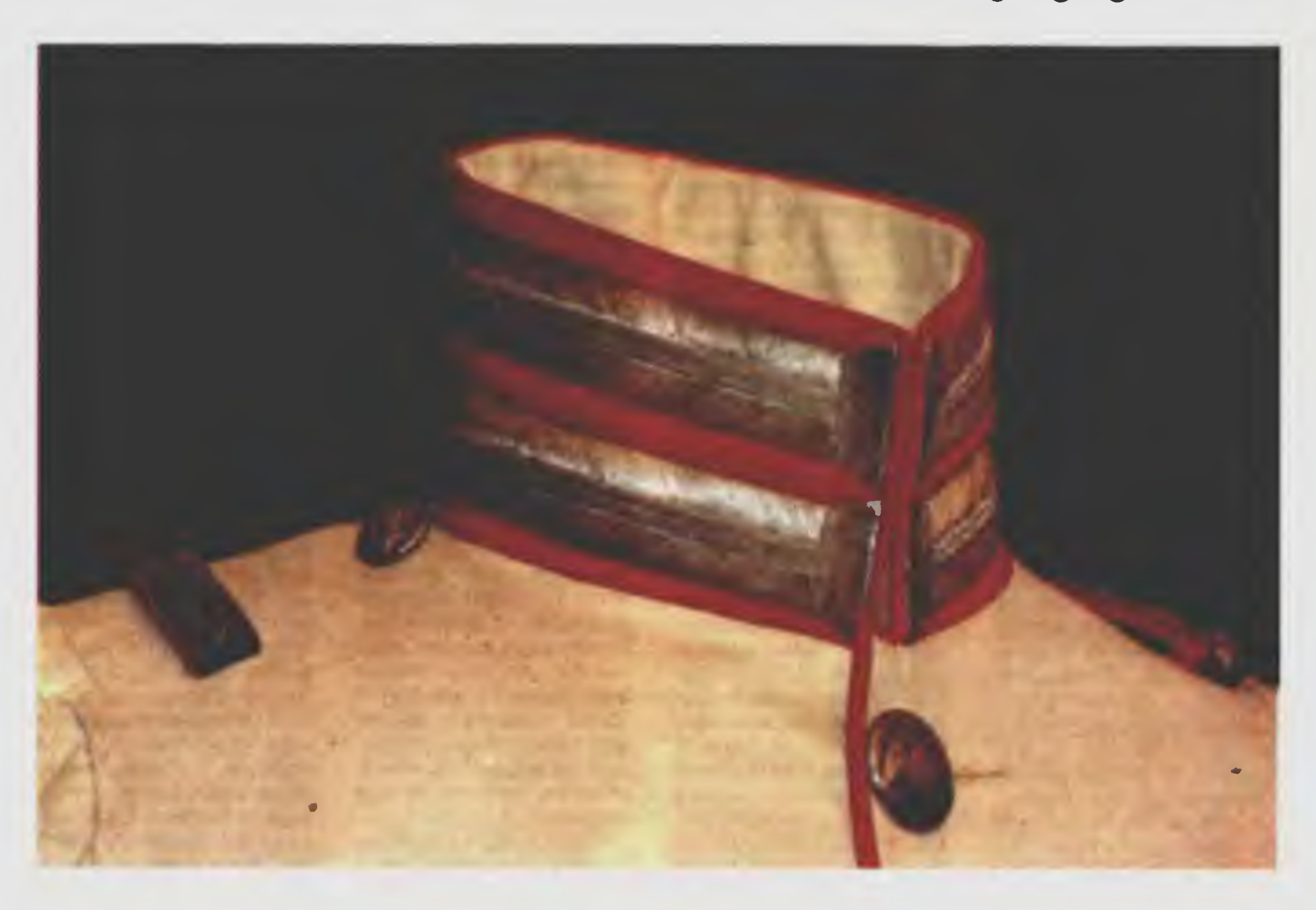
Михаилу Шемякину пришлось покинуть Советский Союз налегке: в стареньком полушубке, с чемоданчиком, в котором находился нож, которым пользуются мясники или официанты. Таможенники были удивлены, узрев этот скудный багаж. Но отпустили Шемякина с миром. Художник вспоминает: «И вот на третий день моего пребывания на Западе я очутился на улице. Холодный декабрь. Больная шестилетняя дочь. Жена и кошки, да собака, вывезенная с боем из России (породистая). И первое жилье — бывший бильярдный клуб довольно захолустного района в те далекие 70-е годы. Окна выбиты — ничего, забили фанерой. Пол сгнил — не беда, забили досками. Отопления нет — поставили ревущий обогреватель, который употребляют рабочие на улице. Ванной нет, но зато есть общественная баня. В кухне газа нет — куплена электрическая плитка. Телефона нет, но к этому мы в России привыкли. Туалета тоже нет, но в соседнем дворе есть туалет для солдат. Крысы... и они пугают маленькую дочку, но можно взять палку и разогнать их. Они все же не так «надоедны», как участковый и домоуправление. Так я прожил с семьей первые два года...».

Все это давно позади. Михаил Шемякин, которого знает и ценит весь мир, живет в Америке в Касткильских горах, в приобретенном им здании бывшего колледжа, который чем-то напоминает старинный замок.

Прошли годы, и Шемякин вернулся на родину для устройства выставки своих работ, вернулся не только состоятельным человеком, но и художником с мировым именем. И Россия наконец Шемякина признала...

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЕВ,
доктор исторических наук

ФЕНОМЕН ЧИНА В РОССИИ

В 1879 году К. П. Победоносцев, в то время один из преподавателей наследника престола — будущего Александра I, писал своему воспитаннику, что в бытность в Москве он был приглашен на обед, данный Биржевым Комитетом в честь министра финансов С. А. Грейга, не забыв отметить, что его «посадили на почетном месте возле Грейга». Победоносцев добавляет: московский генерал-губернатор («полный» генерал и генерал-адъютант) князь В. А. Долгоруков «не был на обеде, чтобы не явиться вторым лицом» среди присутствующих. Тонкость в том, что Грейг также имел чин адмирала и был генерал-адъютантом, однако должность министра считалась рангом выше должности генерал-губернатора.

В следующем году, как рассказывает в своем дневнике государственный секретарь Е. А. Перетц, у принца А. П. Ольденбургского В. А. Долгоруков прямо выразил неудовольствие по поводу того, что был посажен по левую руку от хозяйки, тогда как он раньше был произведен в чин II класса, чем равный ему по классу, но посаженный по правую руку от принцессы сенатор, действительный тайный советник М. П. Щербинин. Принцесса оспорила старшинство Долгорукова, сославшись на то, что она «сама назначает места по спискам старшинства».

В 1886 году государственный секретарь А. А. Половцов (один из организаторов Русского исторического общества) писал Александру III: «Настанет время, когда историку трудно будет объяснить, что такое был чин», этот «полтораста лет слагавшийся, вросший в привычки русского честолюбия» феномен.

Но, как видим, соблюдение старшинства рангов, чинов и должностей еще и в конце XIX века имело важное значение.

А начало было положено в 1722 году петровской «Табелью о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины».

I.

Слово «чин» издавна существует в русском языке. В словаре В. И. Даля оно объясняется через глагол «чинить», то есть делать. В XVII веке — употреблялось для обозначения должности или звания (почетного титула) государственного служащего. Но в XVIII веке чином стали называть особую правовую категорию — ранг государственного служащего.

Табель о рангах устанавливала три основные линии (рода) государственной службы: воинская, статская и придворная; номенклатуру чинов по каждой из них и их иерархию (ранг) — распределение по четырнадцати классам (вместе с тем старшинство чинов в пределах одного рода службы и соответствие с чинами других ее родов).

Закон 24 января 1722 года состоял из пространной собственно «Табели о рангах...» и разъяснительного текста («пунктов»), «каким образом с оными рангами каждому поступать надлежит».

Ранг по Табели (не соединенный с должностью) получил название «чина», а лицо, обладающее чином, стало называться «чиновником». Названия должностей постепенно исчезали из Табели. Они стали перечисляться в штатных расписаниях учреждений с указанием классов по Табели, к которым относились. Чинам же в каждом классе потребовалось дать особые по каждому роду службы названия. В военной службе они уже существовали, а вот гражданские чины стали называться либо по наименованиям отнесенных к данному классу званий (не соединенных с должностями: например, действительный тайный советник, II класс), либо — по одной из должностей (например, коллежский асессор — VIII класс).

В целях поощрения службы устанавливались сроки нахождения в каждом чине, после чего право на следующий чин давалось как бы автоматически. Если кандидатов на должность было несколько, то преимуществом пользовался тот, кто был старше по чину, а при равенстве чинов — кто раньше произведен в него. Чинопроизводство могло быть ускорено особыми заслугами по службе.

Но возможны были, хотя и реже, обратные случаи: назначение на должность более высокого класса, нежели класс чина. Необходимость в этом возникала при образовании новых учреждений или отсутствии подходящих по деловым качествам кандидатов нужного класса.

Табель о рангах и последовавшие за ней законы прежде всего имели целью привлекать на государственную службу потомственное дворянство. Идея заключалась в том, чтобы обеспечить государственный аппарат преданными самодержавию, относительно более образованными и материально более обеспеченными служащими, ибо оклады жалований как на военной, так и на гражданской службе (кроме высших чинов) были невелики.

Начинать службу приходилось с невысоких канцелярских должностей, и возможность «обойти» несколько низших классов давало лишь высшее образование, более доступное для дворянства.

И все же кандидатов из дворян для замещения гражданских должностей хватало не всегда. Табель о рангах предусматривала возможность привлечения на государственную службу и лиц других сословий. В этом случае XIV класс военной службы и VIII класс дворянской давали им права потомственного дворянства. Предоставление дворянства по чину вызывалось прежде всего тем, что без этого правового статуса чиновник в условиях сословного строя царской России не мог бы выполнять свои должностные обязанности. Дворянский статус был притягателен: дворяне освобождались от прямых налогов, рекрутской повинности, телесных наказаний, а главное — получали право владения населенными имениями. Естественно, до отмены крепостного права это имело важное значение.

Декларируя право на потомственное дворянство тем, кто сумеет выслужить установленные классы чинов, Табель о рангах и дополнившие ее позже правовые акты включали ряд положений, которые ограничивали его реализацию. Начиналось это уже на стадии поступления на службу. Указом 31 января 1734 года предписывалось «в секретари не из шляхетства (дворянства.— *Л. Ш.*) не определять, дабы потом не могли в асессоры, советники и выше происходить». (Исключение делалось лишь для тех, «кто какое знатное дело покажет и заслужит».) Чтобы отодвинуть получение дворянства в гражданской службе до VIII класса, создается институт личного дворянства.

Сроки выслуги класса, дававшего недворянам право потомственного дворянства в гражданской службе, были значительно увеличены: например, выслуга в IX классе была у них в 4 раза продолжительнее, чем у чиновников из дворян. Провозглашалось: «законные дети и потомки имеют в вечные времена лучшему старшему дворянству во всех достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были». Но в «пунктах» Табели применительно к военным чинам содержалось пояснение: *«которые дослужатся до оберофицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанный чин, оный суть дворянин и его дети, которые родятся в обер-офицерстве; а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет бить челом, тогда дворянство давать и тем, только одному сыну, о котором отец будет просить».* Все это относилось, видимо, и к детям гражданских чинов VIII и старше классов. Дети, не получившие дворянства, образовывали особую сословную группу — так называемые «обер-офицерские дети». Они пользовались рядом льгот, которые в 1832 году были присвоены более широкой по составу сословной группе «почетных граждан».

Когда в первой половине XIX века вследствие общего увеличения числа чиновников значительно выросло и количество случаев получения потомственного дворянства, были оповещены классы чинов, дающие потомственное дворянство: в 1845 и 1856 годах в военной службе сначала до VIII класса, а затем до VI; в гражданской до V класса, а затем до IV. Младшие классы стали давать лишь личное дворянство (X—XIV классы гражданской службы почетное гражданство).

Существование Табели о рангах в середине XIX века граф С. С. Уваров совершенно определенно связывал с необходимостью сохранить преобладающее влияние поместного дворянства на государственную службу и опасностью того, что государственная служба окончательно перейдет в другие руки...

Для потомственных дворян (в том числе тех, кто выслужил дворянство) согласно Табели о рангах, государственная служба в высших чинах открывала возможность получения родовых титулов: сначала баронского, затем графского и, наконец, княжеского. Со второго десятилетия XIX века пожалование родовых титулов стало производиться прямо с графского титула. Его, в частности, получали

министры. Княжеский титул жаловался обычно тем, кто уже имел графский. Сам по себе родовой титул не сообщал никаких преимуществ, однако это был признак блестящей карьеры, родовой титул передавался по наследству всем прямым потомкам (дочери, выходя замуж, утрачивали титул отца, но приобретали титул мужа).

II.

Табель о рангах положила начало строгой иерархии в среде государственных служащих, которая должна была учитываться при продвижении по службе, при общении чиновников друг с другом, разного рода церемониях, особенно, придворных и т. п. С этой иерархией было связано последовательное соблюдение правил чинопочитания и принципа старшинства.

Одним из «пояснительных пунктов» к Табели предусматривалось, что если «кто выше ранга будет себе почести требовать, или сам возьмет выше данного ему ранга», тот должен быть подвергнут за каждый случай штрафу — вычету двухмесячного жалованья; равный же штраф следовал и тому, «кто кому ниже своего ранга место уступит, чего надлежало фискалам прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе и оным честь, а не нахалам и тунеядцам получать».

Чинопочитание считалось обязательным при всех официальных и торжественных церемониях: при дворе, во время парадных обедов, при браках, крещениях, погребениях и даже при церковной службе. Почитание лиц по рангам не касалось лишь отдельных «оказий, когда некоторые, яко добрые друзья и соседи, съедутся или в публичных асамблеях». Екатерина II признавала существование в России правила «чин чина почитай».

Из чиновников каждого рода службы старшим считался, естественно, тот, кто имел чин более высокого класса. Среди чиновников одного класса данного рода службы старшим признавался тот, кто был ранее произведен в этот класс. При равенстве чинов (классов) военные считались выше всех прочих, а придворные в некоторых случаях выше гражданских (на чины I и II классов преимущество военных не распространялось). Среди обер-офицерских чинов гвардейские чины имели старшинство в полных два класса.

В иерархию чинов вмешивалась иерархия по орденам и званиям. При равенстве чинов, имевшие орден или почетное звание не только считались старше тех, у кого их не было, но и могли обходить чин старших по сроку службы или даже классу.

Внешними проявлениями чинопочитания были так называемые общие титулы и мундиры. Общие титулы — это формулы почетного обращения чиновников низших классов к высшим. Их было пять:

Для чинов I и II классов — ваше высокопревосходительство.

Для чинов III и IV классов — ваше превосходительство.

Для чина V класса — ваше высокородие.

Для чинов VI—VIII классов — ваше высокоблагородие.

Для чинов IX—XVI классов — ваше благородие.

Если чиновник имел родовой титул, то обращаться к нему следовало по формуле «ваше сиятельство» (к графам или князьям) или «ваша светлость» (к светлейшим князьям). К великим князьям — членам императорской фамилии — «ваше императорское высочество» или «ваше высочество».

Чины давали право на получение почетных званий, которые во многих случаях могли рассматриваться как награда. И наоборот: награждение орденом долгое время рассматривалось как пожалование в почетную орденскую корпорацию (*ordo* — община, сословие) с присвоением звания кавалера данного ордена.

Звания (и орденские, в том числе) как бы дополняли, усиливали чины. Они могли быть военными, гражданскими и придворными. Все военные звания были «свитскими» — их обладатели составляли Свиту его величества, которая вполне оформилась на рубеже XVIII и XIX вв.

Военные чины трех старших классов могли иметь звание генерал-адъютанта; IV класса — звания Свиты его величества генерал-майора или соответственно контр-адмирала; штаб- и обер-офицерские чины — флигель-адъютантов его величества. Члены свиты обязаны были по очереди дежурить при императоре и пользовались правом «объявлять» его словесные распоряжения. Свитские звания, являясь почетной наградой, в свою очередь способствовали ускорению чинопроизводства.

Гражданских званий было три: статс-секретарь его величества, член Государственного совета и сенатор. Все они вели свое происхождение от одноименных должностей. Звание статс-секретарь его величества давалось немногим доверенным высшим гражданским чинам, в особенности министрам, сообщая им право объявлять распоряжения императора.

Два других звания отличали тех, кто назывался членом Государственного совета или сенатором, но в действительности не выполнял соответствующих обязанностей.

Наконец, к придворным званиям относились звания камергера и камер-юнкера (до 1809 года они являлись чинами). Звание камергера могло даваться гражданским чинам III—V классов, а звание камер-юнкера — чинам VI—IX классов. Кроме них, после 1809 года получили распространение почетные звания со странным названием «в должности гофмейстера» или «в должности» любого другого чина двора. Звание «в должности» первого чина двора могло даваться гражданским чинам II—III классов, а прочие — IV—VI и даже VII—XIII классов. Обладатели всех этих придворных званий иногда привлекались к дежурству при дворе, но главное — имели привилегию «приезда ко двору» и участия в разного рода придворных церемониях.

Существовали также особые дамские придворные звания: гофмейстерина, статс-дама, камер-фрейлина и фрейлина.

В тесной взаимосвязи оказывались система чинопроизводства и орденская система, поскольку чин давал право на награждение орденом, а орден ускорял получение следующего чина.

В 1847 году министр народного просвещения граф С. С. Уваров писал Николаю I, что система чинов является «силою, не бывалою в руках других государей, и составляющую твердую опору... власти». Чины есть «орудие столь могущественное, что, доколе оно останется в руках властителей, едва ли что-либо может поколебать самодержавную власть в ее основаниях». Он констатировал, что в России именно от чинов, а не «от рода, от богатства и даже дарования» зависело «гражданское значение всех и каждого». Позднее другой царский министр М. Н. Островский предрекал, что отмена чинов — «это один из путей, ведущих к колебанию тех исторических устоев, на которых покоится консервативное монархическое начало».

Попытку отменить чины предпринимали неоднократно от Павла I до Николая II. Император Александр III прямо заявлял о «твердом намерении чины уничтожить». Однако реформаторские идеи потерпели неудачу в значительной мере из-за сопротивления самого чиновничества. Вот почему Табель о рангах дожила до Февральской революции 1917 года.

В следующих номерах под рубрикой «Табель о рангах» мы расскажем об орденах, мундирах чиновников царской России.

ГРАЖДАНСКИЕ ЧИНЫ:

I. Канцлер
II. Действительный тайный советник
III. Тайный советник
IV. Действительный статский советник
V. Статский советник
VI. Коллежский советник. Военный советник.
VII. Надворный советник (в 1745 году переведен из VIII кл.)
VIII. Коллежский асессор
IX. Титулярный советник
X. Коллежский секретарь
XI. Корабельный секретарь
XII. Губернский секретарь
XIII. Провинциальный секретарь
XIV. Коллежский регистратор.

Чин канцлера обычно давался министрам иностранных дел. Второе наименование чина VI класса использовалось только для гражданских чинов, служивших в военном ведомстве. К концу XVIII века гражданские чины XI и XIII классов перестали использоваться. Чиновники некоторых гражданских ведомств (путейские, горные, лесные и др.) в первой половине XIX века считались военными и имели военные чины (при этом горные чины имели особые их наименования).

Основные придворные чины на 1810 год значились только во II и III классах. Ко второму были отнесены восемь наименований старших чинов: обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шенк, обер-форшнейдер (чин возник в 1856 году), обер-шталмейстер, обер-егермейстер и обер-церемониймейстер (с 1858 года). Поскольку в I классе придворных чинов не было, чины II класса с 1809 года стали называться «первыми чинами двора», а чины III класса — «вторыми чинами двора». К ним относились: гофмейстер, гофмаршал, шталмейстер и егермейстер. Обер-форшнейдер и обер-церемониймейстер (с 1827 года), если они имели III класс, также относились к числу «вторых чинов двора». До 1809 года в IV классе значился чин камергера, а в V классе — камер-юнкера. Но затем они были превращены в почетные звания. К V классу относился и чин церемониймейстера. Общая численность лиц, обладавших придворными чинами, была невелика — несколько десятков человек.

ВОЕННЫЕ ЧИНЫ к началу XIX векв:

I. Генерал-фельдмаршал
II. Генерал-аншеф
III. Генерал-лейтенант (в XVIII веке — генерал-поручик)
IV. Генерал-майор
V. Бригадир (в конце XVIII века упразднен)
VI. Полковник
VII. Подполковник
VIII. Майор (в 1731—1787 годах был разделен на премьер- и секунд-майора).
IX. Капитан
X. Штабс-капитан (в XVIII веке: капитан-поручик)
XI. отсутствовал
XII. Поручик (в XVIII веке — лейтенант)
XIII. Подпоручик (в XVIII веке — унтер-лейтенант)
XIV. Прапорщик.

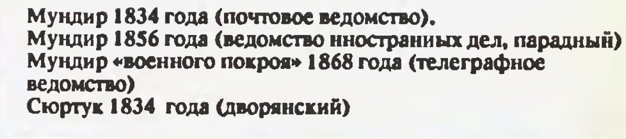
Военные чины разделялись на три группы: генеральские (I—V кл.), штаб-офицерские (VI—VIII кл.) и обер-офицерские (IX—XIV кл.). Выше генерал-фельдмаршала был лишь чин генералиссимуса, дававшийся командующему войсками армий двух и более стран. Во II классе с начала XIX века чины именовались по родам войск: генерал-от-инфантерии, от-кавалерии, от-артиллерии и инженер-генерал. В 1884 году чин майора был упразднен, и все обер-офицерские чины в армии повышены на один класс (но чин капитана продолжал считаться обер-офицерскими). В кавалерии некоторые обер-офицерские чины имели особые названия: в IX и X классах — ротмистр и секунд (или штабс)-ротмистр, а в XIV классе — корнет. С 1798 года в общую систему были введены особые наименования офицерских чинов казачьих войск: VIII кл.— войсковой старшина, IX кл.— есаул, XII класс — сотник и XIV кл.— хорунжий. Офицеры артиллерии и инженерных войск в армии имели преимущество в один класс (за счет V класса, где в этих войсках чин бригадира отсутствовал). Офицеры гвардии имели преимущество в два класса по сравнению с армейскими. Чин бригадира в гвардии отсутствовал, а в 1798 году были упразднены и чины подполковника и майора.

Мундир 1834 года (почтовое ведомство).
Мундир 1856 года (ведомство иностранных дел, парадный)
Мундир «военного покроя» 1868 года (телеграфное ведомство)
Сюртук 1834 года (дворянский)

ВОЕННО-МОРСКИЕ ЧИНЫ:

I. Генерал-адмирал
II. Адмирал
III. Вице-адмирал
IV. Контр-адмирал (в начале XVIII века — шаутбенахт)
V. Капитан-командор (в 1764—1798 годах капитан бригадирского ранга; в 1827 году упразднен)
VI. Капитан 1-го ранга
VII. Капитан 2-го ранга
VIII. Капитан 3-го ранга (упразднен в 1764 году)
IX. Капитан-поручик (в 1897—1912 годах — капитан-лейтенант)
X. Поручик (с 1797 года — лейтенант)
XI. Корабельный секретарь (в конце XVIII века стал штатским чином)
XII. Унтер-лейтенант (упразднен в 1764 году)
XIII. Мичман (с 1758 года; с 1764 года в XII кл; с 1884 года в X кл.)

С 1764 года чины IX и X классов были повышены на один ранг. В 1884 году чин капитан-лейтенанта (VIII кл.) был упразднен, а с 1907 года в IX кл. числились два чина: лейтенант и старший лейтенант; в 1912 году последний был переведен в VIII класс (вместо упраздненного чина капитан-лейтенанта).

Окончание в № 5

Сюртук 1850-ых годов (Собственная е.и.в. канцелярия)
Мундирный фрак (Синод)

ИСТОЧНИК

документы русской истории

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

Колхозники на демонстрации 7ноября, Москва, 1939 год

«БЕЗ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НИГДЕ НЕ ОБОЙТИСЬ»

«Рожков Н.А. (1868-1927) — историк и публицист, меньшевик.

Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно Вел борьбу против Советской власти. Во время контреволюционного мятежа в Кронштадте (1921) за нарушение советских законов был подвергнут заключению. В 1922 году порвал с меньшевиками. В последующие годы находился на научно-педагогической и административной работе. Автор ряда работ по истории России». (Из именного указателя к 10-му тому Избранных сочинений В.И.Ленина. М., 1987, с. 501-502.)

В последнем номере за 1991 год (с.29-32) мы публиковали подборку неизвестных писем Николая Александровича Рожкова Ленину и Зиновьеву. В той публикации упоминалось и об ответе Ленина на письмо Рожкова от 11 января 1991 года. С письмом Ленина случилось поистине детективная история: в середине 20-х годов оно «таинственным образом» исчезло из личного архива Рожкова и с тех пор проходило по списку неразысканных произведений вождя.

Как и следовало ожидать, следы ленинского письма нашлись в Центральном партийном архиве (ранее — Институт истории партии, ныне — РЦХИДНИ). Еще в 1940 году копия этого документа была передана туда ленинградским историком Екатериной Замысловской, близким другом семьи Рожковых. Остается удивляться, почему позднейшие «верные ленинцы» так надежно упрятали это вполне безобидное послание. Может быть, потому, что тогда пришлось бы рассказать некоторые подробности грязной истории с высылкой Рожкова из России в 1922 году (эта важнейшая государственная проблема четыре раза (!) обсуждалась на Политбюро — 26 октября, 16 ноября, 7 и 14 декабря 1922). Накануне последнего заседания, увенчавшегося высылкой историка в Псков, Ленин диктует письмо Сталину, где предлагает разные варианты решения этого «сложнейшего» вопроса (в отличие от «последних статей и писем», сей плод контракта двух гениев не был рассекречен даже во времена перестройки). Сейчас нелепо восторгаться каждой новой ленинской строчкой, но эти «находки» из бывшего ЦПА несомненно добавляют важные черточки к «знакомому портрету».

Копия с копии, отправленной в Институт Ленина 29.1.1919

Николай Александрович! Очень рад был Вашему письму — не по его содержанию, а потому, что надеюсь на сближение, благодаря общей фактической почве советской работы.

Положение не отчаянное, а только трудное. Но теперь есть серьезная надежда улучшить продовольствие благодаря победам над контррев(олю)ц(ионе)рами и на юге и на востоке. Не о свободе торговли надо думать — именно экономисту должно быть ясно, что свобода торговли при абсолютном недостатке необходимого продукта равняется бешеной, озверелой спекуляции и победе имущих над неимущими. Не назад через свободу торговли, а дальше вперед через (улучшение) госуд(арственной) монополии к социализму. Трудный переход, но отчаиваться непозволительно и неразумно. Если бы беспартийная околопартийная интеллигенция, вместо насчет свободной торговли, составила экстренные группы, группки и союзы для всесторонней помощи продовольствию, она бы помогла делом серьезно, она бы уменьшила голод.

Насчет «единоличной диктатуры», извините за выражение, совсем пустяк. Аппарат стал совсем уже гигантским — кое-где (чрезмерным) — а при таких условиях «единоличная диктатура» (вообще) неосуществима, и попытки осуществить ее были бы только вредны.

Перелом в интеллигенции наступил. Граж(данская) война в Германии и борьба именно по линии: советская власть против «вс(еобщего), пр(ямого), равн(ого) и тайного, т(о) е(сть) против контррев(олюционной) учредилки» — эта борьба в (Германии) даже самые упрямые интеллигентские головы прошибает и прошибет. Со стороны виднее. Nul n'est prophite en son pays (1). У себя в России считали это «только» «дикостью» большевизма. А теперь история (показала), что это всемирный крах буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, что без граж(данской) войны нигде не обойтись (volentem ducunt fata, nolentem trahunt) (2), придется интеллигенции придти к позиции помощи рабочим именно на советской платформе.

Тогда, думаю я, пойдут как грибы расти кружки, организации, комитеты, свободные союзы, группы, группки, группочки интеллигентов, предлагающих свою самоотверженную работу на труднейших постах продовольственной и транспортной работы. И тогда мы на месяцы сократим и облегчим муки родов. А родится нечто удивительно хорошее и жизнеспособное, как эти муки не тяжелы.

Привет! Н.Ленин

РЦХИДНИ, ф. 2, оп.1, д.8492

(1) Несть пророка в отечестве своем.

(2) Желающего судьба ведет, нежелающего судьба тащит.

Тов. Сталину. Письмо для пленума Ц.К.

Для правильной оценки нашего разногласия в вопросе о Рожкове надо иметь в виду, что мы уже несколько раз ставили этот вопрос в Политбюро. Первый раз Троцкий высказался за отсрочку высылки Рожкова. Второй раз, когда под влиянием давления Мессинга (1) Рожков дал новую формулировку своих взглядов, Троцкий высказался за высылку его, найдя, что эта формулировка не только никуда не годится, но явно доказывает неискренность взглядов Рожкова. Я вполне согласен с Зиновьевым, что Рожков человек твердых и прямых убеждений, но уступает нам в торге с Мессингом и даст какие угодно заявления против меньшевиков исключительно по тем же мотивам, по которым мы в свое время подписывали клятву верности царю при вступлении в государственную думу. Поэтому, если поручить Стеклову (2) или кому другому использовать заявление Рожкова (напр., для «вызова» меньшевикам), то это, во-первых не достигнет цели, во-вторых, осрамит нас, ибо меньшевики так прямо и ответят, что они всегда высказывались, подобно нам, за подпись любого клятвенного обещания под влиянием принуждения. От такой «дуэли» с меньшевиками всецело потеряем мы.

Предлагаю:

первое — выслать Рожкова за границу;

второе — если это не пройдет (напр., по мотивам, что Рожков по старости заслуживает снисхождения), то тогда не следует никакому публичному обсуждению предавать заявлений Рожкова, полученных под принуждением. Тогда надо дождаться, когда Рожков, хотя бы через несколько лет, сделает искреннее заявление в нашу пользу. А до тех пор я предложил бы послать его, например, в Псков, создав для него сносные условия жизни и обеспечить его материально и работой. Но держать его надо под строгим надзором, ибо этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца.

13.XII.22
Ленин

РЦХИДНИ, ф.2, оп.2, д.134

(1) Мессинг С.А. — член коллегии ВЧК, председатель Петроградской ЧК.

(2) Стеклов (Нахамкис Ю.М.) — в 1917-1925 редактор «Известий».

Публикация
Олега Волобуева,
доктора исторических наук

ОТКРЫТИЕ АРХИВОВ

ДОМ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В ряду бывших центральных государственных архивов СССР наиболее загадочным и притягательным для исследователей является Центральный государственный особый архив СССР, нареченный журналистами «архивом-невидимкой». История его такова.

Летом 1945 года в Москву прибыл необычный трофейный груз в десятках вагонов — архивные документы практически всех европейских государств, покоренных фашистской Германией. Специально для их хранения и использования постановлением СНК СССР в марте 1946-го был создан ЦГОА. По иронии судьбы здание для размещения необычного трофея возведено немецкими военнопленными.

Круговорот войны захватывает не только людей, но и творения их рук, в том числе документы. Зловещий штаб Розенберга, которому с благоволения Гитлера была дана команда о вывозе в Германию культурных ценностей из вражеских стран, работал педантично и целенаправленно. Одной из первых и ценнейших добыч Розенберга стали архивы Франции, а в их составе — фонд знаменитой «Женераль Сюртэ» (французская служба безопасности). Французы были уверены, что баржа, на которой везли архивы по Сене в укромное место, была уничтожена в результате попадания авиационной бомбы и документы погибли. На самом же деле документы перехватила зондеркоманда Розенберга и доставила их в Чехословакию, где в течение ряда лет их изучали и микрофотокопировали. Сюда же и в другие глухие уголки свезли архивы Австрии, Бельгии, Болгарии, Греции, Лихтенштейна, Нидерландов, вольного города Данцига, Румынии, Чехословакии, Польши, СССР, Югославии, Люксембурга. Неисповедимо, какими путями и по каким причинам, но у нацистов оказались и части архивных фондов их союзников — Испании, Италии, Норвегии, нейтральной Швейцарии, отделенной Ла-Маншем от Европы Великобритании и даже Кореи. В конце войны гитлеровцы укрыли в замке Альтхорн в Чехословакии и свои собственные архивные фонды.

Советские поисковые команды все эти архивные клады обнаружили и прямиком переправили в Москву. Клад был огромен — 1.368.800 дел, из которых на долю Франции приходится 1 млн., Германии — 194 тыс. Среди трофейных документов также 70 фондов Польши, 61 — Австрии, 27 — Бельгии, 4 — Болгарии, 5 — Великобритании, 7 — Греции, 1 — Испании, 1 — Лихтенштейна, 1 — Люксембурга, 21 — Нидерландов, 2 — Данцига, 6 — Италии, 1 — Кореи, 1 — Норвегии, 8 — Румынии, 6 — Чехословакии, 4 — Швейцарии, 9 — Югославии.

Хронологически трофейные документы охватывают период с XIII века по 1945 год.

Волею судеб под одной крышей оказалась запечатленная на бумаге мысль многих народов, и посему ЦГОА является уникальнейшим архивом, хранящим ретроспективную информацию о политических, социальных, экономических, культурных, миротворческих и религиозных аспектах жизни народов почти всего земного шара, в том числе России и Советского Союза, об их многогранных взаимоотношениях со многими странами мира.

В 1956 году ЦГОА принял в свои стены и огромный фонд бывшего Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (около 3,5 млн. дел).

Там же находится бесконечная череда личных фондов, среди которых отцы III рейха, писатели, политики, юристы, издатели, общественные деятели, разведчики; фондов редакций, издательств, информационных центров.

Также особую группу фондов, не принадлежащих какой-либо стране, составляют фонды бывших международных организаций. К ним относятся, например, фонды «Международной конфедерации работников умственного труда», «Лиги наций», «Печатные издания и документы троцкистских организаций», «Великие ложи еврейского ордена Бне-Брнс», «ЦК Всемирного еврейского объединения», «Фонд реконструкции Палестины» и другие.

Из разрозненных документов сотрудники ЦГОА составили объемные и удивительно привлекательные по содержанию коллекции на разных языках по истории народов СССР, Индии, Калифорнии, Литвы, Эстонии, Испании, записей русского, украинского, татарского и чувашского фольклора.

Но давайте заглянем в дела. Вот агент по продаже угля Жорж-Мари де Геккерн, обуянный тщеславием, ходатайствует перед французскими властями в 1939 году о добавлении к его фамилии приставки «Д'Антес».

А вот кое-что интересное о доме Валленберг, известного у нас в связи с загадочным исчезновением Рауля Валленберга. Польский посол в Стокгольме в 1938 году пишет, что одна из причин неприязненного отношения великих держав к Швеции — это сопротивление дома Валленберг (крупных финансистов и промышленников), выступавшего против присоединения Аландских островов к Швеции. И только потому, что они действовали в интересах международной финансовой верхушки...

Помните навязчивую идею Ленина о мировой революции? Вот вам подтверждение из советской радиограммы, перехваченной французской военной миссией в Польше в мае 1921 года: «Повереннному Комиссариата иностранных дел Гопнеру. Копия Сурицу. № 150. Вы можете официально заявить правительству Афганистана, что мы согласны оказать ему широкую поддержку. Мы дасм Афганистану миллион золотых рублей (!!!), двенадцать аэропланов, орудия противовоздушной обороны, построим телеграфную линию Кушка — Кабул, 15 тыс. ружей. Взамен мы требуем свободный проход и помощь нашей пропаганде в Индии, а также поставку оружия и техники пограничным племенам, создать нашу типографию в Кабуле и использовать афганские типографии для нашей работы на Индию».

Небезынтересен ответ на запрос по поводу субсидий Ленину: «Бюро Вольф сообщает: на запрос в рейхстаге депутата-коммуниста Дювелля, действительно ли Ленин и Троцкий и другие получили 50.000 марок от немецкого правительства или же эта субсидия была выдана военными властями — министр иностранных дел Симонс, избегая прямого ответа, ограничился заявлением, что в архивах МИД он нашел документ о субсидировании Ленина и Троцкого из фондов министерства».

Любопытна запись в аналитическом дневнике французского наблюдателя в России в 1918 году: «Вопрос взаимоотношений большевиков с крестьянскими массами самый главный. Передача по радио от 14 мая указывает, каким способом они надеются остановить разложение этих масс: ЦК в своем заявлении настаивает на необходимости усиления пропаганды в деревне. Пропагандисты и местные власти должны без устали разъяснять крестьянам действия Советских властей в выгодном для них свете. Надо перевоспитать (!!!) деревню. Советская власть, единственная в мире, уничтожила частную собственность на землю. Есть, правда, и некоторые теневые стороны, как, например, реквизиция. Но это необходимо, чтобы остановить продвижение врагов народа и содержать Красную Армию. Если бы не было армии, враги отняли бы у крестьян землю. Надо просветить деревню, чтобы положить конец агитации, имеющей целью обмануть массы и противопоставить их Советской власти».

Все это хорошо, скажет проницательный читатель, но документы-то в основном не наши. И есть международный принцип: архивы, перемещенные во время войны, должны быть возвращены на свою «историческую родину».

С изменением в настоящее время политической ситуации в Европе, созданием единой Германии, установлением доверительных отношений, основанных на международном праве и общечеловеческих ценностях, наступает время окончательного решения судьбы спасенных Красной Армией европейских архивных фондов, то есть их возвращение законным владельцам. Это должно происходить на основе двухсторонних договоров, наподобие недавнего Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ, где в 16 статье сказано, что СССР и ФРГ «согласны в том, что пропавшие или незаконно вывезенные культурные ценности, находящиеся на их территории, должны возвращаться владельцам или их наследникам».

Документы не должны быть разменной монетой в политических играх официальных лиц, что было характерно для прошлого, когда то одной, то другой стране милостиво и с умилительно-ханжескими улыбками дарили архивные раритеты, говоря при этом, что вот-де потрудились, поскребли по сусекам и обнаружили их. Передали ГДР, ФРГ, Франции, Польше, при этом забывая снять копии с оригиналов. Примером невыгодного для нас международного акта явился обмен таллинского архива на архив ганзейских городов, большая часть которого советской стороной (ныне упраздненным Главархивом СССР) не была скопирована.

Проблема возвращения документов, хранящихся в ЦГОА, европейским странам требует разработки программы условий передачи фондов, защищающих интересы российской стороны.

Уникальность фондов ЦГОА, являющегося оригинальным коллекционным архивом новой и новейшей истории Европы, Азии, Америки, архивом политики, войны и мира, обязывает сохранить его, пусть большей частью в копиях, для отечественных историков и исследователей, тем более что к нему создан огромный научно-справочный аппарат. Уникальность ЦГОА, волею судеб соединившего архивные фонды Европы, заключается и в том, что после возвращения их владельцам, он все равно будет притягивать к себе иностранных специалистов именно потому, что свои исследования они будут проводить как бы в архивах многих стран, но не переезжая из одной в другую.

Поэтому в основу двухсторонних переговоров должны быть положены три основных принципа:

1. Признавая безусловную необходимость передачи подлинников, необходимо полностью скопировать все трофейные документы.

2. Вывести из действия соглашения материалы российского происхождения и бывших международных организаций.

3. Связать предоставление странам-образователям документов с возвращением документов и материалов, вывезенных из России или захваченных на ее территории.

АНАТОЛИЙ ПРОКОПЕНКО,
зам. председателя Роскомархива

МАСОНЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

CHANCELLERIE DE L'ASSOCIATION MAÇONNIQUE INTERNATIONALE

GENÈVE
r. Général-Dufour 20
Adresse pour la correspondance
CASE STAND 138

Adresse télégraphique
AMITENTE GENÈVE

Chèques postaux N° I. 3510

Or. de Genève (Suisse), le 7 décembre 1933

L'Association maçonnique internationale

AUX OBEDIENCES MEMBRES de l'A. M. I.

A la Grande Loge de Luxembourg

LUXEMBOURG

Перед Вами уникальные документы Международной масонской ассоциации. Оказывается, в Киеве в конце 1933 года еще действовала масонская ложа! Принято считать, что к этому времени все «вольные каменщики» бывшей царской империи были сосредоточены исключительно в эмиграции (к 33-му году любому врагу режима было совсем несладко, а тут масоны, да еще ревностные сторонники независимости Украины!) Одновременно мы публикуем фрагмент стенограммы заседания исполкома ММА, посвященный гонениям на масонов в Германии в связи с приходом к власти Гитлера. Бросаются в глаза резкие различия в аргументации киевских и брюссельских «братьев» применительно к Украине речь идет о русской оккупационной политике, направленной на «уничтожение Украины» (о большевиках ни слова!), в Германии же все закручено вокруг репрессий против масонов как приверженцев интернационализма. К сожалению, мы лишены возможности подробно прокомментировать феномен киевского масонства 30-х годов, но надеемся сделать это в следующих номерах.

Международная масонская ассоциация

7 декабря 1933

Канцелярия ММА

Женева

ул. Женераль-Дюфур, 20

Членам ММА

Великой ложе Люксембурга

Великая Канцелярня получила надежным путем жалобу от Великой Ложи Украины, которая просит меня довести ее до сведения всего Масонского братства, чтобы привлечь внимание всех франкомасонов к плачевной ситуации, в которой находятся наши украинские братья и их соотечественники.

Я считаю своим долгом дать ход этой жалобе, поскольку авторы этого призыва не имеют возможности направить ее сами по назначению. Добавляю, что речь идет главным образом о моральной поддержке, но и всякая материальная помощь будет принята благосклонно и позволит оказать непосредственную поддержку.

Канцелярия ММА в состоянии обеспечить распределение этой помощи и представить оправдание предполагаемым благотворителям, которые будут расположены направить ей свои дары.

В надежде, что этот призыв встретит доброжелательный прием, прошу принять выражение моих братских и преданных чувств.

Великий Канцлер
(МОССАР)

(ЦГА, ф.117, оп.1, ед.хр. 15, л.13)

Великая ложа Украины

Киев, 22 сентября 33

Всем регулярным франкомасонам мира! Блага Единства Бодрости

Тринадцать лет прошло с момента русской оккупации Украины! За эти тринадцать лет наша богатая страна, которая поставляла хлеб всей Европе и которую до сих пор называли «хлебным амбаром Европы», до такой степени разорена и обеднела, что не может больше прокормить себя.

Оккупационная власть, подчинив силой и в результате жестокой войны Республику Украину, сослала, кроме того, в Сибирь часть ее населения; она также конфисковала огромные богатства народа, вывезеные в Россию для продажи и покрытия расходов на содержание ее армии, а также кадровых агитаторов, миссия которых состоит в разжигании волнений во всем мире. Подобная политика экономического опустошения не могла не сказаться на жизненных интересах украинского населения. Уже в 1921-22 годах Украина, ослабленная, подчиненная оккупационной власти и лишенная помощи, вынуждена была вынести муки ужасного голода, который унес несколько миллионов украинцев. И если в то время катастрофа не была полной, то только благодаря помощи просвещенных народов Европы и Америки, которым, несмотря на все препятствия, воздвигаемые оккупационными властями, удалось спасти замученную Украину.

Традиционное франкомасонство не занимается политикой. И теперь это не его область, но сейчас, когда стало ясно, что Украина вновь переживает ужасный кризис и когда голод угрожает миллионам жителей.

Мы, Великая Ложа Украины, зная, что русская оккупационная политика направлена на уничтожение Укрины, поднимаем наш голос для того, чтобы Братья просвещенных народов всего мира еще раз услышали нашу просьбу и пришли на помощь нашей стране.

Во имя нашего масонского Братства, мы призываем помочь миллионам украинцев, обреченных на смерть русскими оккупационными властями.

Я.КОТЛЯРОВСКИЙ
Великий Мастер
В.МОРЭ
Великий Секретарь

(ЦГА, ф. 117, оп. 1, ед.хр. 15, л.14)

Исполнительный комитет ММА

Заседание 6 мая 1933 в Брюсселе

Положение немецкого масонства

Брат Пьер Констан изложил сведения, которыми он располагает, о положении немецкого масонства: Великая Ложа Гамбурга многие годы была сильно озабочена тем, чтобы добиться признания Гитлером, приход к власти которого она предвидела. Национал-социалисты не откликнулись на эти авансы; для них масонство-это лишь международная организация, которой нет места на территории Третьего Рейха.

Гитлеровское правительство предложило Великой Символической Ложе Германии изменить свой устав, отказаться от идеи интернационализма и прекратить свою деятельность по сближению народов; в ответ на это предложение ложа собралась 26 марта в Гамбурге и предложила приостановить свою деятельность. Объявление о роспуске было опубликовано в «Журналь оффисьель» от 28 марта (....)

Три Великие прусские Ложи: О труа Глоб, За Дружбу, национальная Пруссия, а также Великая Ложа Саксонии отказались от названия «франкомасонство» и превратились в германохристианские рыцарские ордена, которые вдохновлены легендой о Тамплиерах и разделяются на «округа», «префектуры» и другие образования, чуждые масонству.

Что касается так называемых «гуманитарных» Великих Лож Дармшта дта, Бейрута, Франкфурта, Лейпцига, то они исключили из своих рядов евреев в надежде снискать себе таким образом расположение властей. Великие Мастера некоторых из этих Лож подали в отставку. Великая Ложа Бейрута, слывущая самой либеральной, осталась без Великого Мастера: брат Келблин ушел в отставку, и никто из братьев не пожелал стать его преемником. Это братство несколько месяцев назад просило Великую Ложу Чехословакии помочь ему спасти свой архив. Братья из Праги добились от своего правительства разрешения на то, чтобы коллекции масонов Бейрута были приняты в чехословацком Национальном музее в связи с их исторической ценностью и были бы возвращены владельцам, как только позволят обстоятельства. Документы были упакованы, но не отправлены.

Великая Ложа Гамбурга должна была отправить свои коллекции Великой Ложе Нью-Йорка, которая согласилась их принять. Отправка не состоялась, и неизвестно, что ждет в дальнейшем эти две восхитительные масонские коллекции.

Великий Мастер Великой Символической Ложи возглавлял ассоциацию высших чиновников и директоров заводов. 20 апреля его было решено уволить (с 1 мая) за принадлежность к франкомасонству.

По этому случаю стоит прояснить одно довольно распространенное заблуждение: обычно полагают, что Великая Символическая Ложа Германии насчитывает в своих рядах много евреев. Однако их там было всего 4%, и ни один из руководителей не был израэлитом.

В некоторых газетах и, в частности, в «Насьон Бельж» можно было прочитать, что не стоит доверять известиям из Германии о совершенных злодеяниях. К сожалению, свидетельства лиц, заслуживающих доверия, позволяют констатировать, что то, что можно прочитать и услышать об этой стране, далеко от действительности: в Германии происходят такие же скорбные события, как и в Бельгии в 1914 году.

Евреи, марксисты или масоны не имеют никакой возможности обратиться в суд по поводу насилия, жертвами которого они становятся, и право для них больше не существует.

Немецких братьев спросили, как они позволили обстоятельствам застать себя врасплох; они ответили, что до сих пор имели крупного покровителя в лице фельдмаршала Гинденбурга. На антимасонские выступления рейхспрезидент отвечал, что все его предшественники, начиная с Фридриха Великого, были масонами, и он не смеет думать, что эта организация состояла из непорядочных людей. В настоящее время президент не имеет больше никакого влияния на ход дел.

Владельцы, директора, управляющие кафе или публичными заведениями должны подписать декларацию , по которой они свидетельствуют, что начиная с третьего поколения не являются евреями и обязуются никогда не сдавать внаем — за плату или бесплатно — свое заведение какой-либо ассоциации или секретному ордену, преследующим противоположные, нежели у государства, цели.

Возникает вопрос, чем кончит этот режим.

По общему мнению, Гитлер — ясновидящий мистик — является всего лишь знаменем, он уже не управляет движением. Если Гинденбург умрет, Гитлер не станет президентом. Некотрые считают, что возвращение одного из Гогенцоллернов позволило бы вернуться к равенству.

Деньги — одна из важнейших забот режима. Гитлеровское движение субсидировалось крупной промышленностью, которая с тревогой наблюдает , как призрак Советов в виде национал-социалистических ячеек проникает на предприятия. Исходя из того, что каждый национал-социалист получает три марки в день, — это составляет значительную сумму, на крупных предприятиях больше не платят — считают, что правительство будет вынуждено начать выпуск векселей, чтобы содержать свои войска. Вполне возможно, что это уже делается, хотя об этом и не говорят.

От этих материальных забот немецкий народ отвлекают крупными манифестациями. Так, 10 мая все заводские советы, ячейки, профсоюзные организации приглашаются на церемонию, на которой будет сожжена еврейская литература или литература, написанная в духе интернационализма...

ЦГА, ф. 117, оп. 1, ед.хр. 12)

Публикация и перевод
Л.КУДРЯВЦЕВОЙ

СТРАННИК ИЗ СЕЛА ПОКРОВСКОГО

ЭТОТ ДОКУМЕНТ БЫЛ СОСТАВЛЕН СЛЕДОВАТЕЛЕМ Н. СОКОЛОВЫМ, ЗАНИМАВШИМСЯ РАССЛЕДОВАНИЕМ УБИЙСТВА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ, И БОЛЕЕ 40 ЛЕТ ПРОЛЕЖАЛ В АРХИВАХ ЦК КПСС

Григорій Распутинъ въ кругу своихъ почитательницъ

Обширная литература о Григории Распутине, о его влиянии на судьбу царской семьи обычно ограничивается декабрем 1916 года, когда он был убит. Но окружение Распутина продолжало существовать и после его гибели. Так или иначе оно пыталось через царя по-прежнему влиять на события, происходившие в России. В числе крупных акций, которые проводило придворное окружение свергнутого императора, была неудачная попытка организации побега царской семьи из Тобольска, куда они были высланы Временным правительством в августе 1917 года. В числе организаторов освобождения Романовых был поручик Борис Соловьев, женатый на дочери Распутина Матрене (Марии), выполнявший задание распутинского кружка во главе с Вырубовой.

Действия Бориса Соловьева закончились провалом. Они были настолько авантюристичны, что вызвали подозрения среди монархистов. После гибели царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 года, в ходе следствия по этому делу, которое вел по поручению адмирала Колчака следователь Н. А. Соколов, отрицательная роль поручика Соловьева была подтверждена многими показаниями.

В конце декабря 1919 года Борис Соловьев и его жена Матрена Распутина оказались в Чите, где власть удерживал атаман Семенов. Здесь они были арестованы и допрошены по указанию следователя. Однако следствие было вскоре остановлено, и семья Соловьевых была освобождена по указанию атамана Семенова.

Архив следователя по особо важным делам Н. А. Соколова (недавно часть его продавалась на аукционе Сотби в Лондоне) * представляет огромную историческую ценность. Только часть материалов из него была использована Н. А. Соколовым в его книге «Убийство царской семьи», изданной в 1925 году в Берлине.

Публикуемый документ (ныне он находится в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) — бывшем Центральном партийном архиве) представляет один из фрагментов соколовского архива — протокол допроса М. Г. Соловьевой (Распутиной). Это рассказ дочери об отце. Поэтому все факты получают свою, семейную окраску. Они, конечно, полностью лишены того обличительного пафоса, который свойственен абсолютному большинству публикаций о Распутине.

Редакция журнала предполагает опубликовать и другие документы из архива Н. А. Соколова.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА М. Г. СОЛОВЬЕВОЙ (РАСПУТИНОЙ)

1919 года декабря 26—27 дня Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколов в г. Чите в порядке 722 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Матрена (я же Мария) Григорьевна Соловьева, 21 года, жена подпоручика, православная, грамотная, под судом не была.

Я — родная дочь Григория Ефимовича Распутина. Мою мать зовут Прасковьей Федоровной. В семье нас трое детей: брат Дмитрий, 23—24 лет, я, а потом сестра Варвара, 18 лет.

До сближения моего отца с ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ вся наша семья вела самый простой образ жизни крестьянской семьи. Главой в нашей семье был покойный дедушка Ефим Яковлевич. Он вел хозяйство при помощи брата моего Дмитрия и мамы Прасковьи Федоровны.

В жизни моего отца, когда я была еще маленькой девочкой, что-то произошло, что изменило совершенно всю его, а впоследствии и нашу жизнь. Раньше отец жил, как все крестьяне, занимаясь хозяйством. Вдруг он оставил семью и ушел странствовать. Должно быть, что-то произошло у него в душе: он перестал пить, курить и есть мясо и ушел из дома. Я думаю, что на него так подействовал известный в наших местах странник Дмитрий Иванович Печеркин, родом из деревни Кулиги (верст 300 от Тобольска). По крайней мере перед уходом отца Печеркин у нас был, и они ушли тогда вместе с отцом. Приблизительно это было в 1905 году.

Я помню, что, когда отец вернулся домой, мама не сразу его узнала. С того времени отец бросил крестьянство и стал ходить пешком по всей России, посещая Святые места. Кажется, у него была мысль уйти в монастырь, но потом он эту мысль оставил. Он говорил, что ему не по душе монастырская жизнь, что монахи не блюдут нравственности и что лучше спасаться в мире. Ходил он везде, бывая в Иерусалиме, на Афонах, в Киеве, на Белых Горах, в Москве. Кажется, в 1906—1907 годах отец был в Петрограде и как-то молился в церкви на Афонском подворье. Богослужение совершал тогда известный по тому времени епископ Феофан. Он заметил молитву отца и позвал его к себе. Произошло сближение между ними. Феофан полюбил отца. Он, должно быть, проникся уважением к личности отца, потому что в скором времени Феофан представил его Великому Князю Николаю Николаевичу. Великий Князь также полюбил отца и представил его ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Отец понравился также и ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и, вероятно, по ЕГО приказанию он стал бывать в ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ. В одно из первых своих посещений Дворца он, увидев ГОСУДАРЯ, получил от него приказание: впредь именоваться фамилией Новых. Это произошло таким образом. Когда отец проходил ко Дворцу, его увидел Алексей Николаевич и сказал ГОСУДАРЮ: «Папа, вот идет новый», т. е. новый во Дворце человек. В связи с этим фактом и была перемецена наша фамилия.

Тут же после знакомства с ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ отец перестал странствовать. У него установились близкие отношения с ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ, и он стал, по большей части, проживать в Петрограде, имея постоянное общение с ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ. Я клятвенно могу удостоверить, что причиной сближения отца с ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ были его личные душевные свойства и, как одна из самых главных причин,— болезнь Алексея Николаевича. Отец молился о его выздоровлении, и его молитва приносила облегчение Наследнику.

Наше положение стало постепенно изменяться после такой перемены в жизни отца. ГОСУДАРЫНЯ пожелала, чтобы мы — я и Варвара — получили образование. Мы обе учились с Варсй в нашей Покровской сельской школе. Меня отдали в Мариинскую гимназию в г. Казани, откуда я в 1910—1911 году была переведена в Петроградскую гимназию Стеблин-Каменской. В Казани я обучалась одна, в Петрограде мы учились обе с Варей. Мы жили в пансионе гимназии, бывая накануне праздников и в праздничные дни у отца. Он проживал тогда на Гороховой, 64. Наша квартира состояла из 5 комнат. Роскоши никакой у нас не было. Все это вранье, что писалось тогда в газетах про нас. Комнаты наши и обстановка их были самые простые. В столовой стоял у нас стол, обыкновенные венские стулья и оттоманка, самая роскошная вещь из всей обстановки, подарок какого-то Волынского, освобожденного из тюрьмы по ходатайству отца; в спальне отца — кровать железная, американский стол, в котором хранились у отца под замком многочисленные прошения разных лиц, гардероб и умывальник; в кабинете отца — письменный стол, на котором ничего не было, кресло и диван; в приемной были одни стулья. Только одну нашу детскую мы обставили по своему вкусу: у нас были в ней — кровать, кушетка, столик, диванчик, кресла, туалет, гардероб.

Свою личную жизнь, свои вкусы, свой уклад жизни отец нисколько не изменил после приближения к ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ. Он ходил в русской рубашке, русских шароварах, заправляя их в сапоги, и в поддевках. Мяса он не ел до самой своей смерти. Его обед всегда состоял из одной ухи. Кроме того, он еще употреблял редиску и любил квас с огурцами и луком. Больше этих кушаний он ничего дома не ел. Вставал он всегда рано и шел обязательно к ранней обедне. После этого он приходил домой и пил чай с черными сухарями или кренделями. Тут же после чая приходили просители, и на них уходил целый день отца. Правильного распорядка дня не было. Собственно, весь день уходил у него на просителей, и он принимал всех и всегда. По вечерам он проводил время с нами, если его никуда не вызывали.

Мама после сближения отца с ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ была принимаема во Дворце, но она вела прежнюю

* Об этом читайте: «Родина», № 7, 1990 г.

жизнь, продолжая заниматься в Покровском своим хозяйством. Также нисколько это не отразилось и на положении Дмитрия: его отдали, было, в Саратов к епископу Гермогену учиться, чтобы он мог получить гимназическое образование, но он тосковал по хозяйству, не стал учиться и уехал домой. Я забыла сказать, что у отца в Петрограде была одна прислуга: или Евдокия Ивановна Печеркина, тетка названного мною странника Дмитрия, или Екатерина Ивановна Печеркина, его сестра. Они заменяли одна другую.

Жизнь отца в Петрограде я наблюдала сама лично. Его отношение к ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ я также наблюдала сама. Я не могу связно рассказать что-либо про жизнь отца. На Ваши вопросы отвечаю следующее.

Целый день у отца уходил на приемы разных просителей. К нему обращались очень многие с очень разнообразными просьбами: его просили о местах, о помиловании разных лиц, сидевших в тюрьмах. Вот, главным образом, с такого рода просьбами и обращались к нему. Ему разные лица давали деньги, но очень многие и просили у него денег. Никогда никому в денежных просьбах не отказывал. Он действительно одной рукой брал, а другой раздавал. Обращались к нему и за духовной помощью: просили совета, жаловались на тяжелую душевную жизнь. Он давал советы, старался помочь душевно, как мог.

Он часто беседовал с нами о Боге. Он говорил, что Бог — это утешение в жизни, но что нужно уметь молиться для того, чтобы получить это утешение. Чтобы молитва могла дойти до Бога, нужно во время молитвы всецело отдаваться вере в Бога и гнать от себя все другие мысли. Он говорил, что молиться не каждый может и что это трудно. Он часто постился и заставлял поститься нас. В посты он ел одни сухари и строго соблюдал их. Он говорил, что посты установлены вовсе не для здоровья, как говорят ученые люди, а для спасения души.

Никаких приемов гипнотизма отец, в действительности, не знал. Он как был простым мужиком от рождения, таким и остался до самой смерти. Но он был от природы очень умный и мог говорить о многих предметах. Его воздействие на людей, вероятно, заключалось в том, что он был чрезвычайно силен духовной энергией и верой в Бога. Он замечательно хорошо говорил о Боге, когда бывал пьяный. Как я уже говорила, уходя странствовать, он бросил пить. Но в Петрограде он снова вернулся к вину и пил много. Больше всего он любил мадеру и красное вино. Пил он дома, но больше в ресторанах и у знакомых. Царская семья знала, что он пьет, и осуждала его за это. Говорили ему об этом и мы. Всегда для всех у него был один ответ: «не могу запить того, что будет после». Мысль его заключалась в том, что он ждал чего-то худого для родины в будущем и хотел потопить в вине свое горькое чувство от сознания нехорошего будущего.

Пьяный он любил плясать русскую и плясал замечательно хорошо. Вообще вино на него действовало не так, как на других. Он не терял разума, не делался от вина грубым, злым, а делался как бы более одухотворенным. Все, что писалось в газетах в революцию про его разврат,— клевета. Отец не знал никаких женщин, кроме мамы, и любил одну ее.

Мы до его смерти не были с сестрой Варей ни разу во Дворце. Мы встречались с Государыней и Великими Княжнами у Анны Александровны Вырубовой. Государыня с уважением относилась к отцу, высказывая веру в силу его молитвы.

Отец любил Царскую Семью и был предан ей. Он всегда хорошо и задушевно отзывался о Них. Но он ставил Государю в недостаток ЕГО доброту и говорил про ГОСУДАРЯ, что ОН «больно добр и прост». Про ГОСУДАРЫНЮ отец говорил, что ОНА «много тверже ГОСУДАРЯ». Он нисколько не менял своего обращения с ГОСУДАРЕМ и с ГОСУДАРЫНЕЙ в сравнении с другими людьми. Он называл и ГОСУДАРЯ, и ГОСУДАРЫНЮ на «ты», как и всех вообще людей: слова «Вы» он совсем не знал. Горячий от природы, отец позволял себе иногда и кричать на ГОСУДАРЯ, а в горячности иногда даже топал на НЕГО ногами. Был один случай. когда отец, накричав на ГОСУДАРЯ, ушел, не простившись с НИМ. Все эти его ссоры с НИМ и происходили из-за того, что ГОСУДАРЬ не всегда слушал советов отца. Чаще всего отец расстраивался по той причине, что ему противодействовали министры. Он часто приезжал из Дворца расстроенным, и когда мы его спрашивали, что с ним, он бранил министров за то, что они дурно влияют на ГОСУДАРЯ. Отец упорно говорил ГОСУДАРЮ, что Он должен быть как можно ближе к народу, что ЦАРЬ — отец народа, что народ должен ЕГО видеть как можно чаще, должен любить ЦАРЯ, как отца, а между тем ГОСУДАРЬ держит СЕБЯ так, что ЕГО народ не видит и лишь боится ЕГО имени; что, если бы народ ЕГО видел и знал, то он бы ЕГО не боялся, а любил. ГОСУДАРЬ говорил отцу, что, если будет жить так, как хочет мой отец, то ЕГО убьют мужики. Отец говорил ГОСУДАРЮ, что мужики никогда не убьют ЦАРЯ, а убьет ЕГО интеллигент.

Сильно ссорился отец с ГОСУДАРЕМ вообще из-за «неправды». Отец говорил ГОСУДАРЮ, что ЕГО министры врут ЕМУ на каждом шагу и тем ЕМУ вредят. Например, когда в Петрограде стали появляться «хвосты», отец страшно возмущался этим и говорил, что прежде всего народу нужен хлеб и что эти «хвосты» до добра не доведут. ГОСУДАРЬ возражал отцу, что есть хлеб и никаких хвостов нет; что так ЕМУ докладывают министры. Отец из-за этого и вздорил с ГОСУДАРЕМ. Он, как я думаю, пользовался большим все-таки доверием у ГОСУДАРЯ во многих делах. В частности, отец был горячим противником войны с Германией. Когда состоялось объявление войны, он, раненный Хионией Гусевой, лежал тогда в Тюмени, ГОСУДАРЬ присылал ему много телеграмм, прося у него совета и указывая, что министры уговаривают ЕГО начать войну. Отец всемерно советовал ГОСУДАРЮ в своих ответных телеграммах «крепиться» и войны не объявлять. Я была тогда сама около отца и видела как телеграммы ГОСУДАРЯ, так и ответные телеграммы отца. Отец тогда говорил, что мы не можем воевать с Германией; что мы не готовы к войне с ней; что с ней, как с сильной державой, нужно дружить, а не воевать. Это его тогда так сильно расстроило, что у него открылось кровотечение раны.

Неправда и то, что писали про отца, будто бы он стоял во время войны за мир с Германией. Он говорил нам с сестрой: «меня тогда не послушались, теперь ничего сделать нельзя».

Вообще же отец в переписке с ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ не состоял, т. е. ОНИ не писали ему писем. ГОСУДАРЫНЯ только однажды прислала отцу в Покровское письмо. Он его показал, по своей простоте, гостившему тогда у нас Илиодору. Иллиодор это письмо у отца тогда же и украл.

Я не знаю хорошо, в чем именно было дело, но был в 1916 году, кажется, один случай, когда отец повлиял на ГОСУДАРЯ. Что-то такое «важное» должно было случиться, ГОСУДАРЬ должен был быть в каком-то собрании, где ЕГО должны были видеть все министры. Отец уговорил ГОСУДАРЯ не ездить туда, и ГОСУДАРЬ его послушался. Но я не могу Вам совершенно рассказать, в чем именно тогда было дело. Об этом случае говорил мне отец. Называл он ГОСУДАРЯ — «папой», ГОСУДАРЫНЮ — «мамой». Он это объяснял тем, что ОНИ отец и мать народа.

У отца было много знакомых людей, как мужчин, так и женщин. К нему были близки сначала епископ Гермоген и монах Иллиодор, но потом они разошлись. И Гермоген, и Иллиодор приревновали отца к ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ. Поэтому у них и расстроилась дружба. Искренно преданными ему людьми были: Анна Александровна Вырубова, Любовь Валерьяновна Головина, ее дочь Мария Евгеньевна, Марья Александровна Виткун, генеральша Александра Егоровна Гущина. Лучше всех к нему относилась Вырубова. Она верила в его молитву. Он ей помог во время большого с ней несчастия. В 1916 году, когда она ехала в поезде, поезд потерпел крушение, и ей переломило ногу. Она была в бесчувственном состоянии и никого не узнавала. Ее мать Надежда Илларионовна Танеева привезла к ней отца. Отец молился «до пота», и она после его молитвы пришла в себя. После этого она особенно прониклась добрыми чувствами к отцу.

У отца было много врагов. Его часто бранили в газетах. Мы иногда говорили ему, почему он при его влиянии не заставил их замолчать. Он всегда отвечал: «я знаю, какой я. И близкие это знают. А с ними сосчитаемся на том свете». Неоднократно его хотели убить. Я помню, однажды пришла к нему в приемную на Гороховой одна дама. Отец, подойдя к ней, сказал: «Ну, давай, давай, что у тебя в правой руке. Я знаю, что у тебя там». Дама вынула руку из муфты и подала ему револьвер. Она сказала отцу, что она пришла с целью убить его, но, когда увидела его глаза, поняла свою ошибку.

За несколько дней до объявления войны в Покровском отца ранила ножом Хиония Гусева. Всем известно, что ее подослал к отцу для этой цели Иллиодор.

Убили папу в ночь на 17 декабря 1916 года. Это сделали Юсупов, Пуришкевич и Дмитрий Павлович. Юсупов познакомился с папой недели за две до его смерти [1]. Его познакомила с папой Муня Головина. Юсупов часто стал к нам ходить, скрывая это от других. Он ходил к нам по черному ходу и просил отца никому не говорить, что он ходит к нам. Он объяснял это тем, что его, Юсупова, старик отец лишит наследства, если узнает, что он ходит к нам. Отец никому этого и не говорил. 16 декабря вечером часов в 8 у нас был министр Протопопов, до того бывший у отца один раз, и предупредил отца, чтобы он никуда в этот вечер не ходил. У нас в квартире с 1916 года стали дежурить сыщики. Их Протопопов в этот день почему-то отпустил. В 12 часов ночи к нам приехал Юсупов. Отец встретил его словами: «Ах, миленький, ты пришел». Юсупов спросил его: «Посторонних нет?» Отец ответил, что никого нет. Тогда Юсупов сказал ему: «Пойдем кутить». Они уехали, и больше отец не возвращался. Как потом оказалось, Юсупов привез его в свою квартиру, где были Пуришкевич, Дмитрий Павлович и какие-то другие люди. Сначала Юсупов дал отцу выпить в вине какого-то очень сильного яда, но яд не оказал никакого действия на отца. Тогда Юсупов выстрелил в него сзади из револьвера; отец, видимо, растерялся: вместо того, чтобы бежать на улицу, он стал одевать шубу и, вследствие этого, задержался. Когда он после этого бросился бежать, его Юсупов, Пуришкевич и Дмитрий Павлович добили из револьверов. Об этом сам Дмитрий Павлович рассказывал АлександруЕрикову и фон-Пистолькорсу, а он — мне. После убийства отца на второй или третий день мы были вызваны во Дворец. Там мы видели ГОСУДАРЯ, ГОСУДАРЫНЮ и Княжен. ГОСУДАРЬ и Княжны плакали, ГОСУДАРЫНЯ держалась и утешала нас. После этого мы каждую неделю два раза являлись с Варей во Дворец. ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ очень хорошо относилась к нам. После убийства отца мы не могли учиться: нам было тяжело на душе. Мы ушли из гимназии и жили на Гороховой с мамой. Так мы жили до самой революции. Через несколько дней после переворота мы уехали в Покровское, так как нас искала толпа и хотела убить. В Покровском мы жили до сентября. В сентябре месяце 1917 года мы с Варей поехали в Петроград. Там у нас была знакомая еврейка Татьяна Шаг, впоследствии по мужу Никельбург. Это была наша домашняя учительница. Мы у нее и поселились.

До этого еще времени у меня был жених грузин корнет Пхакадзе. Я его очень любила, но отец хотел, чтобы я вышла замуж за Бориса Николаевича Соловьева. Отец его — Николай Васильевич был приятель отца (он был казначеем в Синоде.) Отец говорил неоднократно, что я должна выйти за Соловьева, а не за Пхакадзе, потому что Пхакадзе очень ревнив. Из-за ревности ко мне он стрелялся, и отец говорил: «Что же будет, когда он на тебе женится». Пхакадзе представлялся ГОСУДАРЫНЕ и не понравился ЕЙ. ОНА знала Соловьева и тоже хотела, чтобы я шла за него. (ГОСУДАРЫНЯ знала Соловьева не лично, а со слов папы.) С Соловьевым я познакомилась у них в доме в 1916 году. Он меня полюбил и стал мне предлагать замужество. Я ему отказывала, потому что любила Пхакадзе.

Когда я была дома после отъезда в 1917 году из Петрограда, Соловьев писал мне письма, уговаривая меня идти за него. Ввиду изменившегося положения нашего, по совету мамы, а главным образом помня желание отца и ГОСУДАРЫНИ, я решила выйти за него замуж. В сентябре месяце 1917 года мы с ним повенчались. Свадьба была справлена на средства мужа. Посаженым отцом у нас был упомянутый мною Пистолькорс. Из приглашенных были генеральша Гущина и Мария Георгиевна Сазонова (я не знаю, кто ее отец, но он какой-то сановник).

Мой муж, как я знаю, был участником этой войны и, кажется, пошел на войну добровольцем. Я не знаю, какое участие он принимал во власти после переворота, но знаю, что он был адъютантом Гучкова. После ухода Гучкова ушел и он. В момент нашей свадьбы он находился в отпуске. После нашей свадьбы мы поехали в город Симбирск к его бабушке Надежде Александровне Токаревой. У нее мы прожили недели две и уехали в Покровское. Здесь мы прожили у мамы недели две-три и вернулись в Петроград. Здесь мы жили в своей квартире на Сергиевской улице (№ дома не знаю), кажется, на углу ее и Потемкинской. Так мы жили несколько месяцев. Мы жили на свои собственные средства скромно: небольшие деньги были у мужа, и у меня было 3 тысячи рублей из 10 000 тысяч, оставшихся после смерти папы.

В скором времени после нашего возвращения в Петроград была освобождена Вырубова. Она через какую-то сестру милосердия, служившую ей, получила от ГОСУДАРЫНИ письма. ГОСУДАРЫНЯ писала Вырубовой, что жизнь ИХ в Тобольске — ужасна: что ОНИ нуждаются в продуктах и голодают, что ОНИ ходят в тряпье, так как ИХ дорогой, когда ОНИ ехали в Тобольск, обокрали. Я эти письма читала сама. Таких писем было много. ГОСУДАРЫНЯ писала Вырубовой почти каждую неделю. Письма эти были на русском и на английском языках. Английские письма мне читала Вырубова. ГОСУДАРЫНЯ просила помощи деньгами и вещами. ОНА, зная, что я вышла за Соловьева, о чем ЕЙ писала Вырубова, указывала в письмах, что просимое лучше всего доставит Соловьев. Тогда Вырубова вошла в сношение с банкиром Карлом Иосифовичем Ярошинским и познакомила с ним мужа. Ярошинский решил помочь ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ. Вырубова накупила нужных вещей. Они были уложены в ящик, и муж повез их в Тобольск. Он поехал туда, кажется, в феврале или марте 1918 года. По какому документу он поехал туда, я не знаю. Сколько денег ему давал Ярошинский, я не знаю. Лично же мужу он платил 40 000 в год. В Тобольске муж проживал секретно у священника Васильева. Вещи и деньги он доставил через кого-то по назначению. ГОСУДАРЫНЯ писала Вырубовой благодарственное письмо и, уведомляя о получении денег и вещей, писала, что Дети заплакали, получив эти вещи. ГОСУДАРЫНЯ писала также, чтобы мы берегли Борю [2]. Это письмо было отправлено почтой ГОСУДАРЫНЕЙ на адрес Вырубовой. Оно было написано на русском языке, и я его сама читала. Пробыв некоторое время в Тобольске, Боря поехал в Покровское. Но здесь его арестовали большевики и отправили в Тюмень в трибунал. Там его подвергли домашнему аресту в квартире Дмитрия Дмитриевича Стряпчева, старого приятеля папы. Муж меня известил об этом телеграммой, и я поехала в Тюмень. Я приехала туда в апреле — мае. Муж был в тюрьме, но я упросила комиссара Немчинова освободить его под залог в 500 рублей.

Тут же пароходом мы отправились в Тобольск и Омск. Нам хотелось побывать в Покровском и повидать своих, а в Тобольске мы хотели отслужить молебен Иоанну Митрополиту. Известив телеграммой своих, мы виделись с ними в Покровском: они выходили к нам к пароходу. Садясь же в Тюмени на пароход, мы мельком видели ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ. Я видела ИХ в окно ИХ каюты. ОНИ все были в одной каюте. Здесь же был с НИМИ и Алексей Николаевич. Но я ИХ видела издали и мельком. Конечно, мы разговаривать не могли...

Из Тобольска мы поехали в Омск просто прокатиться... В Омске тогда были еще большевики. Из Омска мы поехали пароходом, не останавливаясь в Тобольске, в Покровское. Мы приехали к маме, но мужа стали искать большевики, и он 17 дней скрывался на печке у крестьянина Василия Куропаткина. Отсюда мы уехали в Симбирск при таких обстоятельствах. На Покровское наступали белогвардейцы. Муж из Покровского пробрался к ним и возвратился вместе с ними в Покровское. Когда очистился путь до Симбирска, мы туда и проехали по железной дороге до Самары через Тюмень — Челябинск. Из Самары в Симбирск мы приехали на пароходе. Спустя некоторое время Боря поехал в Омск, а я осталась в Симбирске. Когда красные стали подходить к Симбирску, я уехала к мужу в Омск. Он жил там у доверенного Рябушинского Васильева. Прожили мы в Омске месяца два у Васильева. Он (муж) ничем в это время не занимался. Чтобы одеться, мы отправились в Харбин, так как в Омске все было очень дорого. У меня был бриллиантовый кулон, который я решила продать. В Харбине мы жили в гостинице «Метрополь». Я узнала, что в Харбине находится жена Атамана Семенова Мария Михайловна. Боря пошел к ней и продал ей кулон за 50 000 рублей. Это было в декабре 1918 года. Перед Рождеством, купив что нам было нужно, мы поехали в Омск. Пробыв в Омске приблизительно месяца два, Боря уехал в Харбин мобилизоваться. В это время мы жили все у того же Васильева, и муж ничем не занимался. Почему Боря мобилизовался не в Омске, я не знаю. Я прожила в Омске до апреля, и в апреле мы с сестрой Варей, которую я выписала к себе, поехали во Владивосток к Боре, так как он в это время служил в Штабе Крепости. Во Владивостоке мы жили в гостинице «Версаль».

Летом этого года у мужа с полковником Бутенко вышли неприятности, и он ушел в отряд особого назначения. В скором времени после моего приезда во Владивосток туда приехал с Марией Михайловной Атаман Семенов. Он приглашал моего мужа и меня к себе обедать, и мы обедали у него в поезде. Атаман интересовался судьбой Михаила Александровича [3] и приглашал Борю, чтобы узнать от него что-либо об этом. Но Боря ничего не знает про судьбу Михаила Александровича.

Про судьбу ЦАРСКОЙ СЕМЬИ я ничего ни от кого не слышала. Боря тоже ничего про это не знает. Но я думаю, что СЕМЬЯ, кроме ГОСУДАРЯ, жива: все говорят, что ЕЕ увезли большевики за границу. В частности, так говорила мне лично Елизавета Александровна Сапожникова, проживающая в Харбине, муж которой — придворный.

Знаком ли мой муж с Адмиралом Колчаком и представлял ли он ему какие-либо доклады, доказывая факт увоза ЦАРСКОЙ СЕМЬИ за границу, я не знаю.

Я писала, находясь в тюрьме, записку мужу. В этой записке нашим другом я называла Атамана Семенова, так как я уверена, что он нас защитит.

Я знала, что у мужа в Тюмени были в Государственном Банке на текущем счету деньги, значащиеся ошибочно на имя Бориса Павловича Соловьева. Эти деньги Боря положил в Банк во время своего проезда из Петрограда в Тобольск. Я раньше Вам показала, что у нас было немного средств, когда мы возвратились после свадебной поездки в Петроград. Какие и чьи деньги лежали у Бори в Тюменском Банке, не знаю. Боря мне говорил, что эти деньги почти все ушли на ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ.

При отъезде Бори в Тобольск он получил от Ярошинского какую-то сумму себе лично на дорогу.

Показание мне прочитано и записано правильно. М. Г. Соловьева.

Судебный Следователь Н. Соколов. Верно. Судебный Следователь по особо важным делам Н. Соколов.

Публикацию подготовил
Ю. БУРАНОВ,
доктор исторических наук

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М. Г. Распутина здесь ошибается. Ф. Ф. Юсупов, по его собственному свидетельству, познакомился с Распутиным в 1909 году.
2. Б. Н. Соловьев.
3. Михаил Александрович — великий князь М. А. Романов.

«ДОЛЛАРЫ ВЫВОЗИЛИСЬ В КРЕМЛЬ»

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ЗАВЕДУЮЩЕГО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТДЕЛОМ ЦК КПСС ТОВ. МУСАТОВУ В. Л.

Передаем перевод статьи **«В течение десятилетий доллары регулярво вывозились самолетом в Кремль. Обязательный «оброк» Москве?»**, опубликованный в газете «Обчанский деник» 5 марта 1991 года.

В мае 1990 года был создан штаб Управления Министерства внутренних дел ЧСФР из 20 человек по расследованию незаконного обогащения КПЧ за счет государства. В то время прокурор Генеральной прокуратуры В. Неханицкий возбудил уголовное дело в связи со злоупотреблением служебным положением. Причина? Точно невыявленные личности — общественные деятели — в период с декабря 1971 г. по 10 декабря 1989 г. в Праге и других местах приобретали для КПЧ имущество в противоречии с законом. Без согласия депутатов Федерального собрания из бюджета федерации в карман КПЧ перечислялись финансовые средства, которыми покрывались расходы своей родной партии. Таким образом, госбюджет лишился минимум 5 620 000 крон. Невыявленные личности подстрекали других на совершение проступков путем выдачи им различных документов центральных и других органов КПЧ.

Хотя в ходе расследования были доказаны совершение уголовно наказуемых поступков и их высокая степень опасности, обвинить конкретных лиц не удалось. Создавалось впечатление, что все это — дело коллективное и более того оно осуществлялось в соответствии с существующими предписаниями. Коротко говоря, безобразие и глубоко аморальные поступки, закамуфлированные в инструкции, которые позволяли это делать.

В. Неханицкий сообщил нам, что не все еще проиграно. Мы наметили несколько других версий, подчеркнул он. Предварительное расследование стало основой для подозрения, что ответственные работники Государственного банка ЧССР, г. Прага, Федерального министерства финансов и ЦК КПЧ, являвшиеся общественными деятелями в период с 20 апреля 1984 г. по 24 мая 1990 г., осуществляли незаконную куплю валюты в Государственном банке ЧССР в размере не менее 2 800 000 американских долларов и полученные средства затем вывозили в качестве дара за границу. Тем самым государству был нанесен ущерб на сумму как минимум 16000000 инвалютных крон.

Вопрос: Господин прокурор, кто был этими «ответственными работниками»?

Ответ: 19 октября мы вынесли обвинение против Вацлава Марека (бывшего управляющего делами ЦК КПЧ). Он позволил работникам ЦК вывезти в СССР за указанный период наличными не менее 2 800 000 американских долларов. В тот же день был обвинен в совершении такого же проступка Бржетислав Радоха (бывший директор управления № 611 Государственного банка ЧССР).

Вопрос: На прошлой неделе в течение шести часов допрашивался В. Биляк. Общественность теряется в догадках — это касается 1968 года или чего-то другого?

Ответ: Нет, к 1968 г. это отношения не имеет. В. Биляк (секретарь ЦК КПЧ с 1969 г. по 1988 г.) обвиняется в том, что он способствовал своей деятельностью вывозу американских долларов в Кремль.

Вопрос: Каким путем?

Ответ: Ежегодно по его указанию перевозились в СССР наличными 500 000 долларов. За весь период он закупил незаконно для ЦК валюты на сумму 247 000 000 крон. Собственные источники ЦК, формировавшиеся из дотаций госбюджета, позволяли покрывать лишь 76 млн. крон. Таким образом он нанес нашему государству ущерб в размере 60 922 500 инвалютных крон.

Вопрос: Обвиняете вы и еще кого-нибудь?

Ответ: Да. В совершении уголовных преступлений путем нанесения валютного ущерба государству обвиняются: Яромир Жак (министр финансов ЧССР в период 1985—1988 гг.), Леопольд Лер (министр финансов 1973— 1985 гг.), Ян Стейскал (председатель Государственного банка ЧССР в период с 1981 по 1988 г.), Сватоплук Потач (председатель Государственного банка ЧССР 1971— 1981 гг.). В порядке информации: только благодаря истечению 10-летнего срока давности нельзя к ответственности привлечь Рудольфа Рогличека, бывшего министра финансов (периода 1969—1973 гг.).

Вопрос: В каком состоянии находится расследование и что угрожает обвиняемым?

Ответ: Обвиняемые находятся на свободе. Все они прошли через допрос. Я. Жак и В. Биляк подали протест против обвинения, который я отверг. Дальнейшие действия зависят от того, насколько быстро будут подготовлены материалы, касающиеся получения Центральным Комитетом КПЧ валютных средств. Если суд найдет указанных лиц виновными, то им угрожает тюремное заключение от 3 до 10 лет. Государство имеет право на возмещение нанесенного ему ущерба, однако в данном случае он едва ли когда-либо может быть погашен.

Вопрос: Чем мотивировал свой протест В. Биляк?

Ответ: Он категорически отрицает ответственность, утверждая, что все это одобрялось коллективно, Президиумом ЦК КПЧ, и что за профессиональные ошибки якобы отвечают министры финансов и председатели Государственного банка ЧССР.

Вопрос: Вы знаете, как переправлялись деньги и для каких целей они предназначались?

Ответ: На что конкретно они использовались, мы не знаем; они якобы шли в «Фонд помощи братским и рабочим партиям в несоциалистических странах», который был создан ЦК КПСС. Обвинение также утверждает, что этим «оброком» облагались все социалистические страны. Пикантным моментом является и то, что доллары банк должен был готовить в мелких купюрах — по 5 и 10 долларов. Ими набивались чемоданы и потом отправляли их беспошлинно специальным самолетом в Москву.

(Примечание редакции: а мы только можем задаться вопросом, почему эти деньги были в мелких купюрах и для кого они предназначались? Официальные счета партии, думается, едва ли...)

Вопрос: Вы предполагаете, что кто-то еще будет обвиняться?

Ответ: Это только один вид, один способ обогащения. Однако существуют, например, область налогов, обращение с суммами, получаемыми от социального страхования и т. д. Но сообщение о подробностях могло бы помешать расследованию.

(Публикуется по текущим документам ЦК КПСС, обнаруженным в секретариате В. Фалина.)

ТАНАКА ЮКИО – И. В. СТАЛИНУ

В НАКАЛЕ СЕГОДНЯШНИХ СОБЫТИЙ ИДЕИ, ВЫСКАЗАННЫЕ ЯПОНСКИМ РЫБАКОМ, СОХРАНЯЮТ АКТУАЛЬНОСТЬ

21 апреля 1946 года сорокадвухлетний японский рыбак Танака Юкио написал письмо И. В. Сталину, в котором изложил свое видение политических, экономических и социальных проблем, возникших на Южном Сахалине после его освобождения советскими войсками. Письмо, поступившее в редакцию газеты «Синсеймей» («Новая жизнь»), издаваемой политуправлением Дальневосточного военного округа для японского населения освобожденных территорий, было направлено в Москву, где с ним ознакомились заведующий отделом внешней политики ЦК ВКП(б) М. А. Суслов и начальник Совинформбюро С. А. Лозовский.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛИССИМУСУ СТАЛИНУ

Ваше Превосходительство! Хотя мои мысли и выражены неумело, но я прошу Вас прочитать письмо до конца. Все в нем чистая правда, здесь нет ни слова вымысла.

Советские люди, общаясь с японцами, пользуются услугами переводчиков корейцев и японцев, которые не могут точно передать советским людям истинных мыслей японцев. Мне же хочется высказать сокровенные мысли, истинные стремления сердец всех японцев. При японском правлении такой способ обращения презирался, но все же я считаю честью написать Вам. Склоняю голову и молюсь о здоровье Вашем и расцвете Советского Союза.

Прежде всего несколько слов о себе, о своей биографии.

1. Местожительство и занятие.

Живу я в одном из маленьких поселков Восточного побережья, рыбак.

2. Некоторые сведения о прошлой деятельности.

Родился в префектуре Яманаси, второй сын в семействе середняка. Окончив среднюю школу, занялся изучением идеологии, почему несколько раз подвергался репрессиям и был вынужден вести жизнь странника. Посетил Токио, Иокогама, Кобе, Осака, Муррораи и, наконец, лет 10 тому назад приехал на Южный Сахалин, где обзавелся семьей. Имею детей — мальчика и девочку. Здесь счастливо проходит моя жизнь.

Одна моя рука не сгибается, поэтому на военной службе не был. Сейчас мне 42 года.

3. Идеология японцев с начала Великой Азиатской войны и по сегодняшний день.

В результате искусного воспитания, проводившегося японской военщиной Тодзико и других, японцы не имели представления о подлинных захватнических целях войны. Те же, кто сомневался в целях войны и выражал протест, подвергался жестоким репрессиям. И далека была правда от народа. Это особенно резко бросается в глаза на Южном Сахалине — окраине Японии, где чиновничество и военщина обладали большими правами и жестоко подавляли каждый голос протеста.

4. Мысли и стремления японцев после оккупации Южного Сахалина.

Несмотря на то, что Япония потерпела поражение, этот факт не был осознан населением. Этому способствовали и следующие обстоятельства после безоговорочной капитуляции:

а) Бомбардировка Тойохара*.

б) Военное положение в районе Маока.

в) Хищения, изнасилования и т. д. в районе Эсутору.

5. Действительное положение в войне.

а) Среди населения Южного Сахалина имеется много таких, которые считают, что они в войне поражения не потерпели.

б) Хотя имелись намерения вести решительное сопротивление, но руководители проявляли свое бессилие и нераспорядительность. Этим население было недовольно.

в) Во время эвакуации женщин и детей с Южного Сахалина правящая верхушка вела себя недостойно в отношении населения.

г) Многие из населения увидели, что пропаганда в отношении жестокости союзных войск в действительности почти не подтвердилась (после окончания войны).

д) Японцы удивлены тем, что все советские военнослужащие (от высших до низших чинов), находящиеся на Южном Сахалине, к населению относятся дружественно, что отсутствует ненависть между нациями и расами.

е) После оккупации советскими войсками со стороны Красной Армии частично были случаи пренебрежительного отношения к японцам. Но это вполне естественно в отношении побежденного государства. Японский народ слышал о нечеловеческом поведении Германии, Японии и других. Японский народ считал необходимым заставить японскую армию не делать этого.

ж) Выпускавшаяся в первое время после прихода Красной Армии газета «Ниппон Симбун» только усиливала отрицательное мнение о Советском Союзе (хотя в газете помещались правдивые статьи). Выход же газеты «Синсеймей» («Новая жизнь») способствовал выработке доверия и понимания со стороны населения, т. к. газета касалась самых разнообразных вопросов.

* Здесь и далее (после переименования в 1946 г.): Тойохара — Южно-Сахалинск, Маока — Холмск, Эсутору — Углегорск, Сикука — Поронайск, Хонто — Невельск, Нода — Чехов.

Разрешение слушания японского радио и разоблачение на страницах газеты действий военщины и «дзайбацу»* дает возможность ясно представить причины поражения, его результаты и настоящее положение Японии.

Газета «Новая жизнь» помогает осознавать мощь и величие Советского Союза в международном отношении.

Кроме того, газета дает возможность предвидеть будущее Японии и Кореи.

6. Теперешние настроения японцев.

Хотя японцы и осознают в настоящее время факт поражения в войне, но ввиду неправильного воспитания в прошлом не могут пока выйти из хаоса идеи.

Среди японцев имеется много таких лиц, которые считают, что они обмануты (буквально преданы) Советским Союзом, и думают, что договор с Японией был нужен Советскому Союзу только для выигрыша времени. Когда же для Японии создалась неблагоприятная обстановка, Советский Союз выбил меч из рук Японии и взял его себе.

Судя по словам и делам советских солдат и советских граждан можно прийти к выводу, что Советский Союз не является культурным государством. Исключая офицерский состав, почти все нижние чины совершают такие поступки, которые показывают. что они совершенно невоспитанны (особенно это касается женщин).

Хотя у японцев имеются хорошие чувства к отдельным советским гражданам, однако к советскому государству в целом, по-видимому, нет совершенно никакого доверия. Причина такого положения заключается в следующем: почти все обещания не выполняются. Абсолютно не ясна обстановка как на ближайшее время, так и в дальнейшем. Приказы по обыкновению меняются так часто, что неясно действительное положение дел.

Согласно сведениям газеты «Синсеймей», немецкая оккупационная политика заключалась в прекращении снабжения населения продовольствием, что являлось прямой опасностью для жизни. В настоящее время и здесь создалось примерно такое же безвыходное положение.

Согласно радиопередачам из Японии, японцев репатриируют из Америки, Китая, Южных островов. Но в территориях, оккупированных Советским Союзом, об этом пока ничего не слышно (с конца прошлого года по март месяц текущего года).

Желающих возвратиться в Японию насильственно заставляют работать, и эти лица резко критикуют советскую политику.

Для большинства японцев абсолютно не ясны перспективы.

Лица, у которых имеются здесь семьи, не желают возвращаться в Японию. Эти лица составляют примерно 70% населения.

Распространяются слухи, что после окончания рыбной путины японцев направят в Сибирь, на Камчатку и Курильские острова, на принудительную работу и совершенно запретят возвращение в Японию (предполагают, что такие слухи исходят от переводчиков — корейцев).

7. Мое личное мнение по некоторым вопросам современной обстановки.

1. Усиление чувства доверия к советскому государству.

Согласно сообщениям из Японии, в Хоккайдо и собственно Японии в настоящее время создалось весьма тяжелое продовольственное положение. Там неспокойно и перспективы на ближайшее будущее также не ясны. Поэтому желающих ехать в Японию из спокойной местности Южного Сахалина мало. Вот почему необходимо срочно отпустить в Японию тех мужчин, семьи которых были ранее эвакуированы в Японию; количество таких мужчин колеблется от 20 до 25 тысяч человек. При этом, по мере возможности желательно создавать нм хорошие условия и предпринять другие благородные меры. Побывав в Японии, они увидят там действительную картину и, сравнив ее с положением в Советском Союзе, непременно вернутся с семьями на Южный Сахалин.

Так как доверие к идеям коммунизма в глубине души японцев все больше возрастает, я абсолютно не сомневаюсь в том, что это будет именно так. Таким образом, произойдет увеличение постоянных жителей на Южном Сахалине, что может сыграть только положительную роль для Советского Союза.

Разрешение нелегального перехода японцев с Южного Сахалина в Японию и обратно, а также увеличение населения будет способствовать росту чувства доверия к Советскому государству. Это в свою очередь будет самым красноречивым доказательством добрых намерений Советского Союза по отношению к японцам.

Упрощение процедуры получения разрешения на выезд в Японию и въезд на Сахалин.

Лица, возбудившие ходатайство перед Генералиссимусом Сталнным и Маршалом Макартуром о возвращении семей на Южный Сахалин, до последнего времени не получили ответа и поэтому не уверены в своей судьбе.

Поэтому, хотя японцы, находящиеся в Японии, и верят тому, что жители Южного Сахалина живут в настоящее время спокойно, в нормальных условиях, а по радио и от перебежчиков знают об истинном положении и установившемся порядке жизни на Южном Сахалине, однако полное отсутствие связи с родственниками или близкими и неизвестность об их судьбе естественно толкает многих на нелегальный переход границы. Тем более что различные вздорные слухи, распространяемые радиосообщениями и нелегальными перебежчиками, нарушают душевное спокойствие японцев.

Мне кажется, что если будет поощрен до некоторой степени переход госграницы лицами, имеющими собственные суда, лицами, возвращающимися из Японии на Южный Сахалин, и будет разрешен взаимный товарооборот. и, еслн также будет упрощена процедура самого возвращения на Родину для лиц, желающих вернуться на Южный Сахалин, само собой отпадет и желание к отъезду в Японию.

Вместо того, чтобы преследовать нелегальный переход, необходимо лучше наладить таможенный прием,— это разрешит все вопросы. Ускорение решення вышеизложенных вопросов в обеспечении свободы переписки и денежных переводов является основой для успокоения японских жителей Южного Сахалина. При положительном решении вышеуказанных вопросов все японцы еще больше поднимут работоспособность, производительность труда, и проникнутся чувством доверия к Советскому Союзу.

Желательно по возможности обеспечить сохранение старых национальных обычаев японцев. Хотя в данное время положение в этом отношении в основном и благополучно, однако ввиду того, что часть руководителей не чутко подходят к решению ряда вопросов, создаются значительные препятствия к пониманию многих мыслей, чаяний и стремлений японского населения. Желательно учредить повсюду местные японские комитеты, подобно группам самоохраны. и обеспечить, чтобы мысли и чаяния масс доходили до верхов, чтобы верхи были связаны с низами. Система, действующая в настоящее время, не обеспечивает этого, что в свою очередь лишь вызывает значительное недовольство и недоверие по отношению к руководству на местах. Из-за плохих переводчиков абсолютно невозможно добиться полного взаимопонимания, так как до японцев не доходит истинное мнение Советского Союза, а мысли и чаяния японский стороны точно не переводятся советской стороне (особенно не соответствуют своему назначению переводчики — корейцы).

Желательно, чтобы местные японские комитеты избирались самим населением.

* Название, употребляемое для обозначения монополий и высших финансовых кругов Японии до ее поражения во Второй мировой войне.

Воспитание японцев

В целях достижения взаимопонимания и обеспечения обмена истинными мнениями между советским и японским народами, необходимо усовершенствовать систему воспитания японских детей.

Надо оказать всемерную помощь инициативным, способным преподавателям-японцам. Мне кажется, что сейчас говорить о коммунистическом воспитании японцев, которое будет базироваться на дословных, поспешно переведенных материалах, по меньшей мере преждевременно.

Ввиду того, что имеется еще много реакционных элементов, такое воспитание нужно проводить постепенно (те из японцев, которые занимаются простым восхвалением Советского Союза, делают это неискренне). При этом требуется обратить особое внимание на тех лиц, которые прямо высказываются против императорского строя. Конечно, искоренение милитаризма необходимо, однако надо иметь в виду то обстоятельство, что в результате недостойного поведения отдельных советских военнослужащих, могут иметь место нежелательные последствия. Циркулируют слухи, что лица от 15 лет и свыше будут направлены на принудительные работы в Сибирь, на Курильские острова и в Приморье. Такие разговоры в большинстве своем исходят от солдат. В связи с этим среди японцев царит большое смятение.

О торговле с Японией

Надо признать необходимым организацию торговли путем привлечения из Японии таких специфических японских товаров, как одежда, продовольствие и культтовары. соблюдая при этом строгую таможенную систему. Как вы смотрите на такое мероприятие, как допущение (разумеется, в соответствующих пределах) свободы нелегального ввоза и вывоза товаров? Я думаю, что тогда сюда смогут проникнуть товары, увеличиться население и, естественно, будет усиливаться влияние коммунистических идей.

О японской системе Тонаригумн*

Японская система Тонаригуми является чрезвычайно полезной и во многом себя оправдывала. Поэтому желательно восстановить ее деятельность. Кроме того, Тонаригуми будет служить для предупреждения преступности, обеспечения рабочей силы и предупреждать неорганизованное перемещение населения. В настоящее время от этой системы осталось лишь одно название. Кроме того, надо выбрать председателями сел и районов новых работоспособных людей, что может послужить источником укрепления дружбы и взаимопонимания с советскими гражданами. Таким путем можно довести истинное настроение японцев до надлежащих инстанций. И нужно делать так, чтобы росло чувство взаимного доверия и не было разрыва между русскими и японцами.

Об экономическом вопросе

Хорошо жить тем, у кого имеются здесь семьи, но неважно живется тем, у которых семьи находятся в Японии. Таких людей, как я уже сказал выше, надо срочно возвратить в Японию. (При этом для них желательно создать хорошие условия.) Ибо по возвращении в Японию они увидят там неприкрашенную действительность, и 90% из них наверняка захотят вернуться на Южный Сахалин. (Наиболее подходящим и благоприятным временем являются месяцы май и июнь, так как для Японии это самое критическое время в продовольственном отношении.)

При возвращении обратно на Сахалин эти японцы будут иметь самое отрицательное мнение о Японии и по новому подойдут к оценке великих завоеваний коммунизма. На Южный Сахалин вернутся лица, ие только уехавшие отсюда, но они привезут с собой семьи; кроме того, сюда, где можно спокойно жить, потянутся с семьями лица, репатриированные в Японию из районов Южной Кореи, Китая и Маньчжурии.

Для проживающих здесь японцев необходимо создать экономическое благосостояние. Особенно строгие меры в отношении ограничения частной собственности не отвечают желаниям японцев, т. к. у них в настоящее время особенно сильны частнособственнические теиденции. Японцы будут приветствовать такое положение, при котором допускается возможность стать капиталистом на основе своего труда и при котором одновременно будут усиливаться государственные предприятия.

Увеселительные учреждения для японцев

Необходимо из Японии привезти работников искусства, концертные бригады, кино, литературу, игрушки, музыкальные инструменты, физкультурные снаряды и т. д. Этому нужно уделить самое серьезное внимание.

Кроме всего сказанного имеется еще много мелких вопросов, но пока ограничусь этим. В заключение хочу сказать: чем больше японцы осознают картину военного поражения, тем больше у них возникает идеологических колебаний. Хотя сейчас они временно находятся в крайнем отчаянии, но если перед ними откроются светлые перспективы (лично я считаю, что проживание в настоящее время на Южном Сахалине является для японцев большим счастьем, чем проживание в Японии), то они начнут действовать активно, независимо от того, у кого находится власть. Столь великодушное отношение Советского Союза к народу побежденной страны свидетельствует лишь о величии и мощи единственного в мире государства*. Однако, каковы бы ни были материальные блага, без духовного удовлетворения они не могут обеспечить достойный подъем активности. Мы имеем в данное время семьи и приветствуем наступление весны. Однако несчастны жители районов Сикука, Эсутору, Тойохара, Маока, подвергшихся опустошению в результате военных действий. Жить в разлуке с семьей из-за бедственного положения, вызванного войной,— самое большое несчастье для человека. Винить в этом следует не народ, а руководителей. Вот почему мне кажется необходимым как можно скорее обеспечить семейное счастье лицам, которые в настоящее время лишены его. И тогда они. став составным элементом Советского государства, будут совместно и эффективно действовать для Южного Сахалина как члены Советского государства.

Будучи мобилизованным, мне как рыбаку довелось объехать западное побережье — Хонто, Рондомари, Кусюнаи, Хирочи, Маока, Нода и др. В этих районах я имел возможность обменяться мнениями с лицами, находящимися на ответственной работе. Обобщая новости из Японии, слухи от перебежчиков и сведения из газеты «Новая жизнь», я пришел к выводу, что молчать нельзя. Вот почему я решил написать Вам свое скромное письмо. В течение 15 лет я не брался за перо (плюс к тому, как я уже писал выше, моя правая рука не сгибается). Убедительно прошу после Вашего беспристрастного рассмотрения настоящего письма дать соответствующие распоряжения. О моем постоянном местожительстве, а также о том, где находится моя семья в данное время, доложу после. Настоящая моя фамилия Танака Юкио. Если Вы предпримите расследование, я могу дать пояснения, но при надобности прошу вызывать меня через газету «Синсеймей». Тогда я смогу явиться и доложить лично. На этом разрешите закончить.

Да здравствует глава великого государства — Генералиссимус СТАЛИН!

СТАЛИНУ — вечная слава!

22 апреля 1946 года
из Хонто Танака Юкио.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 532, лл. 32—44.

---

* Тонаригуми — соседские группы — первоначальная ячейка местной власти (административно-квартальный комитет), через которую проводились все мероприятия японских властей среди японского населения. Прим. перев.

* Так в документе.

Несколько слов о влиянии почтовых чиновников на российскую поэзию

Этот заголовок случайно попал нам на глаза при просмотре «Дела с выписками из перлюстрированных на почте писем по разным предметам от частных лиц», сформированного в одной из канцелярий военного ведомства в 1823 году.

Письмо переведено с немецкого языка и приведено почти полностью — есть лишь несколько отметок о пропуске отдельных слов.

На наш взгляд, логично заключить, что сам факт перлюстрации этого весьма частного послания и неизбежно последовавшее за ним информирование правительственных учреждений не могли не оказать влияния на судьбу А. А. Шеншина, хотя в самом послании о нем практически ничего не сказано. Письмо «выстрелило» через четырнадцать лет при определении юноши в учебные заведения, когда выяснилось, что по существующим в Российской империи законам ему надлежит отныне носить фамилию — ФЕТ.

Московский почтдиректор Фушковский, направляя творение своей канцелярии в инстанции (а он не мог этого не сделать, так как в письме упомянут император и члены его семьи), вряд ли полагал, что увезенному в утробе матери из Дармштадта ребенку закрывается блестящая военная карьера. И уж меньше всего думал он о том, что его руками судьба помогает приобретению к вящей славе Отечества тонкого и пронзительного лирического поэта, ибо невозможно быть поэтом на Руси, не испив из чаши нравственных страданий.

Перевод выписки из письма военного комиссара Беккера[1] из Дармштадта[2] от 7 октября 1820 года к предводителю дворянства А. Шеншину в Мценск, полученного с иностранною почтою декабря 13 дня 1820 года.

Письмо ваше и Шарлоты, любезной моей дочери, от 31 сентября, получил я в воскресенье ввечеру в 10 часов 1-го октября. Они, так как и два письма к Фету и г-же Грейс, найдены Эрнстом в незапертой вашей комнате. Я должен сказать вам, что крайне жалею о таковом поступке вашем, который запрещают законы божеские и человеческие, а христианская религия полагает в числе величайших грехов. Добрый и благородный человек, если он в здравом рассудке, не сделал бы того. Вы увезли дочь мою и притом беременную[3]. Не подлой ли это поступок? Кто дал вам право нарушать насильственным образом существующия божеския распоряжения и семейственные связи? Вы учинили сию чрезвычайную несправедливость против невинных и добрых людей, которые, свято уважая божеские законы и семейственные связи, не могли согласиться на ваше буйное и бесстыдное желание разрушить оныя. Они полагали свое благополучие не в большом свете между испорченными людьми, а в малом кругу честных членов семейства. Чем мы вас оскорбили, что вы без всякой причины так жестоко нарушили щастие нашей жизни? Мы вас приняли как больного иностранца в свой дом с искренностью и любовью и поступали как с старинным другом, не предполагая, что согреваем в груди своей ядовитую змею, которая вместо благодарности уязвит нас жестоко и неизлечимо. Если вы веруете в бога, который наказывает за зло, то должны страшиться себя самого и трепетать, что не можете поправить зла, причиненнаго невинным людям. Вы пишете ко мне, что не смеете извинять себя, а между тем просите моего благословления на союз, не достойный оного. Чрез то показываете вы, что чувствуете великость и мерзость вашего поступка. Крайне жалкое положение доброй, бедной и любимой моей Шарлоты заслуживает, конечно, великих уважений, которыя сохраняю я в отеческом сердце. Но вы, государь мой, что можете чувствовать к сей нещастной женщине? Мы напротив сохраним навеки к ней чистейшую любовь и почтение за превосходные ея качества, ибо вынужденное преступление не может их уничтожить одним ударом. Все, знающие с малолетства сию всеми любимую женщину, утверждают, что употреблением ужаснейших и непонятнейших средств прельщения лишена она рассудка и до того доведена, что без предварительного развода оставила своего обожаемого мужа Фета и горячо любимое дитя, бросила престарелаго и больнаго отца своего, к которому была привязана узами природы, любви и благодарности столько, что часто жертвовала своим здоровьем. сохраняя и услаждая жизнь его, наконец покинула отцовский дом. место рождения для того, чтоб ехать в дальния страны с посторонним человеком. которого знала она только несколько месяцев. Люди, наблюдавшие за поступками вашими, называют вас человеком распутным. закоренелым в пороках. обольстителем, нарушителем брачнаго союза и неблагодарным. Естли вы думаете, что не нужно вам согласия моего на брак с Шарлотою, естли вы не исполните обещания мне письменно даннаго, то не остается мне иного делать, как принести на вас жалобу присудственным местам Российскаго государства с пожертвованием даже всего нашего имущества. Наш великий герцог[4] охотно подкрепит нашу прозьбу письмом своим к императору Александру и к матери его вдовствующей императрице, а принцесса Вильгельмина Луиза к сестре своей, императрице Елисавете Алексеевне. Мы уверены, что российское правительство не оставит без наказания такой дерзости, в чужих краях учиненной и для великой нации столь поносной. Не почитайте сего за безразсудную угрозу, а за обдуманное намерение — единственное средство к защите и спасению бедной моей дочери. Весь Дармштат, все члены двора знают и почитают мою Шарлоту, теперь столь нещастную, образцом добродетели и благочестия. Им всем известно, что сия добрая дочь жертвовала всеми удовольствиями молодости и даже здоровьем для беднаго больнаго отца своего, которого прихоти сносила с ангельским терпением. Вы обязаны сохранением своей жизни Шарлоте и нашей к ней любви. В противном сидели б вы теперь в тюрьме и размышляли б о великости вашего преступления. Бог отвратил сие. И так судите, сколь близко бывает справедливое наказание от дурных дел, и что естли мера грехов исполнится, то хитрости всей Азии и все крестьяне Орловской губернии не могут защитить преступника от наказания, особливо когда будет то угодно богу. Ибо естли он допускает, что невинные оскорбляются, то верно накажет и виновнаго. Постарайтесь понять сие, ибо оно может послужить к будущей вашей пользе. Верно: Московский почтдиректор Фушковский.

Публикацию подготовил
В. РЫБИН
Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 780, лл. 5—6 об.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Беккер — дармштадтский обер-кригс-комиссар, отец Каролины Шарлотты Фет (Шеншиной).
2. Дармштадт — в 1820 году столица великого герцогства Гессенского.
3. По официальной версии, А. Шеншин женился на Ш. Фет после ее развода, и брак был совершен по лютеранскому обряду, не признававшемуся в Российской империи, что и послужило причиной лишения юного А. А. Фета отеческой фамилии, т.к. православное венчание родителей произошло после его рождения. А. А. Фет был восстановлен в правах лишь 26 декабря 1873 года высочайшим указом.
4. Герцог — великий герцог Гессенский Людвиг I (1773—1830, в.г.— с 1790 г.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ О АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ И ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОНОЙ ОПИСАНИЕ С ПРИСОВОКУПЛЕНИЕМ ТАКОВАГО Ж О РЫБНЫХ И ЗВЕРИНЫХ МОРСКИХ ПРОМЫСЛАХ

Среди выдающихся памятников отечественной географической науки XVIII столетия особое место занимают «топографические описания».

Идея составления единого экономико-географического описания Российской империи была выдвинута М. В. Ломоносовым на основе предшествующих разработок В. Н. Татищева. На отработку идеи ушло несколько десятилетий. Основные работы по описанию проводились с 70-х годов XVIII века по начало XIX века и совершались по наместничествам и губерниям. Сегодня этот важнейший источник по истории экономики, быта и этнографии народов империи мы открываем заново, так как уже в XIX веке описания прочно заняли свои места на архивных полках, не привлекая внимания ни историков, ни практиков.

Атлас Архангельской губернии, отрывки из которого мы предлагаем сегодня читателям,— подлинный шедевр не только с научной, но и с художественной стороны. Представляя собой три многолистных тома большого формата, он содержит не только подробнейшее описание всех населенных пунктов губернии, рек, озер, гор, заливов, но и панорамные акварели городов и монастырей губернии, поэтажные планы каменных строений, планы городов и уездов, выполненные с большим старанием и вкусом. Интересно, что топографические описания составлялись, как правило, по материалам генерального межевания, однако в Архангельской губернии оно не проводилось. Сведения для атласа, по всей вероятности, собирались не один год и явились не разовым подвигом губернских чиновников, а результатом глубокой историко-культурной и краеведческой деятельности, которую вели авторы сочинений по истории и экономике русского Севера В. В. Крестинин, А. И. Фомин, П. Звягин. Мы не можем сейчас конкретно говорить о вкладе этих людей в составление атласа, полагая, что даже крайне фрагментарной публикацией памятника можно привлечь к проблеме современных историков, пока, к сожалению, не проявивших интереса к его специальному изучению. Публикуя обобщающие главы, мы опускаем многочисленные и подробные сведения по конкретным населенным пунктам, обширнейшие таблицы чрезвычайно информативного характера. Понимая непривычность допушкинского языка для большинства наших читателей, просим обратить внимание на то, как быстро вы к нему адаптируетесь. Уверены, что язык этот, сочный и образный, в котором отсутствует нарочитая витиеватость и обнаруживается стремление к точности выражений, доставит вам немало неожиданных и приятных минут.

ВЛАДИМИР РЫБИН

Древние жители

Древние жители сей страны были самоеды, лопари и зыряне[1], которые поныне обитая в Архангельской губернии удержали наименования свои, язык и образ жизни. Предки сих жителей принадлежали к Пермии или Биармии[2], которой пределы простирались до Финляндии. Они известны были россиянам под общим названием заволоцкой чуди[3], получившей сие от россиян наименование по лесному, гористому, болотистому и необитаемому пространству земли, которым и ныне Каргопольский уезд к западу отделяется от Двинской страны, именуясь волоком. Впрочем многия реки, заливы, деревни и другия урочища во всей Архангельской губернии и до настоящего времени сохранили прежние свои чудские названия.

Вера

Заволочане были идолопоклонники, ибо последняя по Пинеге реке чудь крещена уже в начале 16-го столетия Молопинегской волости священником Симеоном Неклюдовым, которого отец Матвей в конце 15-го столетия пришед с другими, из самого Нова-города удалившимися, жителями в Кеврольской, что ныне Пинегской уезд, поселился на обильных и для хлебопашества удобных землях, оставленных чудью, коя убегая крещения уклонилась жительством к отдаленным рекам; но что в других местах Двинския страны жители гораздо прежде приняли христианское учение; то доказывается грамотою Иоанна, архиепископа новгородского, данною от него в начале 12-го столетия, которою благославляя на Двине быть Архангельскому монастырю на том месте, где ныне стоит город Архангельск, заволоцких жителей и начальников от Сицы реки до моря именовать христианами. Лопари же, в Кольском уезде обитающие, христианскую веру восприняли в 1557-м году от кольско-печерского игумена Трифона.

Покорение новгородцами

Первые завоеватели заволоцкой чуди были новгородцы. Время и обстоятельства сего покорения хотя и не означены в российских летописях, однакож известно, что в начале 11-го столетия платили дань Нов-городу не токмо при Двине и во всей тамошней стране постоянными селениями жившие народы, но и кочующие за Печерою югорские самоеды, и что под властью новгородцев в том краю находилось тогда все Заволочье, Печора, Югра и Кола; большею же частию заволоцкой земли во время новгородского управления владели новгородские посадники, бояре и новгородские архиереи. (...)

Торговля

Двиняне, имея многия удобности к торговле, торги свои производили не только со внутренними российскими областями, но и с иностранными пограничными государствами; они для получения мягкой рухляди ездили на реку Обь и до Мангазеи или Туруханска на судах, именуемых кочами, на коих, достигнув реки Тары, обыкновенно на ней их оставляли; далее же до обской губы ходили сухим путем, при которой строили уже новые суда.

Профессор Фишер в «Сибирской истории»[4] утверждает, что

Невѣста на могилѣ матери въ Сюзьмѣ.

в 15-м столетии архангелогородцы на кочах прошли далее Новой Земли даже до самой Мангазеи. Они, начав путь от города Архангельска, сперва оной продолжали вдоль мезенских и пустозерских берегов, и потом уже чрез пролив вайгацкий доходили до Карской губы[5]. Плавание сие для торгу двиняне продолжали до 1620-го года, в котором оное чаятельно по причине усмотренного потаенного товаров провозу прекращено.

Пристани для сего торгу учреждены были в Кевроле, что ныне в Пинегской округе, Мезене, в Кольском и Пустозерском острогах и в Варгузе, где и таможенные служители находились; по построении ж города Архангельска оные уменьшены, а в 1691-м году и совсем уничтожены, исключая таможни в Кольском остроге.

Настоящая от города Архангельска, с европейскими народами отправляемая, торговля открылась в 1553-м году по поводу прибывшего на двинское устье английскаго корабля под начальством Рышарда Шанцелорда, который прибывающим на Холмогорах царским правителям, объявив себя послом английскаго короля, требовал свободного пропуску в Москву ко двору царского величества; получа же дозволение ездил в оную и 15-го марта 1554 года в царствование царя и великаго князя Иоанна Васильевича Втораго заключил торговый между Англиею и Россиею договор. Он, прибыв из Москвы обратно на Двину, пробыл до весны в Холмогорах, и потом со славою перваго обретателя российских берегов на севере, возвратился в свое отечество[6].

В 1555-м году тот же Рышард со многими торговыми гостьми прибыл на кораблях, нагруженных разными аглицкими товарами на двинское устье и выгрузя там оные в наемные на Холмогорах суда, отправился сам в Вологду и оттоле в Москву; а с 1556-го года начали приходить на Двину голланские и бременские купеческие корабли.

В том же 1555-м году посланные от великого государя царя в посольство Осип Непея и гости Фофан Макаров и Михайло Григорьев отправились с Двины в Англию на немецких кораблях.

Привозные и отвозные товары чрез 30-ть лет от начатия торга с англичанами складывались при двинском корельском устье близ Никольского монастыря, почему сей порт долгое время от иностранных именовался портом Святаго Николая; но потом в 1584-м году построен вокруг Архангельского монастыря деревянный город; а в 1668-м году каменной с гостинными дворами для складки товаров.

Конторы иностранных купцов, производивших торги чрез Архангельский порт, находились сначала в Холмогорах, в Вологде, Ярославле и в Москве.

Различные приключения заволочан

Заволоцкая земля никакого не потерпела разорения во время нашествия татар на Россию; а хотя в 1262-м году в Устюге и находился татарский ясашник, но двиняне не платили им дани, следовательно, страна сия пользовалась тишиною и в те ужасныя времена, кои прочие российския области были жертвою хищения и насильств татар, которым естественное положение Северныя Двины препятствовало распространить кровопролитие в дальную и холодную Заволоцкую землю. Таким образом двиняне быв охранены суровостию климата и отдаленностью от нашествий неприятельских, тем не менее, напротив, подвержены были междуусобным браням и внутренним беспокойствам. По преданности к великим князьям российским и по неудовольствию на беспрерывное мятежное правление многоначалия новгородского, неоднократно покушались они свергнуть с себя сие иго, к произведению чего в действо приступили они в 1169-м году, предавшись под защиту великого князя Андрея Владимирскаго[7]. Однак новгородцы, победя владимирцов и суздальцов, посланных для подкрепления двинян, учинили заволочан по прежнему своими данниками. Подобные сему междуусобия продолжались по 1471-й год, в котором великий князь Иоанн Васильевич Заволоцкую землю покорил державе великих государей московских, одержав в 27-й день июля при речке Шиленге, впадающей в Двину, совершенную победу[8]. При сем случае войсками великаго князя Иоанна Васильевича предводительствовал устюжский наместник Василий Федорович Образец, а над двинскою и печерскою военною ратиею начальствовали князь Василей Васильевич Шуйский и двинский воевода.

Разные неприятельские нашествия

Неприятельские на двинскую страну нашествия были следующия:

В 1419-м году мурманы, вошед на судах в Белое море, опустошили многия по берегам сего моря лежащие селения; а имянно: Варгузу, Онегской погост, Неноксу и Николаевской монастырь; а по Двине Яковлю Курью, Андреяновский берег, Кегостров, Архангельский монастырь, Княжостров и другия места.

В 1614-м году поляки и русские изменники учинили из-под Москвы набег на Двину, держали в обложении Холмогорский острог три дня, которой защищал с воинством стольник и воевода Петр Иванович Пронской. Грабители же сии, нашед неожиданное на Холмогорах сопротивление, обратились на низовския и поморския волости, произведя в оных убийство, грабеж и пожоги.

В 1701-м году в большую тогда со шведами войну четыре шведские военные корабля, два фрегата и яхта под аглинским и голладским флагами, вошедши в Белое море, 25-го июня сделали нападение на Новодвинскую крепость; но храбрым отпором гарнизона были отбиты и прогнаны. Причем шведы в добычу победителям оставили на месте сражения фрегат и яхту, знамена и военные снаряды.

КРАТКОЕ ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ[9]

Положение

Архангельская губерния, имеющая положение в северном краю Европы между 60-м градусом. 58-ю минутою и между 70-м градусом, 12-ю минутою северной широты, и между 48-м градусом и 37-ю минутою и 82 гра., 15 мин. долготы, объемлет великое пространство земли, ибо по исчислению площади содержит в себе 82187461 десятину[10]

Пределы

Архангельская губерния с юга граничит с Вологодскою и Новгородскою, а с юго-запада с Выборжскою губерниями; с запада со Шведскою и норвежскою Лапландиею; с севера ограждается Северным океаном, а с востока Уральскими горами, отделяющими часть Европы от Азии и Архангельскую от Тобольской губернии. (...)

Города

Архангельская губерния состоит из осьми городов, из коих один губернский и семь уездных.

Губернский и торговый город Архангельск построен в 1584-м году по случаю открывшегося в 1553-м году торга с Англиею и другими европейскими народами; населяться же начал в 1587-м и именовался сначала Ново-холмогорским, а потом принял нынешнее название по причине бывшего на сем месте Архангельского монастыря, вокруг которого первый город построен был деревянной. Сей торговый город лежит на правом берегу Северной Двины в 34-х верстах от Белого моря, в том месте, где Двина делится в разные рукава, впадающие в оное море. В нем производится знатной заграничной или иностранной с европейскими народами торг, как собственными своими, так Вологодской, Вятской и Пермской губерний продуктами и товарами, доставляемыми к оному порту по течению рек: Двины, Ваги, Покшенги, Вологды, Верхней и Нижней Сухоны, Лузы, Югу, Сысолы, Вычегды. Впрочем сей город после пожара, бывшаго в 1793-м году[11], восприемлет на себя новый вид, украшаясь изрядными каменными как казенными, так и частными зданиями и множеством по плану выстроенных обывательских деревянных домов.

Уездные города суть: Холмогор, Шенкурск, Пинег, Мезень, Онег, Кола и Кемь.

Холмогор, как известно по истории, был столицею древней Биармии и пребыванием в нем чрез долгое время правителей

Заволоцкия страны. Сей окружный город положение имеет при рукаве реки Двины, Куроцолкою именуемом, в 72-х верстах выше губернского города Архангельска и пользуется всею удобностию для произведения внутреннего и заграничного торгов.

Прочие города: Шенкурск, Пинег, Мезень, Онег и Кола устроены в эпоху благополучнаго царствования Вторыя Екатерины при открытии Вологодскаго наместничества в 1780-м году, а в 1784-м, по учреждении Архангельской области губернию, вступили в ея ведомство...

Шенкурск лежит при немалой реке Ваге, впадающей в Двину, и производит торг хлебом и смолою, в знатном количестве ежегодно в город Архангельск доставляемыми. Пинег местоположение имеет при мелководной реке Пинеге, впадающей в реку Двину несколько выше города Холмогор. Город Мезень имеет положение при судоходной реке Мезень, впадающей в Северной океан в 40-ка верстах от города. Жители сего города производят прибыточной морской звериной промысел на Новой Земле и торг звериным салом и кожами. Портовый город Онег местоположение имеет при самом устье реки Онеги. Из сего порта аглинский купец Гомм производил весьма обширной лесной торг, для которого на Онегской рейде иногда бывало до 70-ти больших купеческих кораблей. Город Кола положение имеет между реками Колой и Туломой при Кольской губе в 50-ти верстах от Северного океана. Жители оного производят морские промыслы при своих берегах, а некоторые из них и у Шпицбергена. Город Кемь лежит при устье реки Кеми, впадающей в Белое море. Жители его занимаются морскими промыслами...

Монастыри и церкви

Монастыри в Архангельской губернии находящиеся и в штате состоящие суть: Архангельской в самом городе Архангельске — есть древнейший из всех в Архангельской губернии находящихся монастырей. Он построен в конце 12-го столетия. Сийской, основанный преподобным Антонием Сийским, где и мощи его опочивают. Николаевской-Корельской, построенный Марфой Посадницей, и Крестной, основанный Никоном патриархом. Заштатные же примечания достойные монастыри: Красногорской, находящийся на высокой горе, известный по чудотворной грузинской иконе богоматери, и Веркольской, где мощи Артемия Веркольского опочивают. Сверх сих, в Архангельской губернии находящихся монастырей, Ставропигеальной Соловецкой, непосредственно зависимый от Синода и имеющий положение на острове Белого моря. Монастырь более других знаменит, как по опочивающим тут мощам чудотворцов Зосимы и Савватия, так по огромности каменных зданий и по множеству приезжающих ежегодно богомольцов, которых число простирается до 3000 человек и более, и кои во все время пребывания своего в сей обители довольствуются пищею без всякой платы, и сверх того каждому при отъезде в обратный путь дается по части хлеба. Церквей грекокафолического исповедания в городе Архангельске кроме пяти деревянных кладбищенских имеется восемь: они все каменныя, сооружены в настоящем столетии и благолепно украшены. Из коих соборная и две приходския, в бывший 1793 года сильный пожар, хотя и учинились жертвою пламени, однако усердием доброхотных жителей несколько уже поправлены, а особенно первая. Из протестанских: Лютеранская каменная же, построена изрядной архитектуры и Реформатская деревянная ветхая, но имеющая более доходов. В окружных же городах церкви старинныя, деревянныя, кроме города Холмогор, в котором соборная и одна приходская церкви каменныя. В соборе же города Холмогор лежат тела холмогорских и архангельских архиереев, над коими находятся гробницы с их портретами. Всех же в городах и уездах церквей каменных 36, в числе их вновь строющихся 2, деревянных — 422. (...)

Реки

Всех вообще больших и малых рек щитается в Архангельской губернии до 1092-х...

Озера

Больших и малых озер в Архангельской губернии находится 3178-мь, из коих в некоторых содержится чистая, в иных же темная неприятного запаха и вкуса вода. Рыба в озерах и реках ловится везде обыкновенная: щуки, окуни, налимы, харьюсы, лещи, головли, язи и всякая другая мелкая рыба. Сиомга же никогда в озера не заходит. (...)

Качества жителей

Россияне, обитающие в Архангельской губернии, росту средняго, лицем белы, волосом русы, крепкаго сложения, остры. Кочевые же в Мезенской округе самоеды росту небольшого, лицы имеют круглыя и плоския смугловатого цвету, глаза узкие, волосы черные и по большей части безбородые, препровождают жизнь дикую и весьма суровую, пребывая во все времена года, не смотря на жестокую в той стране стужу, в шалашах, покрытых оленьими кожами, называемых чумами; крайне склонны к пьянству и табаку и с природы тупы. В Кольском уезде живущие лопари росту малого, видом похожи на самоедей, но сложением слабее и белее лицем. Все вообще жители Архангельской губернии хотя препровождают здоровую жизнь, но самая-самая глубокая старость не продолжается далее 80 лет; к лечению же болезней, обыкновенно от простуды приключающихся, употребляют простые средства.

Состояние имущества

Все вообще Архангельской губернии сельские жители имуществом не скудны и довольствуясь при малом земледелии избыточными промыслами, не нуждаются в содержании домов и пропитании своих семейств, всегда приобретая довольное число денег на закупку хлеба и других домашних потребностей. В пищу употребляют более ячменной, нежели ржаной хлеб, и более рыбу, нежели мясо. Едят в летние дни по три и по четыре раза, а имянно завтракают, обедают, около 4-го часа по полудни паужинают и в вечер ужинают. (...)

Деревенское домостроение

Строение деревень в губернии производится до ныне без всякого порядка, но расположение крестьянских дворов совершенно соответствует климату того края. Имев изобилие в лесах, могли строить они дворы и избы свои высокие и пространные, покрывая оные везде тесом и дранью, а достаточные из крестьян имеют белыя избы, в коих печи с трубами. Почти во всех уездах покрывают дворы сплошь и делают снутри помост наравне с полом высоких своих изб, разделяя двор, так сказать, в два жила, из которых в нижнем помещен скот в теплых и мшоных хлевах, а в верхнем, куда находится наружной с улицы въезд, сохраняют солому, сено, повозки, земледельческие свои орудия и всякую крестьянскую збрую.

Число жителей

Архангельская губерния населена весьма мало, вообще в ней считается по переписи 1795-го года мужска пола 113.306 и женска 123.564 души, которые, поселясь при берегах морей, рек и озер, внутреннее пространство земли, покрытое лесами и наполненное болотами и тундрою, оставляют впусте. Недостаток мужескаго полу против женскаго, как заключать должно, происходит от потери людей на морских промыслах, в которых женской пол не упражняется, ибо примерно по ревизии, что во всех тех уездах, кои более занимаются морскими промыслами, число мужеска пола менее числа женскаго; а напротив того в округах, упражняющихся в земледелии, более видно естественное в числе обоих полов равенство. По исчислении умерших и новорожденных оказывается в губернии ежегодное, но весьма малое народное приумножение. Всех же в губернии Архангельской считается сел 299, деревень 3627, скитов 4.

ОПИСАНИЕ РЫБНЫХ И ЗВЕРИНЫХ МОРСКИХ ПРОМЫСЛОВ

В рыбных промыслах участвуют жители городов Архангельска, Холмогор, Онеги, Кеми и Колы, отчасти Архангельской, Холмогорской и Кольской округ крестьяне, а наиболее крестьяне ж Онегскаго и Кемскаго уездов, живущие вдоль левого берега на Белом море, которые по сему и называются: поморы. Мезенские граждане и обыватели того уезда хотя и промышляют рыбы немалое количество, а паче сигов и сиомги по рекам Мезене и Печоре, однако главнейше упражняются в звериных промыслах, в которых равномерно участвуют и все вышеименованные мест жители с тою разностию, что мезенцы промыслов производят единственно на Новой Земле и на мысу Канином Носом называемом, а архангельские, онежские, кемские и кольские жители хотя промышляют на Новой Земле, но более на островах Шпицбергене и Гренландии, которые у простого народа известны вообще под имянем Большого и Малого Груманта [12]. (...)

Тресковый, палтосной и других того рода рыб промысел

Вообще рыбный промысел, начинаясь апреля с первых чисел, продолжается до самых последних зимних месяцев. Первый и прибыточнейший промысел в Архангельской губернии состоит в улове трески и палтаса. Промышленники почитают за лутчее время для лову сих рыб начало весны по Иванов день, то есть по 24-е июня, когда треска и палтус с жадностию кидаются на маленькую рыбу, называемую мойву, и август месяц, когда они гоняются за сельдями. В то же время хотя и не в большом количестве ловится пикшуй, морская щука, канбала, зубатка или стембит-рыба, имеющая зубы наподобие собачих. Треска и палтасина держится единственно около мурманских берегов. Первая бывает фунтов в 60-т, а последняя и до 15-ти пуд, но весьма редко. Наиболее же попадается в 5-ть и 6-ть пуд...

Сельдяной промысел

Сельдяной промысел почитается первым по тресковом. Лучший оных лов бывает в августе и сентябре месяцах. Они ловятся в довольном количестве по всему мурманскому берегу, а в Белом море подле одного только летняго берега и более в Кандалашской губе при селах: Кандалакше, Ковде и Керети. По зимнему же берегу сельдь совсем не попадает... Сельдь ходит великими стадами и по мурманскому берегу наиболее попадает во время преследования их китами. При сем случае с таким стремлением бегут они к берегу, что в великом числе выбрасываются на оной, отделяясь от воды на аршин. Что киты в океане, то самое на Белом море производят морские звери, называемые серки, которыя гоняясь за сельдями все стада обращают к берегу. Промышленники из одного невода нагружают оными на мурманском берегу иногда по две шняки, а в Кандалажской губе по две и по три лодки.

Лов сиомги и других рыб

Лов сиомги, сигов, кумжи, гольцов, чиров, пеляди и омылей начинаясь с месяца маия продолжается по октябрь. В рассуждении первой, то есть сиомги, примечено, что в реках по мурманскому берегу попадается оной более с весны и до Ильина дня, а в море и по рекам в Белое море впадающим, с августа по октябрь месяц. Она ловится по всем рекам, впадающим в ледовитое и Белое моря и в небольших морских заливах по мурманскому берегу и Белаго моря по левому и правому берегам... как равномерно и по морским заливам около Пустозерска. Попадающая при сем последнем месте, то есть в морских заливах и в реке Печоре сиомга почитается за лучшую, но она для копчения жирна, для чего и употребляют на то более онегскую и двинскую... Самая же крупная попадает у летняго берега близь Онеги, бывает иногда до двух пуд весом и имеет особливое название: порог. В реках ловится она по плавням и стоячим местам, а в морских заливах неводами и такими же сетями, которые в Коле называются гарбы... Чиры, омыли и пеляди попадают около Пустозерска. Видом весьма походят они на сигов, только площе и жирнее. Кумжи ловятся во всех реках и морских заливах, а гольцы единственно по мурманскому берегу, но и там мало, в большем же количестве и гораздо крупнее около Новой Земли. Первые из сих рыб, как наружностию, так и цветом тела походят много на лососей, а последния красноватое же имеют мясо, но крупнее и более кумжей...

Звериные промыслы

Для звериных промыслов на Грумант и Новую Землю отправляются большие мореходныя суда, как то: гукоры, галиоты и лодьи... Кто не имеет на Новой Земле или на Груманте изб в прежних становищах, те привозят оныя с собою и поставя на месте начинают звериный промысел, которой, когда бывает удачен, промышленники возвращаются в одно лето, а ежели скуден или становище обносится льдом, целыми горами по морю носимым, то нередко случается, что промышленники принуждены бывают проводить на промысле месяцов по 13-ти, 18-ти и по два года, а иногда и совсем погибают... Работников на судах, кои обязаны исправлять и должность матросов, бывает от 16-ти до 22-х человек. Сверх того при каждом судне имеется по одному или по два карбаса, а для близких выездов на стреляние морских зверей по одной и по две небольших и легких лодок, которыя два человека удобно из воды на лед вытащить и чрез оной переволочь могут... В пищу промышленникам запасается: ржаная и ячменная мука для хлебов, разныя крупы и пшено для каши, толокно, мед сырой, масло посное и коровье, соленая треска и палтасина, небольшим количеством соленая говядина, сосновые шишки, топленое молоко в бочках, которое по архангельскому наречию называется кадное. Паче же всего морошка, которая как и молоко, почитается за наилучшее предохранительное средство от цынги. Звериные морские промыслы производятся на Груманте, острове Медведе [13], известном у голландцев под названием Бер-Эйланд, на Новой Земле, Канином Носу и по малым островам около тех мест находящимся, по заливам Белого моря и морским берегам около Пустозерска. На Груманте и острове Медведе попадаются: моржи, белуха, морские зайцы, медведи, серки, нерпы и лысуны, а в горах голубые песцы и дикие олени. В морях же, места сии окружающих, видят часто и китов. На Новой Земле, около Пустозерска, и на Канином Носу ловят тех же родов горных и морских зверей, а на Новой Земле и волков, но морских медведей попадается на Канином Носу весьма мало, а голубых песцов и совсем нет. Белые же, добываемые в сем месте, почитаются за лучших в своем роде. На мурманском берегу ловится более морской зверь: серка, нерпа или тюлень называемой лысун, морские зайцы и тевяки, а моржей весьма мало. В ледовитом же море и в самой Кольской губе иногда показываются киты. По берегам Белаго моря попадается наиболее одна серка, и весьма редко морские зайцы...

Польза и употребленние промыслов

...Треска употребляется в пищу в Архангельской губернии и развозится на продажу в Петербург, Москву, Устюг и в Вологду... Тресковые языки отвозят для продажи в Петербург, а везига расходится в Архангельске. Сельди отправляют в те же места, куда и треску. Сиомга свежая, соленая и копчионая

более отвозится в Петербург и Москву, а некоторою частию в соседственныя с Архангельскою губерниею города и селения. Вся же прочая рыба распродается в Архангельской губернии по городам и уездам в пищу собственным обитателям и заменяет недостаток хлебного той страны неурожая. Сало морских зверей отправляется за море и частию отвозится в Москву и Петербург под имянем ворваннаго сала. Моржовые клыки и зубы употребляются в Архангельске и Холмогорах на разныя точения и разныя костяные работы. Пух гагочей очищенной в Архангельске развозится во все места и чистаго пуд продается от 160-ти до 180-ти рублей. Кожи морских зверей выделывают в Архангельске, а серковые и в Соловецком монастыре, где оныя с отменным искуством чернят наподобие козлов и замши. Моржовыя кожи отвозят из Архангельска в Москву, Петербург и другие города, где употребляют на ремни для карет и колясок, а в Архангельской и других губерниях тонкия употребляются для гужей и хомутов. Серковыя и белечьи отправляют в те же места для обивки сундуков и ящиков, а черненые для сапогов и кенег. Более же кожи сии идут в Кяхту и составляют некоторой торг с китайцами...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Самоеды — древнерусское название ненцев; лопари — саамы, финское племя, проживавшее на Кольском полуострове; зыряне — древнерусское название народа коми.
2. Пермия и Биармия — в русских летописях народ коми и территория, на которой он проживал, употребляется под названием «Пермь». Различались «Малая» или «Старая Пермь» (располагавшаяся в бассейне рек Вычегды и Мезени) и «Великая Пермь» (в верхнем течении реки Камы). Биармия — легендарное государство коми конца I — начала II тысячелетия, описанное в скандинавских сагах и русских преданиях IX — XIII вв., славилось серебром, ценными мехами и мамонтовой костью. Ряд современных исследователей отождествляют Биармию с Пермию Великой.
3. Чудь — общее в Древней Руси название финских племен.
4. Фишер Иоганн Эбергард (1697—1771) — историк и филолог, член Петербургской Академии Наук. Был в составе Камчатской экспедиции 1740—46 гг. Принимал участие в научной обработке материалов, собранных Г. Ф. Миллером в Сибири. В 1768 г. издал сокращенный вариант «Истории Сибири» Миллера на немецком языке. Русский перевод — «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании академическом читанная членом С.-Петербургской Академии Наук и профессором древностей и истории, также членом исторического Геттингенского собрания И. Е. Фишером». СПб., 1774.
5. Вайгацкий пролив — ныне пролив Югорский Шар.
6. Рышард Шанцелорд — английский капитан Ричард Ченслер. История его посольства подробнее описана в «Топографическом и историческом описании губернскаго города Архангельска», помещенном в этом же атласе: «...когда в 1553-м году при аладении Марии, королевы аглинской, был послан из Англии с тремя кораблями Рихшард Вилогуби (Уильби) к северу в мае месяце, кой путаясь в море, употребил довольное время на объезды северных островов принадлежащих Дании, где не мог он доставать ни каких припасов съестных, кроме сухой рыбы и рыбьяго сала. Другие же два отряженные с ним корабля послал он для открытия новых земель в разныя места. Около сентября месяца пристал он к урочищу называемому Арцына, лежащему в Лаонии, где ни каких жителей не нашед. Для позднего уже годового времени остался там зимовать, но от безмерной стужи он и все люди его померли. Начальник другого крабля, «Едуардом» именованного, Ришард Чанселорд (по двинским летописцам Рыцарст), искуснийший между тогдашними мореходцами, не зная ни чего об обстоятельствах Вилогубия, продолжал свой путь около всей Норвегии и зашел в гавань Вардегоус, как в назначенное Вилогубием к соединению место. Но семь дней простояв в ожидании начальника, отчаялся его дожидаться. Восьмой день пошел он в море и августа 24-го дня прибыл к монастырю святаго Николая, которой находился на двинском западном корельском устьи... Жители сего места ласково его приняли и множеством сбегались со всех сторон увидеть людей о коих до того не слыхали. Ришард по получении испрошенного им от холмогорских правителей дозволения видеться с ними приехал с устья на Холмогоры на малых судах. Там объявил он себя послом аглинским и истребовал свободнаго пропуску ехать в Москву ко двору царскаго величества по посольским делам. Холмогорские правители известили своею запискою царскому двору о приходе посла и гостей на устье Двины и приказали в октябре месяце завести аглинский корабль на зимование в унскую губу, которая от Николаевскаго монастыря отстоит в 100 верстах. Аглинский посол, оставя людей своих, поехал из Холмогор в Москву ко двору российскому ноября 23-го дня и с царем и великим князем Иоанном Васильевичем о торге заключил торговый договор между Россиею и Англиею. Марта 15-го дня 1554 года отпущено было сие аглинское посольство. Посол Ришард по приезде из Москвы на Двину жил у корабля до весны и весною со славою перваго обретателя с моря берегов российских возвратился в отечество в исходе 1554-го года по зиме. По сем прииде весть царю и великому князю от заморския корсалы.., что нашли они на мурманском море два корабля в становищах, а на них люди все мертвы и товару много. Царь и великий князь приказал на Двину на местнику князю Семену Ивановичу Микулинскому послать людей лучших двинян в лодьях к тем кораблям и переписать товары и привести на Двину на Холмогоры. Князь же Семен Микулинский послал в лодьях на мурманское море к кораблям лутчих людей из Холмогор, которые, в кораблях товар переписав, взяли пушку, и пищали, и снасть корабельную и привезли на Холмогоры...» (публикуется впервые).
7. Андрей Владимирский — Андрей Юрьевич Боголюбский (кн. Владимирский, 1157—1174).
8. Сражение произошло на реке Шелони, после чего последовали победы московских войск в Двинской земле, приведшие к заключению Коростынского договора, предопределившего присоединение Новгорода к Московскому государству.
9. В XVIII веке значение слова «топография» совпадало с его буквальным переводом с греческого — «описание местности».
10. Десятина — русская поземельная мера. В соответствии с межевой инструкцией 1753 ее размер определялся в 2400 кв. сажней, т. е. 1,0925 га.
11. В «Топографическом и историческом описании Архангельска» отмечается 17 крупных пожаров, из которых последние: «...В 1779 году июля 20-го сгорел губернаторский дом.., того же года декабря 10-го архив Архангелогородской губернской канцелярии выгорел... в 1784-м году также был не малой пожар, а в 1793-м году июня 26-го последним и самым величайшим пожаром превращено в пепел более 800 обывательских домов, в том числе каменных обгоревших — шесть, все ряды и лавки деревянныя и три каменныя церкви выгорели: соборная Троицкая с колокольнею, Рождественская и Воскресенская с колокольнями, один питейный дом каменной, банковая кантора, городовой магистрат, никольское подворье, и два дома приказа общественнаго призрения каменные ж, из них в первом помещены были присудственныя места, а во втором, с двумя флигелями каменными ж, главное народное училище и мореходная школа. А сверх того деревянного здания сгорело: семь питейных домов, один инженерной дом и один артиллерийской со службами, два частных, один баталионной, три монастырския подворья и один дом со службами приказа общественного призрения, в коем помещены были присудственныя места и мореходные школьники» (публикуется впервые).
12. Острова, входящие в архипелаг Шпицберген.
13. Имеется в виду остров Медвежий (Björn öy) в Баренцевом море к югу от о. Западный Шпицберген.

ВЛАДИМИР ЛИЗУНОВ

ЛОНДОН – ОРЕХОВО

КАК ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД СТАЛ СТОЛИЦЕЙ ФУТБОЛЬНОЙ РОССИИ

История отечественного футбола сводится преимущественно к деятельности клубов Москвы и Петербурга. И мало кто знает, что третьей столицей футбольной России можно по праву назвать подмосковный город Орехово-Зуево. Именно здесь фабрикант Савва Тимофеевич Морозов в 1902 году установил на фабриках паровые турбины и осветил цеха мануфактуры электрическим светом. Выстроил первый рабочий театр, лучшие в России больницу, народный парк для гуляний, и обустроил футбольное поле. На его зеленом ковре до революции играли немцы и англичане, финны и турки... Душой же болельщиков всегда были «морозовцы» — команда фабрик Викулы Морозова, неоднократный победитель кубка Фульда, спортивная звезда чемпионатов Москвы и России...

«В 1887 году брат, бывший член клуба «Блэкберн Роверс», предпринял попытку организовать футбольную команду в Московской губернии. После его отъезда команда распалась.

Следующая попытка возродить футбол — в 1897 году — была предпринята мною и британскими служащими фирмы, директором которой был я. Футбольные клубы были организованы в районе Орехово-Зуева.

Начальный период развития футбола в России представлял особый интерес ввиду того обстоятельства, что среди игроков были рабочие, подмастерья, механики, административные и конторские служащие, так что это было поистине демократическое начинание... К сожалению, спустя 3 или 4 года футбольная жизнь в России замерла. Это объясняется тем, что энтузиасты футбола наталкивались на сопротивление, питаемое религиозными убеждениями: старообрядцы считали всякие игры греховным занятием...

Вспоминается следующий случай. Футбольные майки, джемперы, свитеры и ботинки были заказаны в Англии, а трусы должны были изготовить сами игроки. Материал для этого был роздан с соответствующими инструкциями. Результат получился самый плачевный, так как почти все трусы доходили до лодыжек...

Бурные протесты капитана команды — англичанина, строго соблюдавшего все условности, оказались тщетными. Перед началом первого матча он решился на крайние меры. С помощью двух членов комитета, вооружившись ножницами и меркой, он запер уже одетых игроков в раздевальной и обрезал штанины до нужной длины».

Эти воспоминания были написаны в 1946 году бывшим вице-президентом Московской футбольной лиги Гарри Чарноком (в России он стал известен под именем Андрея Васильевича).

Только в 1906 году удалось наконец получить санкцию и необходимые средства для организации Ореховского спортивного клуба. Его устав нужно было утвердить у губернатора. Опасаясь, что власти могут прикрыть клуб до его открытия (полиция располагала сведениями, что игра в футбол нередко используется для революционной деятельности в рабочей среде), Гарри Чарнок, в то время директор прядильной фабрики В. Морозова, лично поехал во Владимир на прием к губернатору.

Чарнок был избран первым президентом клуба спорта «Орехово». В комитет клуба входили восемь старшин, клуб имел 6 почетных, 250 действительных членов и 69 так называемых соревнователей, то есть игроков на поле.

Клуб спорта «Орехово» имел свою печать, билеты, а его члены — значки, которые носили на часовой цепочке в виде брелка или на головном уборе. «Морозовцы», как с легкой руки московских футболистов окрестили команду клуба, выходили в голубых рубашках, белых трусах, черных гетрах и в бутсах из кожи темного цвета. Спортивную форму игроки покупали за свои деньги, все поездки также оплачивали сами. Клуб давал игрокам поле, а в перерывах игры — чай с лимоном.

Провинциальный городишко быстро входит во вкус английской забавы. Уже в 1908 году в Орехове впервые встретились местная команда и англичане, служившие на фабриках Викулы Морозова. Победа была за британцами, но уже через год хозяева взяли реванш, выиграв со счетом 3:2.

Футболистов из Орехова москвичи впервые увидели 30 августа 1909 года. В этот день они встретились с командой Сокольников на ее поле. Журнал «Русский спорт» писал: *«...команда клуба при фабрике Морозова наполовину английская... Первое впечатление, когда они вышли, было великолепное: симпатичные костюмы, известная дисциплина усиливали его...»* Свою первую игру в Москве морозовцы выиграли со счетом 2:1.

7 апреля 1914 года в Орехово-Зуеве состоялось открытие нового футбольного плаца. Строили его под руководством английских специалистов, поле было искусно дренажировано, так что после проливного дождя через 30—40 минут оно полностью просыхало, и на нем можно было играть. Вокруг была накатана гаревая дорожка, имелись большая трибуна и павильон. На открытие поля приехала студенческая сборная команда Лондонского университета.

До начала игры прошло торжественное открытие стадиона с молебном и водосвятием. «Первый вратарь сборной» Н. Соколов так описывает этот день: «Вся футбольная Москва ринулась в этот день в Орехово-Зуево. Железнодорожники Нижегородской линии были поражены необыкновенным даже для праздника — был второй день Пасхи — наплывом пассажиров. Прицеплялись дополнительные вагоны, срочно формировались новые поезда... — Что случилось, господа? — недоумевали полицейские чины.— Куда все едут? — В ответ болельщики многозначительно и гордо произносили слова: «Лондон — Орехово».

Прогремел салют из маленькой пушки, разрезана широкая лента, протянутая поперек поля. Стадион открыт. Этот матч собрал до 5 тысяч публики. И хотя игра завершилась победой англичан со счетом 5:1, зрители получили большое удовольствие.

К весне 1914 года Орехово-Зуевская футбольная лига стала одной из крупнейших в России. Она насчитывала 29 кружков и свыше 30 плацев для тренировок. В эти годы в Орехово-Зуеве активно работала детская футбольная лига, первая в России (в ней играли 12 команд).

ВЛАДИМИР БУЛДАКОВ,
доктор исторических наук
ВЛАДИМИР КАБАНОВ,
доктор исторических наук

«В небе каркнула ворона: «Коммунизма дик урок!»,— мрачно пели в 1921 году взбунтовавшиеся от продразверстки и комиссародержавия тамбовские крестьяне. Они имели в виду так называемый «военный коммунизм», ибо никакого другого не знали и знать не могли. Заливая самогоном чувство обреченности, они никак не могли взять в толк: куда подевались давшие им землю «благодетели»-большевики и откуда свалились «антихристы»-коммунисты.

ДИКТАТУРА ДОКТРИНЫ

Что такое «военный коммунизм»?

Термин «военный коммунизм» изобрели вовсе не большевики. О нем в порядке предостережения заговорил А. Богданов, бывший соратник Ленина. Он обратил внимание на то, что армия неуклонно подчиняет себе тыл, создавая «организацию массового паразитизма и истребления». В этих условиях пролетариат должен отказаться от завоевания власти, ибо революция, разыгрываемая по чуждому сценарию, может закончиться «длительным царством Железной пяты».

Но в принципе это самое «царство» существовало в России издавна. Известно, что петровские преобразования базировались на крепостном труде. Казенное хозяйство охватывало все отрасли, работавшие на оборону. На государственных предприятиях господствовали вполне «антикапиталистические порядки», ибо здесь не знали даже, что такое цена и прибыль. Управление осуществлялось по знакомому вертикальному министерскому принципу. Неудивительно, что технологическое отставание, низкая производительность труда, гигантомания, слабость естественных хозяйственных связей шли в России рука об руку.

Крайне неповоротливая финансовая система утвердилась в России не случайно. Госбюджет был отягощен непроизводительными расходами (на оборону с 1910 года уходила в среднем четвертая его часть), финансовое и хозяйственное равновесие его всегда достигалось с большим трудом. С началом войны главный удар по финансам нанес «сухой» закон. Правительство стало крохоборчески изыскивать резервы дополнительного обложения, что еще больше пошатнуло моральное основание власти. Критическим стал 1916 год, когда резко возросла эмиссия бумажных денег. В 1917 году курс рубля по сравнению с довоенным упал в 7 раз.

С середины 1915 года развернулась самая настоящая борьба с рынком. Для того чтобы обеспечить интендантству заготовки по «твердым» ценам, губернаторы запрещали вывоз производимого в соседние губернии. Вслед за тем началась борьба со спекуляцией.

Самодержавие пыталось спасти положение дальнейшей централизацией управления экономикой, менее всего считаясь с производителями. Вводились «твердые» цены на хлеб, а с конца 1916 года — продовольственная разверстка. Вслед за тем уже Временное правительство по примеру Германии и Австро-Венгрии ввело хлебную монополию и карточную систему. Но развал забюрократизированной, лишенной внутренних стимулов экономики прогрессировал, шла ее натурализация. Ни о какой хозяйственной свободе не могло быть и речи.

Временное правительство эти пороки еще и приумножило. Приведем один любопытный документ: «*Мы протестуем против тех мероприятий власти, которые... явно несообразны и вредны важнейшему ныне промыслу производства хлебов... Деятельность (продовольственных) комитетов не способствует увеличению посевов, а сокращает их площадь, произвол же и безнаказанность этих органов парализует последние усилия хозяев. Никакие комитеты не в состоянии заменить личную инициативу хозяина, его энергию.., а их дальнейшее вмешательство приведет к продовольственному краху*» [1]. Это претензии одного из местных союзов земельных собственников к «крестьянскому» министру — лидеру эсеров В. М. Чернову.

Следует ли из этого, что большевики под влиянием экономической необходимости механически продолжали мероприятия царизма и Временного правительства? Отнюдь. Произошло худшее. Из пороков старой системы, оказавшейся в критической ситуации, выводилась магистральная линия развития, из хозяйственной нужды — коммунистическая добродетель.

Ленин впервые употребил термин «военный коммунизм» лишь в апреле 1921 года, сведя его к злосчастной продразверстке.

Обращаясь к ленинскому проекту программы партии (март 1918), поражаешься, каким естественным представлялся ему тогда переход от прежней государственности к «государству-коммуне». Проект основывался на производственно-распределительном принципе и полностью отвергал и политику, и рынок.

Ясно, что «декретировать» коммунизм было нельзя. Так что же произошло?

Отчаянное положение масс в начале 1918 года стимулировало всплеск ненависти, переросшей в настоящую, теперь уже «классовую», войну против собственности. Идеи никогда не доходят до народных масс в первозданном виде. Это закономерно. Утратив прежнюю социальную программу, низы совершают нравственный откат назад — вплоть до состояния племенной дикости. Общественная ткань разрывалась по архаичнейшему принципу: «мы» и «они». Отсюда вседозволенность насилия.

В октябре 1917 года все привычные черты российского «смутного времени» — функциональный и моральный износ власти, беспорядочные миграционные процессы, призрак голода и возрастание агрессивности «человека толпы», ожидание социального чуда — были налицо. Этот процесс мог закончиться вполне традиционно — возрождением усовершенствованной государственной машины.

Впервые «военный коммунизм» заявил о себе так называемой «красногвардейской атакой на капитал» — беспорядочной национализацией промышленности и финансов в ответ на политический саботаж служащих, который сразу же был приравнен к «буржуазной контрреволюции». Но в целом страна вползала в него через продовольственный вопрос, тот самый, о который споткнулись и самодержавие, и Временное правительство.

Первоначально большевики хотели просто поддержать твердые цены и государственную монополию на хлеб. Но уже в ноябре появились не только заградительные отряды против мешочников, но и реквизиционные — из красногвардейцев и революционных солдат. Довольно скоро последовали столкновения с крестьянством, спровоцированные нарушением твердых цен, и постепенное превращение декларированного продуктообмена в настоящий «продуктообман». Не случайно эти отряды стали распускаться за «злоупотребления».

В мае 1918 года декретами ВЦИК была установлена продовольственная диктатура. В это же время М. Калинин и Я. Свердлов заговорили о необходимости «классового раскола» деревни. В июне был взят курс на создание комитетов бедноты, призванных развернуть борьбу с «сельской буржуазией».

Многих большевиков охватил пыл коммунистического прожектерства. Бухарин проектировал создание «фабрик зерна и мяса». Троцкий весной 1918 года заговорил голосом народника, призывая артельными усилиями построить «рай на земле».

Массы реагировали на все это достаточно традиционно. Рабочие беззаботно отказались от рабочего контроля, полагая, что большевики и без того действуют в их интересах. По свидетельству М. Пришвина, «большевистская труха в среднем пришлась по душе... крестьянам — это торжествующая средина бесхозяйственного крестьянина и обманутого батрака».

Поначалу преобладало не «государственное насилие», террор рождался в низовых органах власти. Комбеды, а то и просто сельские партячейки подмяли под себя деревенские Советы. Типичной для деревни стала фигура вооруженного и нетрезвого комбедовца с партбилетом. «Можно ли расстреливать крестьян, уклоняющихся от налогов?» — такие, к примеру, вопросы задавали комбедовцы вышестоящему руководству. Разумеется, сверху они получали отрицательный ответ, но сам по себе вопрос примечателен.

Комбеды закономерно провалились. К концу 1918 года их решено распустить, а в январе следующего года введена продразверстка. Союз пролетариев и беднейших крестьян лопнул. Неэффективность продразверстки стала ясна многим уже к началу 1920 года. В январе на III Всероссийском съезде совнархозов было принято предложение о замене разверстки вдвое меньшим налогом.

Решила ли продразверстка поставленную перед ней задачу? Заготовки хлеба в Европейской России в 1920—21 годах остались на уровне 1916—1917 годов. Однако при этом значительно уменьшились посевные площади, валовый сбор зерна упал почти вдвое. Шло

неуклонное разрушение аграрного производства, разрыв между городом и деревней достиг невиданных размеров.

Краеугольным камнем нового общества большевики считали безрыночную систему хозяйства. Уже в 1918 году Бухарин всерьез уверял, что общество превращается в громадную трудовую артель, способную распределять производимое без всяких денег. На деле же прогрессировала денежная эмиссия. Позднее Е. А. Преображенский, один из идеологов «военного коммунизма», писал по этому поводу следующее: *«Бумажные деньги советской республики поддержали новую власть в самый трудный период ее существования, когда не было возможности прямыми налогами оплатить издержки гражданской войны. Слава нашему печатному станку»*[2].

Карточная система — обычное для воюющей страны явление. Но в Советской России карточная система приобрела откровенно классово-политическое содержание. Предпочтение отдавалось фабрично-заводским и транспортным рабочим, членам семей красноармейцев. Особые пайки вводились для детей и беременных женщин. Число нормированных товаров все увеличивалось: в январе 1919 года в Петрограде было 33 вида карточек. Однако нормированное снабжение чаще всего оставалось таковым лишь на бумаге, так как попросту не хватало продуктов и товаров.

Рабочие побежали с предприятий. Тогда последовала характерная реакция — милитаризация труда. Если ранее трудовая повинность была уделом бывшей буржуазии, то теперь ее социальные прелести испытал сам пролетариат. Апофеозом этого процесса можно считать указание СНК Наркомфину приступить к разработке положения о замене денег новым мерилом общественных ценностей — «тредом» (трудовой единицей). Планировалось и введение «энеда» (энергетической единицы трудовых затрат). Гражданам за принудительный труд навязывалась нормированная сверху система благ. Так осуществлялось невиданное отчуждение трудящихся от результатов их труда.

Все провалы «военно-коммунистического» экспериментаторства шли под слащавый аккомпанемент оптимистичнейших фраз.

3 декабря 1919 года на I Всероссийском съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей М. Калинин заявил: *«Мы, товарищи, живем в счастливое время. Давно ли, какие-нибудь два года назад, мы не могли проявлять своих талантов на всех поприщах жизни... Мы же сейчас, работая каждый в отдельности, укрепляем революцию и коммунизм. В настоящее время 70-летний старик, если он плетет лапти, если он понимает, ...что его лапти служат победе над мировой контрреволюцией, то он делает коммунистическую работу. И наоборот, если лектор не связывает свои работы с общесоветским строительством, он не является марксистом»*[3].

К слову, для руководства производством лаптей и валенок был создан особый орган — Чеквалап.

Состоялось ли в итоге коммунистическое безрыночное хозяйство? Ответ прост: на всем протяжении «военного коммунизма» свыше половины в среднем потребляемого хлеба горожане приобретали на вольном рынке, то есть пользовались услугами мешочников. Что до натурализованной заработной платы, то значительная ее часть становилась средством обмена, а то и спекуляции. Рыночные отношения выжили, но приобрели крайне уродливый характер.

Парадоксы плановой экономики

Один из главных принципов «военного коммунизма» — необходимость преобразования общества в своеобразную хозяйственную машину, где все трудящиеся работают по единому плану. Плановость предполагала централизм управления. Последний стал главным догматом социалистического строительства.

Неизбежно усиливалась роль партийных лидеров, ибо именно они лучше всех решали «экспроприаторские» и репрессивные задачи.

Образованный в конце 1917 года Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ) постепенно подчинил себе не только местные совнархозы, но и интенсивно национализирусмые отраслевыми профсоюзами тресты. В итоге сложилась всеобъемлющая система главков — вертикальных производственных объединений, руководство которыми сосредоточивалось в Президиуме ВСНХ. К лету 1920 года почти полсотни главков управляли не только крупной национализированной промышленностью, но также и мелкой, кустарной и кооперативной. Они же занимались распределением продукции. Одни лишь названия — Гидроторф, Главкрахмал, Главшвеймашина, не говоря уже о Главчае, Главспичке и Главкости, показывают, до какого абсурда был доведен принцип распределительности.

И никакой инициативы на местах. Получалось нечто противоположное первоначальному плану Ленина. Причем на деле вместо обычной бюрократии управляла партократия, приспособившая для этого старых специалистов и молодых «выдвиженцев».

Сложившаяся уродливая система не могла существовать без агрессивности. Вместо «трудового энтузиазма» утверждалось насилие. Не случайно и разрастание органов ВЧК, определявших не только правовую, но, порой, и хозяйственную жизнь.

Что же лежало в основе «военно-коммунистической» системы? Диктатура пролетариата, официально объявленная результатом Октября? Диктатура партии, которую низовые комячейки нередко провозглашали? Бюрократия или различного рода чрезвычайные органы Советской власти? Представляется, что ни то, ни другое, ни третье. На деле возобладала «диктатура доктрины» (выражение М. Спиридоновой), за ней было решающее слово и в политике, и в экономике.

С началом нэпа «военный коммунизм» лишь отступил. Но вскоре партийно-бюрократический компонент системы консолидировался. Сначала процесс над эсеровской партией, гонения на духовенство, затем разгром оппозиции и сталинская «революция сверху» шаг за шагом возродили «военный коммунизм», но уже в партократическом обличье.

Сегодня его рецидивы определяются не уродствами карточно-распределительной системы. Главная опасность в том, что за семь с лишним десятилетий укоренился созданный им социокультурный стереотип. Покушение государства на творческую природу человека — в этом истинный смысл «военного коммунизма».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 2003, оп. 4, д. 12.
2. Преображенский Е. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920, с. 4.
3. Центральный государственный архив народного хозяйства СССР. Ф. 47, оп. 1, д. 248, л. 27.

ДМИТРИЙ ОЛЕЙНИКОВ

Кто такие западники и славянофилы?

ЗАПАДНИЧЕСТВО

I. ТЕРМИН

Даже современные исторические справочники неточно указывают время появления западничества на Руси. Они отмеривают русским западникам «исторически обусловленный» отрезок в 20 лет — с конца 30-х до конца 50-х годов XIX века,— а затем утверждают об исчезновении этого течения в бурной пореформенной эпохе 60-х... Между тем, западничество — основа мировоззрения большинства русских реформаторов, принципиально новый образ мышления.

Вокруг этого термина с момента его появления велась практически непрерывная политическая борьба. «Западники» кануна петровских преобразований — это уничижительная кличка, связанная с закатом, упадком (запа́д, польск. za̋chud). Но позднее это определение утратило негативный оттенок. В XIX веке оно воспринималось по-разному: и как противовес фальшивой теории «официальной народности», и как предтеча либерализма, и как синоним бесстыдного обезьянничанья и «низкопоклонства». А в начале XX века известный философ Н. А. Бердяев, доведя до крайности парадоксальные суждения В. В. Розанова, объявил, что истинным западничеством является славянофильство, а то, что по привычке именуется западничеством, надлежит признать чисто русским патриархальным явлением. Такая множественность определений вытекает из попыток объяснить явление исходя исключительно из его названия. Имеется в виду Запад как географическое понятие, то есть Западная Европа. Такая инерция восприятия дожила до наших дней. Следует полагать, что западничество — только знак, столь же далекий от своего значения, как, скажем, шлепанцы-«вьетнамки» от Вьетнама.

II. ПОНЯТИЕ

Сначала — о том, что НЕ есть западничество. Это не стремление к копированию западноевропейских форм. Действительно, были западники, боготворившие только Францию как страну победившей революции (Герцен, Огарев в 30-е годы). Но рядом с ними действовали и те, кто жестко критиковал французские традиции и государственное устройство (молодой М. Бакунин, М. Катков, Н. Станкевич и его кружок). Т. Грановский и В. Боткин негатив-

но отзывались о многих сторонах европейской политической жизни вообще. Западничество не есть отрицание русской самобытности, не есть нелюбовь к русскому только за то, что оно русское. Эмигрант-католик В. Печерин со своим «Как сладостно отчизну ненавидеть...» — не западник. Наконец, западничество не есть противопоставление России и Европы, обрекающее Россию на роль перекрестка между Западом и Востоком.

Западничество — это прежде всего новый образ мышления, если хотите, «новое мышление» XIX века с его приоритетом общечеловеческих ценностей над любыми другими, будь то региональные или групповые. Западничество — это рационализм, исполненный веры в могущество человеческого разума. Следовательно, мир может быть подчинен познавшему его человеку. Западничество — это вера в прогресс. Отсюда и характерное для западников видение истории как необратимого процесса исторического движения вверх. Наконец, западничество — это индивидуализм. Индивидуализм западников не есть эгоизм: проблема соотношения личности и общества разрешается у них в пользу личности, а общество как абстракция должно быть организовано так, чтобы обеспечивать свободу личности.

«Глухая» и «безжизненная» николаевская эпоха явила миру ярких личностей, которых при всем различии их взглядов можно считать одним, «последекабристским» поколением: Е. Корш, Я. Неверов, А. Краевский (родились в 1810 году), В. Белинский, В. Боткин (1811), А. Герцен, И. Гончаров, И. Панаев (1812), П. Анненков, Н. Огарев, Т. Грановский, Н. Станкевич (1813), М. Бакунин, М. Лермонтов (1814), Д. Милютин, П. Кудрявцев (1816), А. К. Толстой (1817), Александр II, К. Кавелин, Н. Милютин, И. Тургенев (1818), Я. Полонский (1819), С. Соловьев (1820). Простой перечень имен показывает, насколько мощным было воздействие западничества, основные идеи которого были восприняты и воплощены в жизнь (в той или иной форме) всеми этими деятелями, оказавшими решающее воздействие на русскую общественную жизнь вплоть до конца XIX века.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО

I. ТЕРМИН

Термин «славянофильство» тоже вышел в свет как обидная кличка. Так, примерно в 1809 году, был прозван адмирал А. С. Шишков, развернувший упорную борьбу за чистоту русского языка и его верность старославянской основе. Шишков восставал против употребления «галлицизмов» вроде слов «дежурный» и «элегантность», призывал заменить новые слова и понятия вроде «оратор», «аудитория», «калоши», «биллиард» — соответственно на «краснослов», «слушалище», «мокроступы», «шарокат». Неуклюжесть Шишкова и его сторонников в вопросах языка делали прозвище «славянофил» обидным, хотя в самом славянолюбии ничего предосудительного не находили. Когда в конце 30-х годов группа образованных московских дворян (а Москва в те годы — символ оппозиции) заговорила о необходимости возрождения России на основе тех начал, которыми жила допетровская Русь, к ним вновь приклеилась кличка «славянофилы». «Что ж,— говорил один из них, А. С. Хомяков,— я готов признать это название и признаю охотно: люблю славян». Друзья Хомякова все же настаивали на «неточности» этого определения и предпочитали называться либо «русским направлением» (К. Аксаков), либо «московским направлением» (Ю. Самарин), либо «самобытниками» (А. Кошелев), да и сам Хомяков считал более точным название «славяно-христианское направление». Во многом это связывали с тем, что славянофилами называли и националистов — «квасных патриотов», восхвалявших исключительное величие России и ее всегдашнее превосходство над всеми иными нациями. Так и смешалось, на протяжении последних полутора веков название группировки дворян 30—40-х годов XIX века, разработавших оригинальную мировоззренческую систему, с прозвищем рьяных поборников теории «официальной народности».

II. ПОНЯТИЕ

Мы будем говорить здесь об «истинных славянофилах», людях 30—40-х годов XIX века. Это А. С. Хомяков, братья Константин и Иван Аксаковы, Иван и Петр Киреевские, Дм. Валуев, Алексей Кошелев и их друзья. Именно их воззрения обозначаются термином «славянофильство». Рассмотрим их взгляды сквозь призму идей их традиционных оппонентов — западников. Есть здесь и общее: обеспокоенность неблагополучным состоянием современной им России, ненависть к крепостному праву, стремление найти выход. В поисках выхода западники и славянофилы двинулись в разные стороны. Славянофилы были убеждены, что Россия свернула со своего исторического пути под воздействием Петра I («великий гений, муж кровавый»,— писал о нем Конст. Аксаков) и после его реформ двинулась путем Запада, чуждым истинно русским людям. Но Запад «сгнил», там царствует «бездуховность» и зло. Запад умирает, добиваемый революциями и болезнями, и не там будущее России. Залог ее счастья — в той особенности, самобытности, которая и отделяла от нее Запад до XVIII века и которая заложена в крестьянстве, «русском, все еще русском народе», закабаленном в петровскую эпоху. Основа русской самобытности — православие с его приоритетом духовных, нравственных потребностей над материальными и с верой, ограничивающей не знающий пределов рационализм Запада (и западников). Из православия вытекает и *соборность* — обязательный коллективизм, новая общность людей, противостоящая «индивидуализму» западников. Воплощением подобного коллективизма славянофилам представлялась крестьянская община (тогда еще не было известно, что *все* европейские народы прошли в своем развитии этап общинного землевладения). Основа допетровской Руси — это Земские Соборы, решавшие даже вопросы о призвании на трон нового царя (традиция ведет начало со времен Рюрика, так было и при избрании царем Бориса Годунова и Михаила Романова). Тот факт, что царь избран народом (а не завоевал народ, как на Западе), доказывал единство и согласие между правителями и управляемыми. Он же служил залогом невозможности революций. Царь в допетровской Руси — средоточие веры, добра, справедливости, мудрости, силы и даже гарант общинной демократии. После Петра царь все больше становится тираном — тем сильнее, чем навязчивее продвигается европеизация Руси.

Славянофилы поддерживали в образованной части общества интерес к русской истории, этому способствовало их активное сотрудничество в журнале «Москвитянин» (1841—1856), выпуск ряда изданий исторического и этнографического характера.

ТЕСТЫ

Блок 1. Подчеркните дату, соответствующую указанному событию.

1. Назовите дату заключения Второго Русско-Византийского договора
— 972
— 989
— 944
— 1054
— 911.

2. Назовите дату восстания древлян
— 945
— 1113
— 1068
— 1024
— 874.

3. Назовите даты княжения Олега Вещего
— 862—879
— 882—912
— 1019—1054
— 972—978

Блок II. Укажите, к какому из трех определений относится данный термин:

<u>Государство</u>
— политическая организация общества во главе с правительством и подчиненным ему аппаратом, который осуществляет власть
—«когда мы говорим: «государство», то государство — это мы, это пролетариат, это — авангард рабочего класса...»
В. И. Ленин
— государство происходит от исконно русского слова «сударь», «государь» и означает наличие сильной личной власти царя или князя.

<u>Оброк</u>
— данное слово происходит от слова «обрек»
— взнос, который делали зажиточные люди на Руси в монастырскую казну
— денежный или натуральный сбор, взимавшийся помещиком с крепостного крестьянина.

<u>Государственный крестьянин</u>
— крестьянин, подаренный помещику государством
— крестьянин, живущий на земле, принадлежащей государству, который все подати и налоги выплачивает в казну
— крестьянин, принадлежащий помещику, но, помимо всех обязанностей крепостного, отбывающий государственные повинности.

Блок III. Выбрав один из пяти ответов, продолжите предложение:

1. Самое раннее из дошедших до нас литературных произведений, освещающих русскую историю, называлось:
— Остромирово Евангелие,
— Ипатьевская летопись,
— Иоакимовская летопись,
— Повесть временных лет,
— Новгородская летопись.

2. Назовите три города, сыгравших главную роль в образовании государства у восточных славян:
— Москва,
— Киев,
— Ст. Ладога,
— Новгород,
— Ст. Русса.

3. По происхождению Рюрик был:
— датским конунгом,
— франкским феодалом,
— немецким бароном,
— саксонским курфюрстом,
— славянским князем.

Блок 4. Этот тест посвящен событиям, совпадающим во времени:

1. Мог ли князь Игорь (Древлянский) участвовать в походе войска Олега на Византию?
— Да
— Нет
— Не знаю.

2. Мог ли художник, расписывавший храм Святой Софии в Киеве видеть церемонию крещения Владимира Мономаха?
— Да
— Нет
— Не знаю.

3. Подчеркните события, современные друг другу:
— Княжение Ярослава Мудрого
— Осада Константинополя в 907 году
— Создание Начальной Русской Летописи
— Взятие Киева Батыем
— Написание первой редакции «Русской Правды»
— Строительство храма Ильи Пророка в Киеве.

Блок 5. Для того чтобы разобраться в сути следующего задания, превратим его в формулу: дата + место = событие. Итак, в колонке А мы указали несколько дат и мест, в которых, несмотря на расстояния во времени и пространстве, произошло одно событие. Верный ответ находится в колонке Б.

1.А — В X веке на Руси
— В IX в. до н. э. в Урарту
— В IV в. до н. э. у скифов
Б — начались усобицы
— распадается государство
— образуется государство
— идут освободительные войны
— изобретена письменность

2.А — Во 2-й половине XII века в Суздальской земле
— В начале XIII века в Галицко-Волынской земле
— Во второй половине XV века в Новгородской земле
Б — Сменяется княжеская династия
— происходят боярские усобицы
— устанавливается твердая княжеская власть
— происходят набеги монголо-татар
— страшный неурожай и голод

А — В X веке н. э. Париж
— В X веке н. э. Киев
— В 395 г. н. э. Константинополь
Б— подвергается разорению
— подвергается нашествию гуннов
— становится столицей своего государства
— переживает экономический подъем
— становится центром удельного княжества.

Подготовила
Е. СОЛОВЬЕВА

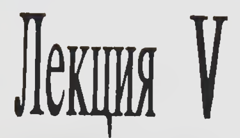
ОТВЕТЫ НА ТЕСТЫ ИЗ № 2

1. Первобытно-общинный строй;
2. Антропология, археология;
3. В XIX веке;
4. Кремень;
5. Охота, рыболовство;
6. Костёнки, Яштух;
7. 40 тысяч лет тому назад;
8. Кроманьонский человек;
9. г)
10. в)

АЛЕКСАНДР КОРНИЛОВ

ИСКОРЕНЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЗАРАЗЫ

Деление царствования имп. Николая на периоды.— Первый период (1825—1831).— Сотрудники Николая Павловича в первые годы царствования: Кочубей, Сперанский, Канкрин, Бенкендорф, Дибич, Паскевич.— Комитет 6 декабря 1826 г.: его состав и задачи; его деятельность.— Крестьянский вопрос.— Военные поселения.— Кодификационные работы Сперанского.— Образование III отд. собственной его величества канцелярии.— Направление министерства народного просвещения.— Отношение к польской конституции.— Международная политика.— Война с Турцией 1828—29 гг.— Конец первого периода царствования.

Взгляды, заимствованные у Карамзина и совершенно совпадавшие с характером и вкусами Николая, легли в основу его внутренней политики. Николай Павлович считал, соответственно этим взглядам, что сам он является первым слугой государства и что, посвящая всего себя государству, он имеет право требовать того же и от других, которые должны при этом служить по его указаниям. Со своей военной точки зрения он и не мог себе представить иной службы, кроме службы, регулируемой высшим авторитетом и направляемой при помощи строгой дисциплины и служебной иерархии. Это убеждение и служило обоснованием его абсолютизму, который развивался crescendo во все время его царствования, переходя все более и более в простое самовластье и деспотизм.

Царствование Николая можно разделить в этом отношении на три периода: первый — с 1826 по 1831 г., второй — с 1831 по 1848 г. и, наконец, третий — с 1848 по 1855 г. Эту периодизацию следует, впрочем, принимать лишь для обозначения таких последовательных изменений, которые происходили в курсе правительственной деятельности Николая, и хотя, конечно, эти изменения весьма резко отражались и на жизни народа, и на положении общества, но едва ли было бы справедливо на такие же периоды разделить историю самого народа и историю русского общества при Николае. В этом отношении все царствование Николая составляет, в сущности, один весьма важный и цельный этап, в течение которого окончательно скопились и обострились движущие факторы социально-политического процесса, разрешившегося частью в эпоху великих реформ последующего царствования, частью не вполне разрешившегося и в наше время.

Что касается первого периода царствования Николая, то, как я уже сказал, период этот может быть охарактеризован как якобы преобразовательный и, по крайней мере по внешности, не противный прогрессу.

Но сама личность императора Николая, его личные вкусы, характер, самовластье, которое все более и более укреплялось в нем, уже тогда являлись существенной помехой всяким прогрессивным начинаниям и преобразованиям, хотя бы и самого умеренного характера. Следует признать, что император Николай, ясно сознавая в то время необходимость преобразований, боролся с собой, видимо, старался обуздать свой собственный характер и пойти навстречу тем нуждам, которые слишком ярко были перед ним выставлены, но удавалось это ему по большей части довольно слабо, и поэтому главнейшей чертой этого периода являются удивительные противоречия и колебания, которые обусловливались не нерешительностью характера грозного повелителя России — характер у него был очень решительный,— а вызывались именно противоречием, в котором находился его характер и его вкусы с предпринимаемыми начинаниями.

Такие колебания замечаются в это время как во внутренней, так и во внешней политике, причем они усиливались еще благодаря отсутствию определенного плана преобразований.

Большинство, по крайней мере многие, из биографов Николая I обыкновенно представляют его положение в это время чрезвычайно трудным, так как он в наследство от Александра не получил достойных сотрудников. Указывают, что, в сущности, Александр будто бы завещал ему одного только Аракчеева. Это, конечно,

Продолжение. Начало см. в №№ 8—12, 1991 и № 1, 1992.

несправедливо. Во-первых, Аракчеев, не дожидаясь окончательного воцарения Николая, сам решительно устранился: еще 10-го декабря 1825 г. он подал прошение об освобождении его от докладов по делам комитета министров, т. е., в сущности, от положения премьер-министра. Он остался на некоторое время после того лишь заведовать военными поселениями, но тоже не надолго: вскоре он уехал в отпуск за границу, а затем окончательно оставил даже заведование военными поселениями. По своему тогдашнему настроению и по взглядам, заимствованным от Карамзина и отчасти, может быть, от Жуковского, который входил с 1817 г. в его интимный семейный круг, Николай решил твердо отказаться от всякой связи с реакционерами конца царствования Александра. Помимо устранения Аракчеева от государственных дел Николай весьма резко отнесся и к тем деятелям министерства народного просвещения, которые наиболее усердствовали в последний обскурантский период царствования Александра I. Так, очень скоро пострадал Магницкий: он был сначала отставлен от должности казанского попечителя, а когда, спустя некоторое время, государь узнал, что Магницкий продолжает мешаться в дела и своими интригами мешает деятельности нового попечителя, он тотчас велел его арестовать и отвезти в Ревель. Точно так же был отставлен от должности и отдан под суд и попечитель петербургского университета Рунич в связи с непорядками в материальной отчетности. В то же время Николай решился унять и сократить Фотия, который получил такое значение в конце царствования Александра I: ему было приказано не выезжать из своего монастыря. Из представителей реакции конца александрова царствования при Николае в течение некоторого времени продолжал действовать один лишь Шишков. Но с устранением Магницкого и Рунича Шишков лично являлся сравнительно добродушным реакционером, и наличность его одного во главе министерства народного просвещения не давала возможности особенно поддерживать прежнее реакционное направление. Гораздо, может быть, важнее для будущего было не только сохранение, но и возвышение одного из самых зловредных помощников Аракчеева — генерала Клейнмихеля,— человека грубого, жестокого и лицемерного. Впоследствии он играл важную роль в качестве заведующего путями сообщения и одного из столпов создавшегося государственного строя.

Но вообще на первых порах гораздо большую роль в сфере внутренней политики и деятельности главных частей государственного управления сыграли представители более умеренного консерватизма, соответствовавшего взглядам Карамзина. Из главных сотрудников императора Александра, продолжавших свою деятельность при Николае, здесь следует упомянуть графа (впоследствии князя) В. П. Кочубея и Мих. Мих. (впоследствии графа) Сперанского. Но Кочубей, бывший одним из членов негласного комитета в начале царствования Александра, значительно устарел и во многом изменил свои прежние либеральные взгляды. В сущности, он уже в записке, представленной Александру в 1814 г., высказывал взгляды, недалекие от взглядов Карамзина, и тогда уже положительно утверждал, что сохранение самодержавия надолго необходимо в России. Сперанский также во многом изменил свои взгляды после катастрофы, постигшей его в 1812 г. Он совершенно перестал быть идеологом политического либерализма и прочно вступил на путь политического практицизма и оппортунизма, посвятив все свои дарования и все свое трудолюбие на второстепенные технические усовершенствования существующего государственного строя вместо радикального его изменения. При вступлении на престол Николая мы видим его уже не представителем тех политических взглядов, на которые с такой страстью и резкостью обрушивался Карамзин в 1811 г., а скромным сотрудником и соревнователем самого Карамзина, вкупе и влюбе с которым ему пришлось теперь составлять, по поручению Николая, манифест о вступлении его на престол. Затем доверие Николая к Сперанскому, поддерживаемое теперь Карамзиным, поколебалось на один момент теми сведениями, которые Николай получил, о планах «Северного общества»: в случае успеха революции поставить во главе временного правительства Сперанского, Мордвинова и Ермолова. Вскоре, однако, Николай убедился, что лица эти сами совершенно не знали об этих своих кандидатурах и ни в какое сношение с революционными организациями не входили *. В частности, в неприкосновенности к этому делу Сперанского Николай Павлович настолько уверился после продолжительной личной беседы с ним, что тогда же написал Дибичу об этом свидании со Сперанским и искреннем с ним разговоре, упомянув при этом, что в прежних своих взглядах Сперанский «принес покаяние». Неизвестно, в чем именно каялся Сперанский, но во всяком случае минутное недоверие к нему Николая совершенно исчезло, и Сперанскому уже в январе 1826 г. было поручено заведование комиссией законов, которая вскоре была преобразована во второе отделение собственной его величества канцелярии, в котором Сперанский фактически исполнял обязанности главноуправляющего.

Что касается адмирала Мордвинова, то его Николай к себе не приблизил. Он понял, конечно, что подозрения его относительно участия Мордвинова в делах тайного общества были совершенно напрасны, и впоследствии выказывал ему наружное уважение и признание его заслуг, но, не сочувствуя его взглядам и направлению, которых Мордвинов не изменил, держал его вдали от активной правительственной деятельности. Мордвинов и в это царствование лишь изредка выступал в государственном совете со своими всегда интересными и оригинальными мнениями.

Из лиц, унаследованных Николаем от прежнего царствования, здесь следует еще упомянуть об оригинальном и почтенном государственном человеке, на деятельности которого нам придется впоследствии подробнее остановиться, о Егоре Францевиче Канкрине, занимавшем при вступлении Николая на престол пост министра финансов.

Это был человек твердый, с определенными принципами; его финансовая система заключалась главным образом в экономии народных средств, и он постоянно оказывал самую резкую оппозицию таким начинаниям Николая, которые требовали значительных денег, так что Николай впоследствии, когда министром финансов в конце его царствования был статс-секретарь Брок, человек бездарный и очень податливый, не раз говорил ему шутя, что приятно иметь такого покладистого министра финансов, как он, Брок. «А то, бывало,— вспоминал император,— придет ко мне Канкрин в туфлях (он страдал ревматизмом), греет у камина спину и на всякое мое слово говорит: нельзя, ваше величество, никак нельзя...»

К чести императора Николая, надо сказать, что он, несмотря на это, держал Канкрина в продолжение целых 17 лет на посту министра финансов,— до тех пор, пока он сам, как ему казалось, не выучился достаточно финансовой науке под руководством того же самого Канкрина.

В переписке близких к тогдашнему двору людей мы встречаем указания на то, что имп. Николай, с самого начала выказав большое трудолюбие и желание всего себя посвятить на службу государству, вместе с тем проявил большое неумение в выборе людей. Этот недостаток, особенно при неподготовленности его к делам правления, составлял немаловажное препятствие к проведению даже тех скромных преобразований, которые были бы полезны государству с его собственной точки зрения.

Кроме лиц, рекомендованных Карамзиным, к делам внутреннего управления самим Николаем были привлечены те лица, которые отличились в его глазах в деле организации процесса декабристов. Первое место среди них принадлежало генералу Бенкендорфу, который с 1821 г. употреблял тщетные усилия привлечь внимание имп. Александра к распространению и росту тайных обществ в России. Наряду с ним выдвинулись на том же поприще следователи по делу декабристов — генералы Чернышев и Левашев.

В военной сфере особым авторитетом в глазах молодого государя пользовались генералы Дибич и Паскевич. Первый из них был начальником главного штаба, и в момент смерти Александра у него в руках сосредоточились все нити заговора Южного Общества. Он очень энергично принялся за дело расследования, чем и внушил первоначально доверие Николаю. Паскевич был давним другом и прямым начальником Николая Павловича еще с 1814 года. Оба они казались имп. Николаю высоко одаренными полководцами, хотя впоследствии военные таланты их со стороны военных писателей подвергались большому сомнению.

Что касается реформ, которые предполагалось предпринять в этот первый период царствования, то для их осуществления или, вернее, для выработки общего плана преобразовательной деятельности 6 декабря 1826 г. был учрежден особый комитет под председательством Кочубея. В состав этого комитета входили из прежних министров, кроме Кочубея: Сперанский, кн. А. Н. Голицын и генералы: гр. Н. А. Толстой, Дибич и Ил. В. Васильчиков, а делопроизводителями его были назначены молодые статс-секретари: Блудов и Дашков. По краткой записке, которую имп. Николай вручил Кочубею при самом открытии этого комитета, занятия его должны были состоять прежде всего в пересмотре и разборе бумаг, найденных в кабинете покойного императора Александра,— очевидно, из них Николай думал почерпнуть много полезных мыслей и указаний о необходимых преобразованиях; во-вторых, в пересмотре основ и уставов нынешнего государственного управления; в-третьих, в изложении мнений, что предполагалось сделать в прежнее царствование, что уже есть и что кончить оставалось бы; наконец, что в существующем порядке хорошо, а чего оставить нельзя и чем в таком случае заменить.

В таких неопределенных чертах было дано поручение этому секретному государственному учреждению. Деятельность комитета 6 декабря 1826 г. продолжалась регулярно до апреля 1830 г., а затем в следующие два года было несколько отрывочных заседаний, и хотя комитет официально закрыт не был, но в 1832 г. деятельность его окончательно замерла.

Как видите, миссия комитета была очерчена настолько широко, что, по-видимому, занятия его могли принять такой же характер, как и в начале царствования Александра, в знаменитом «негласном комитете». Но на самом деле никакого сходства между этими двумя учреждениями не было: «негласный комитет» Александра был составлен из идейных представителей передовых течений своего времени, а николаевский секретный комитет 6 декабря 1826 г. состоял из людей старого поколения, искусившихся и разочаровавшихся в жизни (как Сперанский, Кочубей и Голицын), или из молодых карьеристов и доктринеров (как Блудов и Дашков), которые никаких новшеств даже и не предполагали вводить и вся деятельность которых свелась к пересмотру уставов высших центральных и губернских учреждений, а равно также действовавших тогда «законов о состояниях», причем они проектировали некоторые изменения в положении о дворянских выборах и об управлении казенными крестьянами. Мимоходом они затрагивали крестьянский вопрос, но нерешительно и вяло, так что сам император их предположениями по этой части остался совершенно недоволен.

В крестьянском вопросе, важность которого император Николай почувствовал после первых крестьянских волнений, случившихся в его царствование, он оказался более прогрессивным и устойчивым, чем во всех остальных начинаниях его царствования. При нем до 1848 г. крестьянский вопрос не сходил с очереди: для обсуждения с разных сторон этого вопроса при нем было последовательно образовано целых 10 секретных комитетов, и можно признать, что в царствование Николая по крестьянскому вопросу было сделано во всяком случае больше, чем в царствование либерального Александра I. Главным деятелем по крестьянскому вопросу при Николае, главным начальником его штаба по этой части, как Николай его называл шутя, являлся генерал П. Д. Киселев. Ход этого дела я нахожу более удобным рассмотреть при изложении истории второго периода царствования Николая, когда вопрос этот привлек к себе наибольшее внимание правительства.

С самого начала своего царствования Николай Павлович отнесся очень скептически к военным поселениям. Сохранились записки разных лиц, представленные Николаю, с нападками на это детище имп. Александра. По-видимому, с самого же начала имп. Николай решил от военных поселений отказаться, но ликвидировать начатое дело оказалось не так-то легко,— не говоря о том, что Николай Павлович не был расположен подрывать авторитет своего покойного брата в деле, которое было любимым его занятием в последний пери-

* Впрочем относительно Ермолова у Николая навсегда осталось враждебное чувство. В этом отношении гораздо важнее предполагаемое участие Ермолова во временном правительстве, которое прочили ему члены тайного общества. Было одно взятое при обысках письмо кн. С. Г. Волконского к Пестелю,— письмо, в котором Волконский сообщал свое впечатление о настроении умов в посещенном им кавказском корпусе, которым командовал тогда Ермолов. Волконский в этом письме утверждал, что там, будто бы, распространено такое настроение, которое дает основание надеяться на восстание всего кавказского корпуса. Это сообщение потом фигурировало при следствии, и Николай Павлович серьезно опасался, что кавказский корпус откажется ему присягать. Это довольно легкомысленное свидетельство Волконского бросало большую тень на Ермолова в глазах Николая, и несмотря на то, что присяга ему принесена была на Кавказе без затруднений и, по тщательном расследовании, ничего подобного тому, что говорилось у Волконского, там не оказалось, все-таки у государя навсегда осталось неприязненное отношение к Ермолову.

од его жизни,— и военные поселения, не только просуществовали до конца царствования Николая, но даже были в отдельных случаях при нем расширяемы. Окончательная ликвидация их затянулась до начала царствования Александра II.

Особый взгляд на роль и обязанности самодержавного монарха с одной стороны, недоверие и к обществу, и к чиновничеству — с другой, выразились в самом начале царствования имп. Николая в способе производства тех дел, которые он считал почему-либо особенно важными и трудными и течение которых хотел выделить из общей бюрократической рутины. Такие дела сосредоточивались как бы в его собственном заведовании и выключались из числа дел, вверенных обыкновенным министрам. Для непосредственного заведования такими делами имп. Николай стал создавать особые отделения собственной своей канцелярии. Лиц, заведовавших такими отделениями, император приравнивал по их рангу к министрам, и они получали впоследствии звание главноуправляющих. Первое вновь открытое отделение в январе 1826 г. было названо II отделением собственной его величества канцелярии. В него были переданы все дела упраздненной тогда комиссии законов, и руководителем его фактически сделался, как уже сказано, Сперанский, который имел по этим делам постоянный доклад у государя, хотя формально во главе делопроизводства поставлен был статс-секретарь Балугианский. Кодификационные работы, сосредоточенные в этом отделении, как мы увидим, действительно быстро пошли в ход под умелым руководством Сперанского и завершились в 1832 г. изданием первого полного собрания законов и в 1833 г. составлением и изданием свода действующих законов по всем отраслям права и управления.

Тем же порядком Николай Павлович пожелал организовать заведование высшей (политической) и тайной полицией в государстве. После восстания 14 декабря и обнаружения всей истории образования и роста тайных обществ при Александре имп. Николай считал организацию полицейского надзора в стране одним из важнейших государственных дел. Он решил выделить это дело из ведения министерства внутренних дел, оставив в нем заведование одной лишь общей наружной полицией, а для надзора за состоянием и движением умов населения призвал необходимым создать особое учреждение. В основу этих предположений положена была записка, поданная государю еще в январе 1826 г. генералом Бенкендорфом, который и раньше, при Александре, обнаружил большую склонность заниматься этим делом, но тогда не имел успеха. Теперь Николай Павлович вменил ему в особую заслугу те доносы и записки по делам об организации правильного надзора за тайными обществами, которые Бенкендорф безрезультатно делал имп. Александру. В записке своей Бенкендорф предлагал образовать теперь для дел политической полиции особое министерство полиции, руководствуясь опытами наполеоновских учреждений подобного рода. После обсуждения проекта Бенкендорфа с генералами Дибичем и Толстым и принимая, вероятно, во внимание неудачный ход дел в вязмитиновском и балашевском министерстве полиции при Александре, Николай Павлович решился образовать новое учреждение под личным своим руководством и непосредственным заведованием Бенкендорфа.

25 июня 1826 г. (в день рождения государя) дан был указ об образовании особого корпуса жандармов как особого самостоятельного учреждения, с назначением шефом жандармов генерал-адъютанта Бенкендорфа, а через несколько дней (3 июля 1826 г.) была упразднена особая канцелярия министра внутренних дел, в которой ранее сосредоточивались дела тайной полиции, с передачей всех этих дел во вновь образованное III отделение собственной его величества канцелярии, во главе которого был поставлен тот же генерал Бенкендорф.

В круг ведомства III отделения, заслужившего впоследствии себе такую мрачную репутацию, входили следующие дела:

1) Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции; 2) сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов; 3) известия по открытиям о фальшивых ассигнациях, монетах, документах и проч., коих разыскание и дальнейшее производство остаются в зависимости министров: финансов и внутренних дел; 4) сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения; 5) высылка и размещение людей подозрительных и вредных; 6) заведование наблюдательное и хозяйственное всеми местами заключения, в коих заключаются государственные преступники; 7) все постановления и распоряжения об иностранцах; 8) ведомость о всех без исключения происшествиях; статистические сведения, до полиции относящиеся *.

Важным вопросом государственной жизни, который привлекал особое внимание Николая с самого начала царствования, был вопрос народного просвещения. Внимание, которое государь уделял этому вопросу, находилось в связи со стремлением его подорвать корни крамолы. Для имп. Николая являлось важной задачей так поставить народное просвещение, чтобы оно давало будущим гражданам желательное правительству направление умов, чтобы оно воспитывало верных и скромных слуг государству в каждом сословии и таким образом давало бы устойчивость основам существующего государственного строя большую, чем та, какая была до тех пор. Во главу угла здесь положено было убеждение в необходимости давать каждому сословию просвещение в такой мере, чтобы не развивалось надежд и стремлений возвыситься из одного сословия в другое. Было предположено прежде всего ограничить образование крестьянских детей, чтобы и у них не развить мысли о выходе из этого состояния, в котором они находились. Николай Павлович задумал издать в этом смысле особый законодательный акт еще до образования комитета 6 декабря и хотел предложить государственному совету обсудить этот вопрос. Этому воспрепятствовал Кочубей, который заявил, что хотя вопрос этот по существу очень важен, но не следует издавать об этом особого закона, так как опубликование его может повредить новому правительству во мнении иностранных держав, которым следует дорожить; он рекомендовал взамен этого дать просто рескрипт министру народного просвещения, в котором предписывалось бы крестьянских детей принимать только в начальные школы. Николай с этим согласился и дал такой рескрипт Шишкову в мае 1827 г. В этом именно направлении министерство народного просвещения действовало и впредь. В 1828 г. под председательством Шишкова учрежден был особый комитет для пересмотра уставов и программ всех низших и средних училищ, причем в состав этого комитета вошли и оба будущих министра народного просвещения: кн. Ливен и С. С. Уваров.

В декабре 1828 г. новый устав уездных училищ и гимназий был уже выработан и получил утверждение. Отличительной чертой этого устава было то, что он отрывал уездные училища от гимназий. Прежде уездные училища были, как вы знаете, подготовительной ступенью к гимназиям,— отныне этому был положен предел: уездные и городские училища были сделаны совершенно особыми низшими учебными заведениями с законченным курсом. Гимназиям же были приданы низшие классы, и переход из уездного училища в гимназию сделался невозможным. Гимназии были отныне предназначены для воспитания детей только дворян и чиновников. Резкие меры были приняты и к прекращению воспитания детей при помощи вольных учителей, так как было замечено, что многие из числа декабристов были воспитаны именно такими вольными учителями французами.

Чтобы закончить изложение главнейших обстоятельств и событий первого периода правления Николая I, следует еще упомянуть о его отношении к Польше. Здесь Николаю Павловичу приходилось при действии конституции 1815 г. являться монархом конституционным, к чему он вовсе не был расположен, и однако же следует признать, что он видимо старался себя переломить и корректно исполнять долг конституционного короля польского в первые годы своего царствования. Он отправился в Варшаву в 1829 г., принес там после некоторого колебания присягу конституции в католическом костеле, а затем созвал и сейм — как только ему позволило это прекращение военных действий в Турции. Можно сказать, что до восстания 1830 г. Николай в качестве конституционного монарха, наперекор своим личным вкусам, был более корректен, чем Александр — творец польской конституции 1815 г.

В международных отношениях Николай I проявлял в первые годы царствования те же колебания, которые характеризовали и его внутреннюю политику. Подчиняясь голосу народному, он считал в это время необходимым защищать греков от турецких неистовств, а в письмах к царевичу Константину он греков называл гнусными и наглыми бунтовщиками, которые не заслуживают никакого сочувствия и которых следовало бы заставить подчиниться султану. Это вынужденное заступничество за греков привело его, однако, к войне с Турцией. Русский флот вместе с французским и английским флотом участвовал в уничтожении турецкого флота при Наварине, и султан считал Россию главной виновницей этого события. В возникшей войне с Турцией имп. Николай в 1828 г. стремился только заставить ее принять свои требования, в то же время стараясь не наносить ей слишком сильных поражений, но желая, чтобы Турецкая монархия разрушилась. Благодаря этой нерешительности действий первый год войны окончился довольно неудачно, и в 1829 г., когда Николай, приняв к сведению то откровенное заявление, которое ему было сделано генералом Васильчиковым, не поехал на войну лично и предоставил новому главнокомандующему (Дибичу) свободу действий, кампания окончилась успешно. Но условия, предписанные Турции,— опять-таки из тех же побуждений,— всех изумили своей умеренностью.

Этот первый период царствования Николая окончился после первых дней июльской революции во Франции. Изгнание из Франции друга имп. Николая Карла X и последовавшее затем крушение Нидерландской монархии (где королевой была сестра Николая Павловича Анна Павловна) побудили имп. Николая резко стать на сторону легитимных принципов в европейской международной политике. В 1830 г. он уже готовился послать в защиту этих принципов свою армию на берега Рейна; но вместо того ему пришлось употребить ее для усмирения польского восстания. Это восстание доконало в нем всякую терпимость к либеральным идеям и послужило причиной уничтожения — после усмирения восстания — польской конституции 1815 г.

* Сравн. М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г. (по подлинным делам III отделения собственной е. в. канцелярии). Спб., 1908.

Здесь стоит отметить, как предстаалял себе Бенкендорф, а вместе с ним и имп. Николай, состав и задачи этого учреждения; вот дающая об этом полное представление выписка центрального места записки Бенкендорфа, приведенной целиком у г. Лемке:

«Для того чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника.

Он должен бы носить звание министра полиции и инспектора корпуса жаидармов в столице и в провинции. Одно это звание (замененное имп. Николаем званием шефа жандармов) дало бы ему возможность пользоваться мнениями честных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить ему какие-нибудь интересные новости. Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться.

К этому начальнику стекались бы сведения от всех жандармских офицеров, рассеянных во всех городах России и во всех частях войска: это дало бы возможность заместить эти места людьми честными и способными, которые часто брезгуют ролью тайных шпионов, но, нося мундир как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность.

Чины, кресты, благодарность служат для офицера лучшим поощрением, нежели денежные награды, но для тайиых агентов не имеют такого значения, и они нередко служат шпионами за и против правительства.

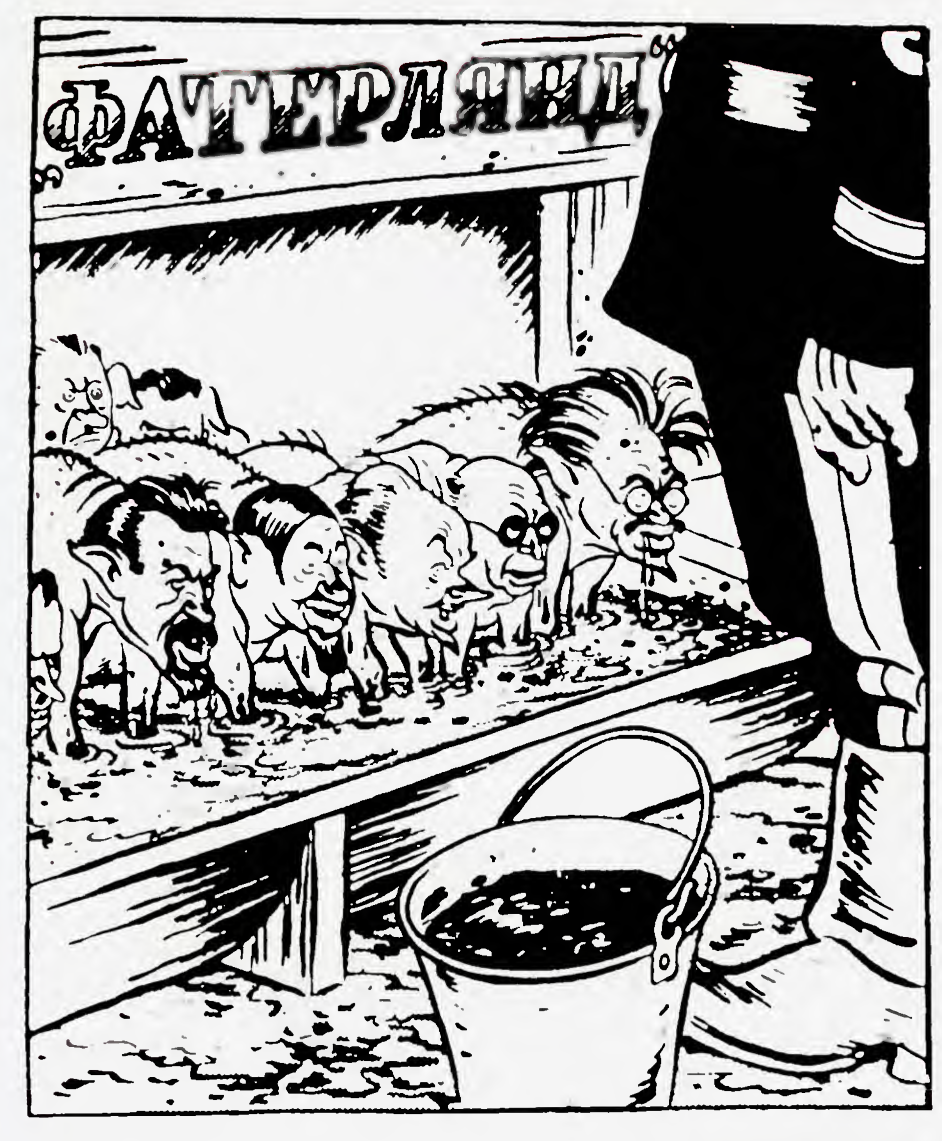
Министру полиции придется путешествовать ежегодно, бывать время от времени на больших ярмарках, при заключеиии контрактов, где ему легче приобрести нужные связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся к наживе.

Его проницательность подскажет ему, что не следует особо доверять кому бы то ни было. Даже правитель канцелярии его не должен знать всех служащих у него и агентов...»

Генерал Бенкендорф (впоследствии граф) до самой смерти своей пользовался неизменным доверием и расположением императора Николая.

АНАТОЛИЙ ЛАНЩИКОВ

ИМПЕРАТОР-БОЛЬШЕВИК

Вместо предисловия

«Предмет истории есть жизнь народов и человечества. Непосредственно уловить и обнять словом — описать жизнь не только человечества, но одного народа, представляется невозможным.

Все древние историки употребляли один и тот же прием для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой — жизнь народа. Они описывали деятельность единичных людей, правящих народом; и эта деятельность выражала для них деятельность всего народа».

Так начинается вторая часть «Эпилога» романа Л. Толстого «Война и мир». Однако еще до того, как завершающая часть романа и «Эпилог» увидели свет, Толстой счел необходимым «объясниться» с читателями по поводу роли «единичных людей» в истории человечества и в марте 1868 года в журнале «Русский архив» опубликовал статью «Несколько слов по поводу книги «Война и мир». В шестом пункте ее, в частности, говорилось: «Такое событие, где миллионы людей убивали друг друга и убили половину миллиона, не может иметь причиной волю одного человека: как один человек не мог подкопать гору, так не может один человек заставить умирать 500 тысяч».

В многократно цитированной статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин высказал, в общем-то, весьма банальную для своего времени мысль о том, что Толстой гениален как художник и никчемен как мыслитель, поскольку подобного рода соображения начали высказываться людьми разных политических, религиозных и прочих воззрений сразу же после публикации романа «Война и мир».

Толстой-мыслитель вызвал тотальное неприятие не потому, что замахнулся на авторитет какого-то выдающегося историка или на авторитет определенного направления в исторической науке, которое многими бы считалось самым прогрессивным. Нет, он просто отверг сам принцип современной исторической науки, что и побудило научный мир отлучить гениального писателя (а это почти никто не ставил под сомнение) от исторической науки как таковой. Так что научный мир явно опередил со своей «анафемой» нерасторопный Святейший Синод.

А Толстой в своем «Эпилоге» писал: «На вопросы о том, каким образом *единичные люди* заставляли действовать *народы* по своей воле и чем управлялась сама воля этих людей, древние отвечали: на первый вопрос — признанием *воли божества,* подчинявшей *народы* воле одного *избранного человека;* и на второй вопрос — признанием того же *божества,* направлявшего эту *волю избранного* к предназначенной цели.

Для древних вопросы эти разрешались верою в непосредственное участие *божества* в дела *человечества.*

Новая история в теории отвергла оба эти положения...

Вместо людей, одаренных *божественной властью* и непосредственно руководимых *волею божества,* новая история поставила или героев, одаренных необыкновенными, нечеловеческими способностями, или просто людей самых разнообразных свойств, от монархов до журналистов, руководящих массами». (Курсив мой.— *А. Л.).*

Толстого не удовлетворял принцип «древних», когда *волею божества* абсолютной властью наделялась *единичная личность,* но его еще больше не удовлетворял принцип современной исторической науки, когда эта власть приписывалась *единичной личности* самой наукой. Толстой же оставил от «древних» *волю божества,* но она наделяла абсолютной властью уже не *единичную личность,* а *народы.* И если, читая «Войну и мир», исходить из такой историко-философской концепции, то и Наполеон, и Александр I, и Кутузов будут выглядеть абсолютно достоверными историческими фигурами, действующими в общем контексте конкретной исторической эпохи.

Но тут сразу же возникает вопрос: «Если абсолютной властью *волею божества* наделяются *народы,* то почему же они столь много терпят притеснений от своих «безвластных» *правителей?* И если Толстого ужасала гибель полумиллиона европейцев в период наполеоновских войн, то что бы он сказал, доведись ему пережить две грядущие мировые войны, когда общие потери исчислялись уже десятками миллионов?»

Не берусь отвечать за Толстого, но мне представляется, что итоги двух мировых войн и причины, их породившие, лишний раз подтверждают правоту толстовской историко-философской концепции и одновременно обнажают зависимость современной исторической науки от текущих интересов *правителей,* в круг интересов которых никогда не входит поиск научной истины.

Да, *народ волею божества* наделяется абсолютной властью, потенциально. И судьба *народа* и государства зависит от того, насколько он осознает, что верховная законодательная власть принадлежит ему, а не главе исполнительной власти, будь то монарх или президент, безразлично. Поэтому любой основной закон (отмена или изменение его) не может иметь правовой силы, если он не одобрен на референдуме большинством списочного состава избирателей. Народ никогда не будет исполнять без насилия или без страха перед насилием того, что он нравственно не принимает. Как говорится, вода всегда найдет дырку, а человек всегда найдет лазейку, чтобы как-то нарушить или обойти не принимаемый им нравственно закон. И второе условие — народ еще *должен уметь* в постоянно изменяющихся условиях правильно распоряжаться принадлежащей только ему верховной властью.

К сожалению, в мире пока еще не было и до сих пор нет государства, в коем верховная власть народа не отторгалась бы в той или иной мере в пользу каких-то групп, классов или политических партий. Однако никакая узурпация власти не может отменить главного общественного закона, как никто не в состоянии отменить законов природы. Их, конечно, по незнанию или по злому умыслу можно нарушать, но не беспредельно.

...И вот на определенной стадии деградации, когда народ теряет свою универсальную повседневную связь с Богом, он начинает творить земных кумиров, чтобы как-то удовлетворить свое религиозное чувство. Если время достаточно спокойное и внешне благоприятное, то такими кумирами обычно становятся люди публичных профессий: киноактеры, певцы, журналисты, поэты, активные политические деятели. Если же время смутное и суровое, то кумирами становятся правители, умеющие обещать и претендующие на роль спасителей. Так возник в современном безбожном мире феномен «культа личности». Во Франции «культ личности» Наполеона не мог возникнуть на сто лет раньше, чем он возник, то есть до атеистического просветительского бума; в Германии «культ личности» Гитлера, а в Советском Союзе — Сталина не могли бы возникнуть, скажем, в наполеоновскую эпоху. Потребовалось столетие атеистической пропаганды, разрушение империй (Германской и Российской), экономический и политический хаос, чтобы появились Гитлер и Сталин. Нелишне заметить, что ни Наполеон, ни Гитлер, ни Сталин не прибегали ни к каким переворотам, установление диктатур в каждом случае происходило как бы законным эволюционным путем.

Вероятно, это случайность, но ни один из них не был «коренным» жителем той страны, в которой каждый из них установил деспотическую диктатуру. «Корсиканец» Бонапарт стал императором всей Франции, «австрияк» Гитлер стал диктатором послеверсальской Германии и вождем всего немецкого народа, «грузин» Сталин стал диктатором бывшей Российской Империи и вождем всех населяющих Советский Союз народов. Еще раз подтвердилось правило о пришествии «пророков» со стороны. Что же касается Ленина, то он просто не успел стать диктатором, а «культ личности» создали ему уже посмертно.

Однако «культ личности» Ленина и Сталина оказался весьма непрочным: «культ» Сталина стал разваливаться сразу же после его смерти, «культ» Ленина продержался около семидесяти лет (о «культе» Наполеона и Гитлера пусть судят и рассуждают сами французы и немцы). Мы лучше порассуждаем о соотечественниках.

В русской истории никому так не повезло, как первому российскому императору Петру Алексеевичу Романову. Его «культ» оказался не только долговечным, но и удивительно универсальным, несмотря на то, что простой народ считал его антихристом. Понятно, что

первого российского императора должны были чтить все последующие российские императоры, дабы не поставить под сомнение законность самой императорской власти. Но ведь было же у нас достаточное количество интеллектуальных бунтарей, да и просто свободомыслящих людей, однако мало кто из них (пожалуй, кроме славянофилов) серьезно восстал против «культа личности» Петра I. И уж до какого бесстыдства доходили наши социал-демократы, затаптывая в грязь всю русскую историю, но на Петра I они руку не поднимали, словно он был не российским императором, а русским революционером домарксова периода.

Когда же наши социал-демократы захватили в стране власть и стали называть себя большевиками, они на уровне государственного исторического принципа представили всю прошлую Русь как некое «темное царство», а Петру I отвели в нем роль единственного «светлого луча».

Ленин дает четкую установку: «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».

В одном коротком предложении вождь мирового пролетариата дважды соединил со словом «Русь» слово «варварство», а варварству самого Петра придал яркий оттенок вынужденности, чем опосредованно оправдал варварские методы самих большевиков.

Выступая 19 ноября 1928 года на пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)», то есть накануне погрома русской деревни, Сталин, следуя заветам Ильича, вдруг вспомнил давно усопшего российского монарха.

«Она, эта отсталость,— говорил Сталин,— чувствовалась как зло и раньше, в период дореволюционный, и после, в период пореволюционный. Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить за рамки отсталости...»

И не случайно, что через три года немецкий писатель Эмиль Людвиг спросит Сталина: «Сегодня, здесь, в Кремле, я видел некоторые реликвии Петра Великого, и первый вопрос, который я хочу Вам задать, следующий: допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?»

Сталин, разумеется, такую параллель отмел, но отмел он ее очень мягко, разведя эту параллель лишь с классовой точки зрения. Зато через несколько лет смекалистый Алексей Толстой напишет роман «Петр Первый», а наш кинематограф выпустит двухсерийный фильм под тем же названием. Это, кажется, был первый двухсерийный советский фильм.

Мы сейчас очень крепко ругаем советскую историческую науку и, как говорится, поделом. Признаюсь, и я в этом деле принимал и принимаю самое активное участие. Но тут не следует впадать в эйфорию: ломать не делать — душа не болит. А надо, чтобы душа при этом заболела, чтобы потянуло и на созидание. И первое, что нужно при этом сделать: избавиться от одного очень вредного предрассудка. Некоторые ошибочно полагают, будто все то, что писалось историками до семнадцатого года, как и то, что писалось прежде и пишется сейчас на Западе, неукоснительно стремилось и стремится к научной истине.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПУТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Как известно, после завершения работы над романом «Война и мир» Толстой приступил к тщательному изучению эпохи Петра I, намереваясь в дальнейшем написать исторический роман об этом ключевом периоде русской истории. Ознакомившись с трудами своего знаменитого современника историка С. Соловьева, Толстой делает такую запись: «Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, правеж, грубость, глупость, неумение ничего сделать... Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство?»

Не надо обладать фантастическими логическими способностями, великими познаниями в области исторической науки, феноменальной интуицией, достаточно только не сбиваться с пути здравого смысла и интеллектуальной честности, чтобы задаться теми же вопросами, что в свое время задался Толстой, как только затронул тему «Россия и Петр I».

«Больше всего мне досадны тупые возгласы против Петра Великого,— гневался государь Николай I,— досадно, когда говорят, а тем более нестерпимо, когда печатают. Петр Великий сделал, что мог, и даже больше, чем мог, и вправе ли мы теперь, при таком отдалении от той эпохи и в нашем незнании тогдашних обстоятельств, критиковать его действия и уничтожать его славу и славу России!»

Между прочим, Николай Павлович при желании мог бы и сам кое-что узнать и других просветить, если бы открыл «Архивы секретных дел времен Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы», к которым с великим трудом пробивался Толстой за два года до гибели царя-освободителя, царя-реформатора.

Так в чем же все-таки увидели славу Петра и славу России российские императоры, русские ученые и писатели, большевики и их великие вожди? Сформулируем кратко:

Положение первое: Петр I спас русский народ от невежества, лени, глупости, короче говоря, от того варварства, в котором до него пребывал.

Положение второе: Петр I прорубил «окно в Европу» и тем самым приобщил русский народ и российское государство к высокой европейской культуре, к научным знаниям, короче говоря, к цивилизации.

Положение третье: Петр I дал толчок к просвещению, развил торговлю и отечественную промышленность, короче говоря, обеспечил стране бурное экономическое развитие.

Положение четвертое: Петр I построил новую современную столицу по европейскому образцу и тем самым как бы вписал отсталую Россию в семью цивилизованных европейских народов.

Не станем обращаться к тем героическим временам, когда русские вели ожесточенную борьбу с татаро-монгольским нашествием и в конце концов одержали

победу, минуем и Смутное время, когда русские изгнали поляков из Москвы и из пределов своей страны, восстановив утраченную было государственность. Тут и ребенку ясно, что не глупость, лень и «неумение ничего сделать» помогли русским отстоять свою национальную независимость и свою веру в борьбе с Востоком и Западом.

Однако в природе и истории случается всякое. Возможно, как раз в предпетровскую эпоху что-то там на солнце или в чреве земном произошло такое, что русский народ разом и помимо своей воли поглупел и обленился. Вот тут-то и явился Петр-спаситель, разбудил, растормошил русский народ, указал ему пути праведные и тем спас от неминуемой погибели.

Предположения можно строить самые фантастические, но в нашем разговоре они не к месту. Обратимся лучше к свидетельствам современников Петра I, разумеется, не отечественных. К счастью, сохранились свидетельства и иностранцев, нечаянно оставивших потомкам свои суждения о России и о Русском народе. Нас в данном случае не будут интересовать субъективные эмоциональные оценки разных посольских людей, а вот их деловые наблюдения (теперь они квалифицировались бы как экономический шпионаж) представляют всесторонний интерес. И, к слову сказать, не даром ели казенный хлеб эти самые посольские люди, каждый из них сослужил своему отечеству немалую службу.

В 1633, 1636 и 1639 годах Адам Олеарий в составе голштинского посольства проделал путешествия в Московию и Персию. Скажу прямо, большой симпатии Олеарий к русскому народу не испытывал, но это и хорошо — тем ценнее его свидетельства.

«Что касается до ума русских,— доносил он,— то хотя они остроумны и хитры, но способности эти употребляют не на добрые и похвальные дела, а для достижения каких-нибудь личных выгод, пользы для себя и для удовлетворения своих желаний...

Свою смышленость и хитрость русские, между прочим, проявляют в торговом деле, весьма хорошо понимая, что и как купить или продать повыгоднее, и придумывают при этом все способы обмануть ближнего, чтобы получить себе всякого рода выгоду и барыш. Кто захотел бы их обмануть, тот должен обладать не малым умом».

Надо полагать, что этими качествами обладают торговые люди всех стран и народов, это, так сказать, универсальные профессиональные качества. Да и сам Олеарий — посольский человек — тоже, как говорится, был парень не промах и наблюдал за всем зорко. Подметил он одну и чисто национальную черту русского человека, которая как-то не вписывалась в его собственное национальное сознание.

«Если ж кому,— продолжал он,— удастся обмануть их самих как-нибудь, то они хвалят такого и считают мастером своего дела. Поэтому однажды несколько московских купцов очень просили одного голландца, который в торговле надул их на огромную сумму (как видим, «личных выгод и пользы для себя» искали не одни только русские.— *А. Л.*), чтобы он вступил в их общество и вел бы с ними вместе торговлю».

Правда, то были тридцатые годы, до Петра еще далековато... Тогда обратимся к более позднему свидетельству. Вот что, в частности, писал комиссар И. де Родес о русской торговле и русских купцах в 1653 году:

«В чем собственно состоят основы русской коммерции; достаточно всем известно, что **все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торги,** в чем нас удостоверяет ежедневный опыт, потому что все здесь от высшего до низшего только и думают, только и стараются, как бы здесь либо там нажиться. Нет сомнения, что в этом отношении **русская нация гораздо деятельнее всех остальных, взятых вместе»** (Выделено мной.— *А. Л.*).

Далее Родес пишет, что русские купцы жадны и так далее. Они, купив товар, дожидаются самых высоких цен порой годами. Деньги заплачены — а товар лежит. «А все это оттого,— пишет он,— что они жадны к большим барышам, не обращают внимания и не понимают, что маленький барыш при частом обороте приносит несравненно более выгоды».

Нет, здесь Родес оказался менее прозорливым, чем Олеарий, который тоже подметил некоторую странность русской торговли, однако вник в это дело более основательно. Русский купец покупает в Москве у английского купца сукно по 4 талера за локоть, а затем продает его мелким торговцам по более низкой цене, иногда даже по 3 талера за локоть. Сейчас бы, конечно, посмеялись: «Вот, мол, он — русский бизнес!»

А вот как толковал этот «бизнес» Олеарий: «Они берут одну или несколько штук сукна за условленную цену, с уплатой всего количества через полгода, или даже через год,— и затем тотчас распродают сукно мелким торговцам в розницу, по аршинам, на чистые деньги, и на эти вырученные чистые деньги они закупают другие товары, которые опять тотчас же продают, и таким образом в продолжение всего времени, которое имеют они до срока уплаты,— они делают денежный оборот три и даже более раза, и оттого получают, наконец, себе ч и с т у ю п р и б ы л ь».

Вероятно, английский купец думал, что он хорошо надувал русских купцов, продавая им сукно по 4 талера за локоть (цена была условлена, и тут уже действовали законы купеческой чести), но фактически он давал русским купцам полугодовой или даже годовой беспроцентный кредит, пуская который в многоразовый оборот, они покрывали проигрыш на купле-продаже сукна и имели еще большой барыш. Вероятно, Адам Смит и появился в Англии, а не в России потому, что еще за сто лет до его рождения русские купцы хорошо понимали хитрый механизм товарно-денежных отношений и для успешного претворения его в жизнь им не нужна была авторитетная санкция науки.

То были свидетельства тридцатых и пятидесятых годов, а теперь возьмем свидетельство семидесятых годов, когда уже на свет народился будущий преобразователь России, и таким образом охватим три поколения иностранных свидетелей.

«Гости суть царские коммерции советники и факторы,— писал член шведского посольства Иоган Кильбургер в 1674 году,— неограниченно управляют торговлей во всем государстве... между ними есть несколько немцев: Клинк Бернгард и Фогелер в Амстердаме, и Томас Келлерман в Москве... Она (Россия.— *А. Л.*) имеет то преимущество, что все ее жители, начиная от знатнейших до последних, л ю б я т т о р г о в л ю; отчего также в городе Москве более лавок, нежели в Амстердаме, или даже в целом ином государстве».

И конечно же: «К этому примолвить надобно и то, что русские купцы по большей части от природы склонны к обманам, и так в этом искусны, что и опытнейшие иностранные купцы попадаются от них в дураки.— Здесь есть пословица: на то щука в море, чтобы караси не дремали». На что другой автор как бы отвечает: «Странно, впрочем, что хотя московиты и не считают

обман за что-либо постыдное, а скорее за ловкий кунштюк, в то же время, однако, многие из них смотрят как на преступление — не вернуть лишние деньги, если кто-либо при денежном расчете ошибся и заплатил более, нежели следует».

Читаешь все это, и душа радуется: были же люди на Руси! На протяжении полувека, три поколения «экономических разведчиков» в один голос повторяли: умные, смекалистые, хитрые, оборотистые, ловкие в делах, пусть даже кому-то русские люди показались жадными и лживыми. Но не умом или лживостью отличались, оказывается, люди от иностранцев в допетровской Руси, а неизбывной веселостью, которая не покидала их даже в работе. Обманул их при сделке голландский купец, вернее, надул, а им весело — во, мастер! — и приглашают его в свою компанию. Надул русский иностранца при купле-продаже — радуется, а вот если тот просто ошибся при расчете, то есть по недоразумению, то деньги надо вернуть, присвоить такие деньги — преступление.

Хорошо, это все про купцов, хотя, как свидетельствовали те же посольские люди на Руси, все «начиная от знатнейших до последних любят торговлю», «все здесь от высшего до низшего только и думают... как бы нажиться». Прямо-таки нация торговцев! И куда потом все это делось?

Но вот уже не о купцах. Тот же Олеарий, то есть тридцатые годы:

«Особенно удивили меня русские золотых дел мастера, которые делают теперь серебряную с разными украшениями посуду с таким искусством и изяществом, что не уступают в том нисколько немцам...

Поэтому, если кто в каком-нибудь ремесле обладает особенным знанием или приемом (по-теперешнему, технологией.— *А. Л.*), которым хотел бы пользоваться он один, то он не должен показывать своего искусства никому русскому». Ну, прямо-таки сегодняшняя ситуация.

Да, нужно иметь очень своеобразную логику, или не иметь того, а «чего» я называть своим именем не буду, чтобы никого не обидеть, дабы назвать русских допетровской эпохи глупцами, лентяями, невеждами, которых надо палкой гнать, что на работу, что на учебу. И чему могли научиться русские у иностранцев? Было чему учиться, и учились, да так лихо, что учителя в ужас приходили от способностей своих учеников. И не стеснялись учиться (вспомним того же голландского купца-мастера). И, главное, охота была учиться. Продолжу цитату из Олеария: «Так вначале и поступал знаменитый литейный мастер Ганс Фальк, который требовал, чтобы во время отливки им и выделки значительнейших пушек и других предметов, русские подмастерья его оставляли его одного и уходили прочь. Теперь, впрочем, русские уже сами умеют лить большие пушки и колокола». Спасибо учителю.

Между прочим, Чернышевский в годы молодые прямо-таки боготворил Петра I. Это общеизвестно. А вот что он писал своему двоюродному брату Александру Пыпину уже после вилюйской ссылки:

«Русским времен Петра была нужна только свобода учиться... Приобрели ль они от Петра хоть маленькую свободу учиться? — Нет; он знал во всем только муштровку; и отправляемых за границу учиться он посылал лишь муштроваться по его инструкциям. Свободы учиться он не допускал... Палка за всякое движение, не предписанное регламентом, была одна и та же в ученом кабинете и на плац-параде. Россия была бедна; Петр разорил ее (это засвидетельствовано его помощниками, собравшимися на совещание о делах по его смерти). Русский народ имел уже влечение учиться. Он не в силах был искоренить влечение учиться; оно было уже привычно, хотя еще и слабо...».

К тому же, нельзя игнорировать и того обстоятельства, что русские расселились на тех широтах, где не растут на деревьях бананы и прочие дармовые плоды, они расселились там, где все водоемы на полгода покрываются льдом, а поля снегом, где солнце греет три-четыре месяца в году, а в остальное время, в лучшем случае, только светит. В этих местах ленивый да глупый, если с голоду не помрет, то замерзнет, а если не замерзнет, то с голоду помрет. А русский народ и с голоду не помер, и не замерз, да еще умудрился построить великое государство.

Что же касается пресловутого «окна в Европу» и всех разговоров о том, будто допетровская Русь отгородилась от Европы чуть ли не «китайской стеной», то это сущий вздор. Достаточно уже приведенных цитат, чтобы убедиться в том. Однако трудно избежать соблазна пройти мимо хотя бы вот таких свидетельств...

Проживавший в России племянник царского врача Яков Рейтенфельс (1670—1672) писал: «Могут, однако, и русские купцы выезжать за пределы отечества, но непременно с разрешения царя и с обязательством вернуться обратно. Они имеют даже вне своего отечества несколько складочных мест, пользующихся необычайной свободой, как, напр., в Гольме — в Швеции, в Вильне — в Литве, в Риге и Ревеле — в Ливонии и других соседних городах, куда они свозят товары и продают их без всякого стеснения».

И. Кильбургер в своем отчете о привезенных в Россию товарах за 1671 год через Архангельск, причем только немецких товаров, привел 144 наименования, а за предшествующий год назвал цифру таможенных пошлин Архангельского порта — 66 021 рубль.

А если мы посмотрим «Роспись иностранных офицеров и нижних чинов, назначенных для обучения людей в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах» (18 февраля 1649 год), то убедимся, как еще за тридцать с лишним лет до рождения Петра охотно приглашались даже на военную службу иностранцы. И не Бог весть какую роль играло прорубленное Петром «окно», когда задолго до того уже была сотворена «дверь», пусть и не круглосуточно распахнутая настежь.

Не станем распространяться о том, как истощило Россию строительство новой столицы. Скажем лишь несколько слов о бездумии самой этой затеи. Строить столицу вблизи государственной границы — безумие. Когда вся перспектива экономического развития России уже обозначилась юго-восточным направлением, переносить столицу в противоположном направлении — еще одно безумие. Повышать или понижать по службе можно чиновника, а не город. Не понимать этого — очередное безумие. А если еще учесть, что при сем была разрушена торгово-экономическая структура: Москва — Вологда — Архангельск, то можно уверенно сказать, что «слава Петра» явно расходилась с государственными интересами России.

Что касается просвещения при Петре I, то мы уже приводили на этот счет соображения Чернышевского. Теперь все-таки дадим несколько цифр. В бюджете на 1704 год при общем расходе в 3,5 миллиона рублей на просвещение выделялось всего 3786 рублей. В то же время «на сани Меншикову» бюджет выделял 325 рублей и еще давал ему взаймы 2000 рублей на постройку

дома. Лефорту бюджет выделял 200 рублей, а на «мелкие расходы (то есть неучтенные) выделялось 9412 рублей, то есть почти в три раза больше, чем на просвещение.

Как видим, просвещение покоилось на очень знакомом нам «остаточном принципе». Зато вот на военные расходы выделялось полтора миллиона рублей, то есть без малого полбюджета. И тоже очень знакомый нам принцип.

А вот совсем замечательная, с экономической точки зрения, история, рассказанная Д. Перри. На рубеже двух веков Петр I задумал соединить Волгу и Дон, поручив эту работу немцу, полковнику русской армии Брекелю. Тот дело завалил, ухлопав немалые деньги; приехал в Москву, «выхлопотал пашпорт для одного из слуг своих, под предлогом отправки его за границу для необходимых покупок по части работ, да и сам с этим пашпортом бежал из страны». Но Петр I от своего замысла не отступил. «Этою работой,— писал Перри,— я занимался три года сряду, в течение летних месяцев, и потребовал 30 000 человек работников...»

Каждую зиму Перри ездил в Москву и «собственноручно подавал царю список требуемого материала, особенно для постройки шлюзов». В 1701 году Петр I потерпел под Нарвой поражение. «В конце 1701 года,— продолжает Перри,— я получил приказание прекратить на время работу и оставить на месте одного из моих помощников, поручив наблюдать ему за тем, чтобы время и случайности не разрушили уже сделанного...»

Тому помощнику пришлось ждать два с половиной века. Этот рекордный долгострой был закончен лишь в 1952 году и назван именем Ленина, хотя, если по справедливости, он должен носить имя императора Петра I, который так любил рыть каналы. А история канала между Цной и Тверцом могла бы послужить прекрасным сюжетом для производственно-детективного романа.

Вообще-то мы излишне льстим большевикам, ведь даже командно-административную систему они придумали не сами, а заимствовали ее у Петра I. Приведу только несколько названий петровских указов, касающихся экономики.

«О запрещении ввоза сахара в Россию и об обязании заводчика Вестова усилить действие его сахарного завода и о подтверждении указов, касательно выпуска товаров».

«О приискании на Дону и в Воронежской губернии каменного угля и руд».

«О дозволении иностранцам свободно разведывать руды во всем государстве и устраивать металлические заводы, с платою в казну десятины из прибыли». Это как будто бы сегодняшний правительственный указ.

«О делании полотен шириною против приготовляемых в других европейских государствах».

«О утверждении Свинской ярмарки и сбора на ней пошлин на прежних основаниях».

И так далее, до бесконечности. Регламентация каждого шага не только в армии или в области просвещения, о чем говорил Чернышевский, но и в торговле, в промышленности — повсюду. Инициатива была убита у всех, начиная от крестьянина и кончая губернатором. Ведь тот самый астраханский губернатор князь Голицын «лишился своего места», а Перри поехал строить дальше, теперь уже в Воронеж.

Но это практика, а была еще и теория. 24 января 1722 года была учреждена «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины». Согласно этой «Табели» все служилые люди были разбиты на 14 классов, низшим был 14-й. 8-й класс давал право на звание потомственного дворянина. Но среди дворянства не было равенства. Так, 19-й (последний) пункт гласил: «Понеже такожде знатность и достоинство чина какой особы часто тем умаляется, когда убор и прочий поступок тем не сходствует, якоже на сопротив того многие разоряются, когда они в уборе выше чина своего и имения поступают: того ради напоминаем мы милостиво, чтоб каждый такой наряд, экипаж, и ливрею имел, как чин и характер его требует. По сему имеют все поступать, и штрафования и вящшего наказания остерегаться». И когда, к примеру, грибоедовский Фамусов говорит о своем покойном дяде: «Весь в орденах; езжал-то вечно цугом», то подразумевалось не богатство дяди, а его высокий чин, позволявший ему ездить цугом. Как у нас в номенклатуре: у одних бронированный «Зил», пониже — небронированный, еще пониже — «Волга», которая может быть односменной, двухсменной, круглосуточной, то есть и в том, и в другом случаях чин можно было определить по количеству «лошадиных сил». И тут большевики оказались плагиаторами.

Но Петр взял круто: регламентировались не только «лошадиные силы», сорта сукна, отделка и классность экипажей и так далее. Регламентировалось положение и поведение жен и детей.

«Действительные статс-дамы у ея Величества Государыни Императрицы следуют за женами действительных тайных советников.

Действительные камер-девицы имеют ранг с женами президентов от коллегий.

Гоф-дамы с женами бригадиров.

Гоф-девицы с женами полковников...»

Петр I заставил всех служить, но большинство не служило, а выслуживалось. Если до Петра, по свидетельству иностранцев, все от «высшего до низшего» торговали, то теперь «высшие» выслуживались или воровали, а «низшие» превратились в рабов.

Да, при Петре строились и заводы, и фабрики, и рудники, однако петровская промышленность оказалась такой же «потешной», какой некогда была его армия. Если рытье одного Волго-Донского канала потребовало 30 000 человек мужского пола (а подобных каналов строилось немало), то сколько человек было занято строительством заводов и фабрик, кораблей и дорог? А в петровской России населения было всего 14 миллионов. Но и это еще не все. Дворяне служили в армии или в государственных учреждениях, купцы и ремесленники были расписаны по гильдиям и цехам, весь свободный люд («гулящие люди») сделались крепостными или солдатами.

Но самое главное было то, что Петр I отнял у крестьян все гражданские права, сделав их, по существу, рабами. Если прежде помещик мог продать крестьян только с землей, то есть передать свою власть другому, то теперь крестьянина можно было продать на рынке, как в Америке негра. Если прежде крестьянин был крепок земле, то теперь он стал собственностью помещика.

«Здесь свобода крестьянина доведена до такого стеснения,— писал профессор Московского университета И. Д. Беляев,— что крестьянин помимо помещика ничего не мог ни продать, ни купить, ни даже в свободное время идти в работники на сторону или заниматься какими-либо отхожими промыслами. Мало того, помещик строит ему дом по своему образцу и признает его

только жильцом в этом доме, а не хозяином, и даже вмешивается в его семейные дела... помещик морит его трехдневным голодом за то, что он осмелился продать лишние или ненужные ему курицу или поросенка, помещик требует, чтобы у крестьянина на дворе было столько-то коров, лошадей, овец...»

Так по этому уставу строились наши колхозы, правда по сталинскому уставу требовалось, чтобы на дворе у крестьянина не было ни одной лошади, что неукоснительно и выполнялось.

Наши классики марксизма-ленинизма говорили, что Петр I действовал в интересах дворянства и купечества. А вот тот же И. Беляев говорил следующее: «Право дворян владеть недвижимыми имениями и иметь крепостных людей по закону покупалось их личною службою государству... Если же которые из них укрывались от службы, у тех описывалось в казну недвижимое имение или налагались другие штрафы... но само владение непременно было связано с государственною службою дворянина; без службы он не только лишался права на приобретение, но и терял то, что уже приобрел, чем владел по покупке или другой частной сделке».

А в конце своего царствования Петр I издал указ о единонаследии, когда недвижимое имущество мог наследовать только старший брат, а остальные, естественно, вынуждены были поступать на государеву службу. Купцы же могли покупать землю с крестьянами только те, которые занимались промышленностью. И жизнь приписанных к заводу крестьян была настоящей каторгой («Указ о приписке к заводам крестьян», «Указ о покупке к заводам деревень», 1721 год). Для иллюстрации приведу текст указа от 26 июля 1721 года «Об отсылке виновных баб и девок в берг- и мануфактур-коллегии для отдачи в работу на фабрики».

«Для ссылки в работу виновных баб и девок отсылать в берг- и мануфактур-коллегию, и отдавать из той коллегии компанейщикам, описывая, сколько которой лет в работе быть или по смерть, и содержать их при тех работах под караулом, давая им на пищу кормовые деньги по рассмотрению. Буде же чего к мануфактурным будет не отдано и за тем таковых отсылать в Москву, и отдавать по препории парусного дела на прядильные дворы и к прочим мануфактурным делам, и там содержать их по тому же».

А берг-коллегия, куда тоже посылались «виновные бабы и девки», ведала горной и рудной промышленностью. Это так, для полноты картины.

Вот вам и женское отделение ГУЛАГа и с пожизненным сроком («по смерть»), и с охранниками («под караулом»), и даже с пересылкой («отсылать в Москву»). Короче говоря, при «Медном всаднике» вся страна превратилась в громаднейший иерархический ГУЛАГ, и таким образом был убит внутренний рынок, а если нет развития внутреннего рынка, то не может развиваться и промышленность. Посмотрите на петровский таможенный тариф 1724 года, и вы увидите, что главный акцент ставился на удовлетворение нужд армии и высшей государственной элиты (предметы роскоши).

На государственном уровне порой царила настоящая дурь. Так, 28 мая 1711 года Сенат постановляет выслать на постоянное жительство в Азов и в Троецкой 300 человек мастеровых, в том числе и из Петербургской губернии, а 31 августа он же постановляет выслать «на вечное житье» в Петербург 2500 мастеровых, в том числе и из Азовской губернии. И тут речь шла не о крепостных, а о вольных людях. И больше всех здесь страдала Москва. Брали не только мастеровых и «работных» людей, но и одновременно накладывали денежные контрибуции.

И вот что доносил австрийский дипломат Оттон Плейер в 1710 году: «Съестные припасы с каждым годом поднимаются в цене, хлеба не так много, возовые лошади, которых должно употреблять для разной перевозки припасов, становятся реже, потому что на них надобно отправлять подводы и военные повозки в военный стан, а назад их приходит оттуда немного: в дороге изнуряются и падают от плохого присмотра; торговля в стране приходит в дурное положение... Царь теперь видит, что и простолюдины, и большие господа утомлены войною, опустошающею и разоряющею такие плодородные страны... Однакож он не дает заметить в себе расположения к миру...»

Северная война длилась 21 год (1700—1721), она не только истощила людские и материальные ресурсы страны в настоящем, но и заложила мину замедленного действия на будущее, поскольку виктория оказалась неполной. Во-первых, Россия по Ништадтскому договору обязывалась в течение 1722—1724 годов выплатить Швеции контрибуцию в размере 500 000 ефимков. А во-вторых, и это главное, Россия обязывалась «на вечные времена» ежегодно продавать Швеции хлеба на 50 000 рублей, «не платя никаких пошлин или иных налогов». Правда, Швеция допускала пропускать те годы, когда будет неурожай, и «Его Царское Величество принужден будет вывоз хлеба генерально всем нациям запретить», то есть Россия обязывалась сначала продать Швеции хлеба на 50 000 рублей и только потом уж распоряжаться оставшимся хлебом по своему усмотрению.

И первый удар по петровской империи-ГУЛАГу нанесли дворяне, когда они при Петре III и Екатерине II освободились от обязательной службы государю. Второй удар по этой империи нанес Пугачев, перепугав насмерть и навсегда крепостников всех рангов. Третий удар нанесла Отечественная война 1812 года, пробудившая в русском народе национальное самосознание. Четвертый удар нанесла реформа 1861 года, после чего начала рушиться вся петровская государственная структура. Пятый удар нанес февральский переворот 1917 года, но уже по возрождающейся Российской империи Александра II, Александра III и Николая II, расчистив дорогу большевикам. С октября того же года империя Петра начала восстанавливаться. И самую жестокую войну большевики объявили Церкви, которая могла примириться со многим, но только не с мыслью, что «единичный человек» может одновременно быть и Царем, и Богом.

Петр I не только осквернил церковь, но и подчинил ее на законодательном уровне государственному учреждению во главе с чиновником. Святейший Синод был прообразом будущих наших комитетов по делам религий...

22 октября 1721 года Сенат и Синод приняли указ «О поднесении царю Петру титула Императора Всероссийского и наименование Великого и Отца Отечества». А Сталин у нас величался «отцом народов».

Петр I оказался первым большевиком России. Сталин не последним.

Года два назад в одной из своих статей я писал, что история КПСС с октября 1917 года тесно связана с историей нашего народа, поскольку была правящей партией, но КПСС и большевизм — это не одно и то же. Теперь КПСС разрушена, пусть и варварски, то есть неконституционным путем, однако главный вопрос остался открытым: когда же исчезнет большевизм?

БОРИС НОСИК

ПРИВЕТ ЭМИГРАНТА, СВОБОДНЫЙ ПАРИЖ!

Дни и люди Первой русской эмиграции

Попав впервые в Париж если не «на постоянное», то на весьма долгое жительство, я обнаружил с удивлением, что мой прежний интерес к иностранным людям и нерусским проблемам я растерял где-то в прошлом, за чертой молодости. Безо всякого интереса оглядывал я в Марселе замок Иф, где содержали знаменитого «графа Монте-Кристо», зато с энтузиазмом искал портовый кабак, где юный Набоков наблюдал когда-то русских матросов и откуда писал письмо юной Вере, с которой только что познакомился в Берлине. А добравшись впервые до Ниццы, я стоял перед отелем, где жил Чехов, толкался среди старых эмигрантов на Бульваре Царевича и в русской церкви, раздумывал как бы мне добраться до Граса, до бунинской виллы Бельведер. В общем, я обнаружил, что интерес к чужой, экзотической культуре (а ведь был я с молодых ногтей англоман и западник) испарился, зато безмерно возрос интерес к судьбе русских, попадавших, как и сам я, вольно или невольно, на житье в прекрасные эти края и так же, как я, изнывавших по родному краю. Следы русских людей в этом краю волновали меня безмерно, я путешествовал по этим следам, отыскивал тех старых эмигрантов, кто был еще жив, расспрашивал, расспрашивал...

Спасибо молодому парижскому редактору (не много у меня за жизнь было таких снисходительных редакторов!) Льву Бруни, это он сказал: «Попробуй!» И я стал писать. Это были короткие радиопередачи для «Радио Франс Интернасьональ» — я читал их в парижской студии, а откуда-то из моей России приходили письма: спасибо, мол, интересно, расскажите еще про то или про это. Так я получил подтверждение тому, что ощущал и раньше,— что Первая русская эмиграция и ее люди вызывают сегодня немалый интерес у нас в России. Вот тогда я и решил собрать вместе свои беседы о людях и о жизни Первой эмиграции. Хотелось бы только уточнить для начала: то, что мы называем (и я тоже) Первой эмиграцией, это была, по существу, уже вторая русская эмиграция. По-настоящему первой была послереволюционная эмиграция начала века — 1905—1906 годов, да и до нее немало было русских эмигрантов из числа революционеров, людей, по тем или иным причинам неугодных правительству или просто застрявших за рубежом.

Я не выбирал для своих бесед «положительных» или «отрицательных» героев, «гениев» или «злодеев». Я хотел, чтобы через судьбы разнообразных, чаще всего, конечно, заметных людей стала понятнее специфика эмигрантской жизни, чтобы предстали перед вами и трудности ее, и метания, и драмы, и те богатства культуры и духа, которые унесли с собой (и развили на чужбине) удивительные люди России, те, к которым, слава Богу, относятся у нас нынче без прежней подозри-

По понятным причинам мы не имеем возможности опубликовать рукопись Б. Носика полиостью и, к сожалению, упускаем рассказы об Алданове, Махно, матери Марии, Деникине, Петлюре, Плевицкой... Надеемся, что мемуарами заинтересуются издатели, и читателям еще предстоит интересная встреча с героями Первой эмиграции.— *Ред.*

тельности и пренебрежения (помните это: «рассыпали — метелкой замели»?). Да что там, с должным относятся теперь почтением и любовью. Так что и песенная строка из времен моего детства, вынесенная мной в название бесед, получает сегодня для меня иное звучание. Песенка была все о той же загадочной, экзотической эмиграции — «эмигрантщине», которая представала на страницах талантливого, но ненадежного писателя-«возвращенца» А. Толстого. Героиня песенки — «черная моль», «фея из бара», да и вся атмосфера ресторанной «эмигрантской» экзотики, так пленявшая в пору нашей регламентированной, нищей юности, в песне присутствует. И вот теперь, когда я и все другое, суровое, аскетическое, веселое и трагическое, может, даже настоящее, истинное знаю про эмиграцию, строка про «свободный Париж» по-прежнему вертится у меня в голове — так, может, все же остается в ней смысл. Ведь писал же и серьезный Набоков о нищей свободе эмиграции в тяжкую пору российской несвободы, призывал не проклинать изгнанье. Потому что хоть и был он для эмигранта, этот Париж, подобно Берлину, не матерью, а мачехой русских городов, но все же была в нем у человека свобода (пусть это и «нищая свобода») оставаться самим собой. Вот и решил я сохранить в названии «свободный Париж» — чего-чего, а свободы Париж не отнимает у вас и нынче...

Хотелось бы в заключение поблагодарить тех, кто помогал мне в работе, удостаивал беседы, делился своими воспоминаниями, приносил мне письма и книги, кто был по-русски щедр, по-человечески добр ко мне, рабу Божьему (увы, многие уже не увидят этих строк, но молитва за них прольется) — Татьяну Осоргину-Бакунину, Зинаиду Шаховскую, Наталью Зайцеву-Сологуб, Андрея Сологуба, Бориса Лосского, Никиту Струве, Дмитрия Сеземана, Елену Сикорскую-Набокову, Всеволода Сикорского, Ивана Набокова, Наталью Кедрову, Веру Клячкину, Любовь Ширман, Ирину Одоевцеву, а также неизменных моих французских и русских помощников Татьяну Гладкову, Алика Хананье, Дени Гаскеса, Сильви Астрик, Алену Носик.

ЗА БАРАНКОЙ ТАКСИ
(князь Ю. А. Ширинский-Шихматов)

Среди деятелей Первой русской эмиграции князь Юрий Алексеевич Ширинский-Шихматов выделялся ярким характером, причудливым поворотом своей судьбы и трагизмом своей кончины.

Потомок по прямой линии самого что ни на есть Чингиз-хана, князь Ширинский-Шихматов вышел из верхнего слоя русской аристократии. Отец его был обер-прокурор Святейшего Синода и стоял на крайне правых позициях. Он любил говаривать в Государственном совете, что правее его — только стенка. Первая война застала молодого Юрия Ширинского-Шихматова кавалергардом. Вот как пишет об этом в своих мемуарах его младший приятель Василий Яновский: «Кавалергард, он воевал еще в «той» великой войне, когда рыцарские поединки не были совершенным исключением. Участвовал в глубоких разведках и кавалерийских рейдах...»

Яновский вспоминает, что в кабинете князя висели два портрета: первой его жены и любимой, прославленной породистой суки, победительницы собачьих выставок. У князя была даже своя теория выведения породистых собак. Кроме того, князь, конечно, великолепно разбирался в лошадях. Он помнил до тонкости все, что писали о лошадях русские писатели. В частности, он уверял Яновского, что у Толстого якобы неправильно — именно с лошадиной точки зрения — описана атака кавалергардов под Аустерлицем. Что якобы Толстой перепутал масть лошадей первого эскадрона.

В эмиграции князь Ширинский-Шихматов начинал свою политическую деятельность как ярый монархист. Но прожить одним монархизмом в эмиграции нельзя было — князю пришлось сесть за баранку такси. Тем более, появилась семья: князь Ширинский-Шихматов женился ни больше ни меньше как на вдове Бориса Савинкова и воспитывал его сына. Евгения Ивановна Савинкова была революционерка, брат ее когда-то спас из крепости ее будущего мужа, знаменитого боевика-эсера. Да она и сама привозила динамит в Финляндию. В такую вот среду попал монархист князь Юрий Алексеевич. И такая ему досталась работенка. Конечно, он не остался только работягой-таксистом: на стоянках он жадно читал в полумраке — читал произведения русских славянофилов, читал Бердяева и прочих. Как чтение, так и пролетарское его положение, и чуждое окружение, и эмигрантская неполноценность, нахождение на самом низу социальной лестницы и тоска по родине — все это не могло не повлиять на него (как, вероятно, и на самого Бердяева). Бердяев выпустил в ту пору свое «Новое средневековье», книгу, оказавшую на эмиграцию не меньшее влияние, чем, скажем, его «философия неравенства». Вслед за Леонтьевым, воскликнувшим: «О ненавистное равенство! О треклятый прогресс!», Бердяев с ненавистью писал в своей книге о демократии, о конституционизме, о гуманистической морали. Нужно радоваться, писал Бердяев, отмиранию демократии, тем более что в русских условиях — это не более, чем утопия. Правовой строй в России, права и свобода гражданина в русских условиях — все это, по мнению Бердяева, неправдоподобные утопии. Бердяев утверждал, что коммунизму нельзя противополагать гуманистические и либерально-демократические идеи, а только иерархию, только органическую соборность. А главное, доказывал Бердяев, в недемократических обществах может быть больше свободы, чем в демократических. Так что и зарождающийся фашизм неплох — хотя бы тем неплох, что направлен «против бессодержательного либерализма». И даже большевистская «сатанократия» и та лучше, чем демократия. Эти утверждения Бердяева имели огромное влияние на эмигрантские движения младороссов и солидаристов (будущий НТС). И те, и другие прошли искушения немецкого фашизма и советского патриотизма.

Князь Ширинский-Шихматов тоже убежденно писал об «иудаизации Запада», о Золотом Тельце Израиля: весь набор этих симпатичных идей можно найти в те годы в его национал-большевизме или, как он сам стал называть его,— национал-максимализме. Надежда у него теперь была не на возврат монархии, а на «углубление революции», надежда на националистические элементы внутри России, на армию и комсомол, на подсознательных национал-большевиков. Эти идеи князь высказывал в своих сборниках «Утверждения», которые он издавал на свои «извозчицкие» заработки.

Причины возникновения этих взглядов прослеживаются в одном из изданий Ширинского-Шихматова в гектографированном журнале «Завтра», где один из его последователей пишет: «Мы теперь на собственном опыте знаем, что «право на свободный труд» сводится к праву одних эксплуатировать труд других, к праву этих других свободно умирать с голоду». Если к перечисленным здесь идеям добавить веру в мессианскую роль России, Третьего Рима, радость по поводу сохранения большевиками границ империи, глубокое удовлетворение ростом антисемитизма в Советской России — то в общих чертах перед нами окажется набор идей, присутствовавших не только в национал-максимализме, но и в выступлениях вождя младороссов Казим-Бека и в заявлениях «Национального Союза Русской Молодежи», который позднее стал называться Национально-Трудовой Союз (НТС), единственной политической организации эмиграции, дожившей до наших дней. Конечно, эти партии даже до войны не дошли неизменными. Но в начале тридцатых они пылко разоблачали демократические свободы (благо демократические свободы Франции позволяли им это делать), с энтузиазмом похваливали «плеяду борцов за новый социальный порядок и прочный социальный мир», во главе которой шли Гитлер, Муссолини, Салазар, Освальд Мосли и другие светлые личности, смело боровшиеся против либерализма и демократии. В те годы князь Ширинский-Шихматов хвастал, что он еще в 1917 году изобрел национал-социализм. И надо признать, что Гитлер и впрямь не был таким уж новатором. Он щедро черпал из русского опыта, социалистического опыта, соединенного с русским же черносотенным опытом.

Однако чем ближе был фашизм к власти, тем прозрачнее становились его цели, искусно прикрываемые разговорами о еврейском капитале. И когда в июле 1933 года по инициативе Ширинского-Шихматова собрался первый съезд представителей всех русских «национал-максималистов», «утвержденцев», «националистов-христиан», «четвероросcов» и попросту национал-социалистов (такие были среди эмигрантов тоже) и был принят ими устав Объединения пореволюционных течений, то там, вопреки ожиданиям, уже не было ничего ни про Золотой Телец Израиля, ни про еврейский капитал, ни про комсомол и советскую армию. Там было про христианскую этику как основу правосознания и права, про христианскую правду как социальную правду, про смысл Революции как порыв к творчеству новых форм жизни. Там были лозунги, отстаивающие свободу выборов, собраний и союзов, признание частной инициативы, прекращение насильственной коллективизации деревни, раскрепощение творчества от ига социального заказа. А с годами все дальше уходили русские эмигранты от соблазна черных и коричневых рубашек. Все чаще слышались признания младороссов о том, что их «доктрина России» близка «издревле русской мечте: устроения всех людей в правде и братской любви».

Когда же настоящий фашист Гитлер захватил Чехословакию, вождь младороссов Казим-Бек, чьи ребята подражали раньше фашистскому ритуалу, во всеуслышанье заявил, что «немцам надо знать, что... симпатии русских патриотов будут на стороне Великобритании и Франции», что «они будут бороться с Германией во имя русской правды». А когда немецкие фашисты объявили войну Франции, Казим-Бек послал телеграмму Даладье с заявлением, что он и все члены младоросской партии отдают себя в полное распоряжение французского правительства для борьбы против Германии. Газета младороссов писала тогда: «Страшная мораль пангерманизма, облеченная ныне в форму коричневого большевизма «пролетарской» германской нации, угрожает всем духовным ценностям человечества». Так кончился роман правых русских с национал-фашизмом.

Что до князя Юрия Алексеевича Ширинского-Шихматова, то Яновский вспоминает, что в августе 1940 года, когда немцы были уже в Париже, князь Ширинский-Шихматов навестил в больнице Порт-Руаяль жену Яновского, которая только что родила дочку. «В беседе с женой,— пишет Яновский,— Ширинский-Шихматов... вскользь упомянул, что ищет удобного случая, чтобы надеть на рукав желтую (еврейскую) повязку».

Позднее кто-то донес на князя фашистам, и он попал в лагерь. Рассказывают, что в лагере князь Юрий Алексеевич Ширинский-Шихматов заступился за какого-то заключенного и был насмерть забит эсэсовцами.

ИКОНА, БЛАГОЧЕСТИЕ, КРАСОТА...
(В. П. Рябушинский)

Гуляя однажды среди современных вилл и дач близ станции Куаньер за Версалем, я набрел на старый низкий деревянный заборчик с православным крестом на калитке. Калитка была приоткрыта, я вошел и очутился в запущенном саду на краю оврага. Виднелась небольшая церквушка, а за ней — снова деревья. Это и был Святодуховский скит, о котором мне уже приходилось читать... Среди деревьев я обнаружил крошечные деревянные домики, скорей даже будки, соединенные между собою трубой водяного отопления. В окнах можно было разглядеть бледные лица иноков, склоненные над работой. Иноки писали иконы. Те из них, с кем мне удалось разговориться, да, кажется, и остальные тоже, были французы. Они назвали имя своего учителя — инока Григория, похороненного под апсидой небольшой церкви, которая видна была у входа. Об иконописце Григории, в миру Григории Ивановиче Круге, мне доводилось слышать, я читал его книгу о почитании икон в церкви и о значении священных образов русской иконописи, о главных русских иконах и нерукотворном лике Христа, в основе которого — вочеловечение Божие. О веселом юноше Григории Круге из времен ее юности вспоминала как-то при мне певица Наташа Кедрова...

Инок Григорий скончался во время тихой беседы в 1969 году, и знаменитая французская газета «Ла Круа» писала тогда, что умер последний настоящий иконописец, для которого икона была молитвой и сам акт иконописания был актом молитвы... Может, эти слова, которые я вычитал когда-то в предисловии к книге Григория Круга, помешали мне сейчас слишком уж приставать с расспросами к погруженным в свой труд молодым иконописцам в тесных хижинах Святодуховского скита под Версалем...

Технику иконописи Григорий Круг изучал у знаменитого Федорова, старосты русской иконописной артели при обществе «Икона». Среди живописцев «Иконы», кроме Федорова и Круга, были такие значительные иконописцы, как княжна Львова и супруга архитектора Альберта Бенуа, расписавшая прекрасную церковь на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

Общество «Икона» создано было старообрядцем Владимиром Павловичем Рябушинским в 1927 году, он же был его бессменным председателем на протяжении четверти века, после чего передал бразды правления Исцеленову. Интерес к старым русским иконам безмерно вырос в России в начале века и особенно после 1905 года. О иконе тогда много писали, появились серьезные собиратели и исследователи иконы. Таким был, в частности, брат Владимира Павловича Рябушинского Степан Павлович. Потом для русской церкви и для русской иконы наступили роковые годы и десятилетия. Церкви

подвергались разграблению, иконы гибли, закрывались иконописные мастерские. Кое-какие центры чудом уцелели, но уже в ином качестве. Речь идет о промысле ростовской финифти и о Палехе, где стали писать цветочки, сказочные сюжеты, портреты вождей.

Но в эмиграции страстные поклонники и знатоки русской иконы во главе с Рябушинским создали общество «Икона», чтобы не дать оборваться начавшемуся возрождению.

Владимир Павлович происходил из богатейшего старообрядческого купеческого рода Рябушинских. Проходя в Москве близ Никитской площади, обратите внимание на дом близ церкви Вознесения, той, в которой венчался Пушкин. Это особняк начала века в стиле «модерн» — тот самый, в котором после триумфального и трагического возвращения в Москву на широкую ногу разместился Максим Горький — вместе с семейством, челядью, наружным и внутренним наблюдением (а рядом, во дворе — и другой талантливый нувориш, писатель Алексей Толстой). В этом особняке и жили до революции Рябушинские.

То, что Владимир Павлович Рябушинский принадлежал к старообрядческому роду, немаловажно. Разбогатевшие старообрядцы сыграли огромную роль в новой истории России. Все эти Рябушинские, Мамонтовы, Морозовы, Щукины проявляли не только трудолюбие и торгово-промышленные таланты,— они еще блюли традиционное благочестие, покровительствовали искусству, собирали богатейшие коллекции произведений искусства и библиотеки, давали деньги на науку, а также щедро жертвовали (может, памятуя о веках гонений на старообрядцев) на революционное движение. Нынче эти рассказы о предприимчивости, благочестии, трудолюбии и талантах русских старообрядцев — как легенды прошлого. И все же — обратите внимание на мастериц, продающих и сегодня расписные пасхальные яички, матрешек, копилки-грибки на оскудевших московских рынках: они ведь тоже из старообрядческих сел — из Полхова-Майдана, из Крутца. Отправившись в поездку по местам, где уцелели русские промыслы, вы непременно попадете в старообрядческие села — и в Заволжье, и по берегам северных рек, и в Холмогорах, и в Палехе... Это там сохранилась резьба по кости, роспись, лепка из глины, резьба по дереву... В старообрядческих семьях передавалось в поколениях глубочайшее почитание старинной книги и старинной иконы. Вот в этой атмосфере вырос и будущий эмигрант Владимир Павлович Рябушинский.

Для него икона была не только опорою религиозного чувства, но еще и источником оптимизма, веры в народные силы. В то время, как у многих эмигрантов все происшедшее в 1917 году, в годы Гражданской войны, военного коммунизма, пятилеток и семилеток, особенно у монархистов, у правых, подорвало всякую веру в русский народ (каких только уничижительных эпитетов не прилагали к этому народу графоманы типа монархиста Федора Винберга!), для Рябушинского главной всегда оставалась вера в здравый смысл русского мужика, в его терпеливость, выносливость и сметливость. И корнем этой веры была для него привязанность русского народа к основам древнего русского благочестия. Древнее русское православие пронизывало, по убеждению Рябушинского, весь быт, да и самую экономику старой России. Недаром же такую роль сыграли в этой экономике благочестивые старообрядцы.

Вы скажете, что тут немало от интеллигентского русского идеализма. Что ж, возразить мне нечего: Владимир Павлович Рябушинский был истинный русский интеллигент, выпускник Гейдельбергского университета.

В многочисленных статьях, напечатанных Рябушинским в эмигрантских журналах и газетах,— страстная защита русской иконы как высокого искусства, обоснование ее преимуществ перед теми миловидными, сладостно приятными поделками на религиозные сюжеты, которыми полны лавочки, окружающие и сегодня прекрасную парижскую площадь Сан-Сюльпис и которые получили вследствие этого расхожее название «ар Сан-Сюльпис», искусство Святого Сюльпития, или Святого Сульпиция. Святой, как вы поняли, не имеет отношения к этим поделкам, а прекрасная площадь с фонтаном — только косвенное. В послевоенную пору, уже в пятидесятые годы, Рябушинский с удовлетворением отмечал рост авторитета русской иконы в просвещенном французском обществе. То, что я рассказывал в начале беседы о Святодуховском ските, да и многие другие факты, служат свидетельством известной популярности православия в интеллигентских кругах французов.

Мне же лично приходилось видеть православные русские иконы во многих столичных и провинциальных католических храмах как Франции, так и Италии. В знаменитой парижской церкви Сан-Северэн отец Шнейдер часто собирает паству перед иконой Богородицы Умиление, чтобы там произнести самую важную часть своей проповеди.

Говоря в своих статьях о кризисе западного религиозного искусства, Рябушинский указывал как на его источник на глубокий кризис веры, который переживает религиозный Запад. Отсюда и поиски многих людей Запада, которые Рябушинский описывал так: «Религиозность Запада ищет освободиться от той обмирщенности подавления духа плотью и ума рассудком, достигших апогея в конце XIX века. Начался же этот процесс уже в XIII веке».

Рябушинский сочувственно цитирует французских религиозных писателей и искусствоведов, говоривших, что Христа не должно писать ни сверхчеловеком, ни прекрасным телом греческим героем, ни добрым милым товарищем, ни нежным другом. Христос, Символ Веры, есть Сын Божий — Истинный Бог.

Рябушинский пишет:

«Существует иерархия красоты: на низу лестницы — пригожее, хорошенькое, миленькое,— потом идет красивое, прекрасное — всем этим можно восхищаться, но, конечно, все это все-таки от царства плоти и души, но не духа. Идем выше по лестнице — вступаем в область возвышенного — горы, снежные вершины, и еще дальше — звездное небо, бесконечность разверзается перед нами — преддверье духа — небо над нами и нравственный закон внутри нас.

Много грехов простятся Канту за его слова: «Все это Красота и дальше, выше и выше, вступаем в область неисповедимого».

Дионисий Ареопагит пишет: «Если речь идет о сверхсущественном, прекрасном, его называют также Красотой... Очевидно, это и есть Христос-Бог».

Читая слова Рябушинского, так и видишь одну из последних его фотографий: бородатый, слепой старик убеждает в чем-то собеседников темпераментным жестом. На столе, среди чужих бумаг — его палка слепца. После пылкой речи он, вспоминая о допущенных им резких фразах или критических выпадах, всегда глубоко кланялся, извиняясь перед теми, кого, может, ненароком обидел...

ЗВЕНЬЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ.

Выпуск 1. М., Прогресс-Феникс — Athene-um, 1991. 624 с., ил. 50000 экз.

«Все наши публикации строятся на факте, будь то архивный документ, устиое или письменное свидетельство, статические даиные, экспедициониые материалы или что-то еще»,— утверждают составители первого выпуска уникального альманаха, задуманного и осуществленного Всесоюзным добровольным историко-просветительским обществом «Мемориал».

В выпуске — документированные исследования С. Максудова о потерях населения СССР в годы коллективизации и Ф. Перчёнка — о деятельиости Академии Наук в период «Великого перелома», публикации, повествующие о «деле врачей» и Норильском восстании 1953 года, разгоне Еврейского антифашистского комитета и географии ГУЛАГа...

В последующих выпусках «Звеньев» речь пойдет о национальных и религиозных преследованиях, репрессиях послесталинской эпохи. И пусть не остановит вдумчивого читателя относительно высокая цена книги (вып. 1 — 9 руб. 50 коп.) — эта работа зримо выделяется среди лавины публикаций о так называемых белых пятнах. Отрадно и то, что часть средств от реализации книги будет передана в фонд помощи жертвам репрессий.

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Краткий очерк. Издание старообрядческой Митрополии Московской и Всея Руси. М., 1991. 38 с. (библиотека журнала «Церковь»).

На смену моиументальиым творениям типа «Краткого курса истории ВКП(б)» или незабвенной «Истории КПСС» серого цвета под редакцией академика Б. Н. Пономарева приходят совсем другие книги. Интересен уже сам факт того, что история старообрядческой церкви иаписаиа самими старообрядцами. Неиавязчиво, живо и образно излагаются основиые вехи старообрядческого прошлого. Как и миогие другие события нашей истории, церковиый раскол и его последствия до иедавнего времени трактовались по меньшей мере субъективно. Тем любопытнее получить краткое, но целостное представление о собственных взглядах старообрядцев на драматические события середииы XVII века, повлекшие за собой трехвековое соперничество сторонников и противников реформ патриарха Никона. Вы узнаете основиые факты о церковном правлеиии, духовиых центрах, разделениях в старообрядчестве.

Старообрядчество — это ие только одно из религиозных иаправлеиий, но и уникальный опыт трехсотлетнего выживания в экстремальных исторических условиях, который значим для всех русских людей.

АНАНЬИЧ Б. В. БАНКИРСКИЕ ДОМА В РОССИИ 1860—1914 ГГ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.

Л., «Наука», 1991. 201 с. 6200 экз.

Были ли в России достойные представители банковского мира, подобные Мендельсоиам и Ротшильдам? На этот ключевой вопрос автор отвечает вполне утвердительио. Так случилось, что работа Б. В. Ананьича — первая в нашей науке, специально посвященная истории банкирского промысла в России. Построив свое исследование в форме очерков о крупнейших банкирских домах конца XIX — начала XX веков («И. Е. Гинцбург», «Л. Поляков» и «Братья Рябушинские»), «автор стремился... установить в каждом отдельном случае источники обогащения основателей банкирских домов, условия их возникновения, а также характер предпринимательства» (с.5). Эволюция и падеиие семейиого предпринимательства весьма поучительиы для наших сегодняшних пионеров бизнеса

ПЕТР КРАСНОВ

ЗА ЧЕРТОПОЛОХОМ

УТОПИЯ, КРОВЬЮ УМЫТАЯ

Генерал Петр Краснов участвовал и в русско-японской войне, и в боях первой русской революции, и в первой мировой, и в гражданской. Обладая определенным даром беллетриста, Краснов быстро выдвинулся в число наиболее плодовитых писателей русской эмиграции. П. Струве, впрочем, отмечал, что «это была, если не совсем литература вне литературы, то литература около литературы».

Если генералом Краснов стал только в 45 лет, то писать рассказы начал уже в 12. От первых публикаций в «Русском инвалиде», «Ниве», «Военном сборнике» и других газетах и журналах он уверенно и быстро продвигается к созданию книг.

Начиная с 1893 года Краснов выпускает одну за другой книги самого различного содержания: «На озере», «Донские казачьи полки сто лет назад», «Суворов», «По Азии: очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии», «Казаки в Абиссинии», «Любовь абиссинки». Документально-биографическая основа большинства его произведений очевидна. Краснов успел прослужить начальником конвоя Российской императорской миссии в Аддис-Абебе, а в 1901 году направлен на Дальний Восток в качестве «этнографа с погонами».

До революции была написана самая знаменитая вещь Краснова — переведенный на 17 языков сборник новелл «Венок на могилу неизвестного солдата императорской российской армии».

И с беспомощными стараниями графоманов, и с «Войной и миром» сравнивали многотомный роман «От Двуглавого Орла к красному знамени» — эпопею, охватывающую десятилетия русской истории. Написанный очень неровно, роман этот долгое время имел колоссальный успех на книжном рынке (естественно, зарубежном).

XX век успел уже в 20-е годы приучить читателей сочувственно откликаться на шовинистические проявления: человечество еще не усвоило уроков фашизма. Грань между патриотизмом и шовинизмом подобна лезвию хорошо заточенного ножа. Не каждый может удержаться на ней. Петру Краснову не удалось. Впрочем, он и не пытался удерживаться. Намеки, тонкая игра, вкрадчивый шепот, полутона — не его стихия.

Он пугал эмигрантов громовыми раскатами, ужасами современной им России — и те боялись, справедливо боялись, ибо Россия той поры была действительно страшна и враждебна им. Для Краснова она страшна прежде всего тем, что потеряла Бога. С возвращением к Богу он, верующий, связывал светлую веру в Россию. Но возвращение это он, военный, видел только через кровь, через насилие, через новые убийства.

Конечно, о каких-либо художественных достоинствах красновской прозы можно говорить весьма условно. Однако в романах его — прежде всего «За чертополохом», впервые опубликованном в Берлине в 1921 году, а затем доработанном,— отразился монархический идеал будущего, занимавший многие тысячи русских эмигрантов. Ради воплощения этого идеала Краснов поднял оружие против России и вступил в гитлеровскую армию.

Полигоном для воплощения его монархических прожектов должен был стать Дон. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. Донское государство не состоялось. Гитлер был разбит. Краснов попал в плен к союзникам. Выданный Сталину вместе с власовцами, был казнен как изменник.

В октябре 1921 года, обращаясь к казакам с открытым письмом, Краснов восклицал: «За мной не стоит никакая политическая партия, никакое иноземное государство, я стою перед вами один, ни от кого не зависящий, никому не подчиненный, ни от кого ничего не получающий. А потому я имею возможность сказать вам всю правду».

Его правда оказалась правдой зависимой. Чтобы воплотить ее, пришлось поступиться многим, но жажда омыть Россию кровью большевистских вождей-«инородцев» оказалась сильнее даже патриотизма. Монархическая утопия поработила генерала, и только смерть избавила его от этого рабства.

Печатается в отрывках по изд.: За чертополохом. Изд. 2-е, испр. и доп. автором. Фантастический роман. Рига. Грамату Драугсъ, 1928.

Комментарий и публикация кандидата филологических наук
Б. ЛАНИНА

VI

Доктор Клейст достал большую карту и разложил ее на столе.

— Мой юный друг, я повторю вам историю последних сорока лет. ...Я начну с момента крушения. В 192* году страшный неурожай захватил все великое Российское государство. Правительство, состоящее из отъявленных негодяев, из отбросов общества, из убийц и каторжан, думало только о том, чтобы спасти самих себя. Глухо, смутно доносились до Европы и Америки вопли погибающих от голода. Знающие положение люди говорили, что спасти можно только тем, чтобы одновременно с хлебом дать твердую, сильную власть. Вместе с хлебом должны были идти войска, разоружить преступников, заставить работать и дать хлеб умирающим... Но помните, помните... я и имена всех их знаю... Россию строили тогда и указывали ей пути спасения те, кто не знали ни России, ни ее народа... Масарик, Крамарж, Ллойд-Джордж, Бриан, Вильсон, Керзон, американские рабочие, немецкие коммунисты говорили о том, какою должна быть Россия. Они все кричали о демократии, и им вторили Российские эмигранты, разжиревшие на чужих хлебах и смотревшие на Россию сквозь иноземные очки. В России умирали от голода, в России метались голодные, обезумевшие люди. В России дрались из-за корки хлеба, из-за трупа собаки, а за границей спорили, судили, рядили и, наконец, отправили несколько кораблей с хлебом. На пристанях разыгрались ужасные сцены. Солдаты красной армии, члены правительства штыками и пулеметами отбили себе хлеб. Мешки с мукою были пропитаны человеческой кровью. Те доблестные американские граждане, которые пытались защитить хлеб и протестовать против насилия, были схвачены и замучены в чрезвычайных комиссиях. Семена, присланные для посева, были съедены, и правительство укрепило свою власть. В 192... году не выпало ни одного дождя, ни одна нива не была запахана, ни одно животное не уцелело. Но когда дошли вопли о голоде до Европы, Европа осталась глухою. А потом, вы сами мне рассказывали то, что слышали от вашей матушки. III Интернационал пошел войной против всей Европы. Должен был быть «последний решительный бой». И вот: измена ли немецких наемных летчиков, несчастный ли случай, кто знает? — И горы трупов, сраженных газами, а потом мухи, мошкара — и чума.

Все это, помню я, тяжело отражалось и на европейских государствах. Несколько лет прошло в страшном кипении коммунистических идей в пограничных государствах, волна их едва не захватила Германию. О судьбах России никто не думал. В 19** году шотландец Мак-Кинли снарядил экспедицию. Корабли вошли в горло Финского залива и приближались к Кронштадту. Туча мелких мух облепила их, и начали обнаруживаться чумные заболевания среди экипажа. Мак-Кинли повернул обратно. В 19** году француз Петэн на особенном аэроплане достиг высоты Псков — Киев. Он увидел сплошное зеленое море, перемежаемое черными пространствами выгоревшей от солнца земли. Нигде не было признака жизни. В 19** году немецкий пароход «Гинденбург» подошел в Черном море к Анапе, но напуганный ожиданием чумы, экипаж возмутился, убил капитана, и пароход ушел... Попыток было множество. Ни одна не достигла своей цели. На карте на месте бывшей Российской империи теперь изображается черное пятно, и на нем красными буквами написано: «Чума»... Вот что говорит нам история. Громадное, великое племя погибло бесследно.

— Я этому не верю,— сказал Коренев.— Я никогда этому не верил. Мальчиком, в школе, глядя на это черное пятно, я говорил: «Это неправда». Я повторял себе: «Тут что-то не так». Никто не пошел, ибо все были трусы, а если храбро пойти и узнать самому, что там? Сорок лет! И мухи успели подохнуть. Я не боюсь. У меня нет страха, но одна любовь, одна жажда знания!..

Герой с говорящей «почвеннической» фамилией — Коренев — и его спутники пробились сквозь заросли чертополоха и попали в страну монархической утопии, столь милой сердцу Краснова. Инородцы живут, «но не правят». Имперское сознание — торжествует! Завсегдатай утопических произведений — герой-проводник — начинает свой рассказ. Ред.

XXII

— А в те поры зима уже к весне поворачивала. Оно не то, что колоса или зерна какого, а соломины не найдешь, и одонье-то признаешь только потому, что шест скирдовый торчит.

Вздохнул народ; значит помирать приходится. Однако, все одно, делать нечего. Пошел кое-как в поле одонье разыскивать. Было хмуро и сумрачно в поле. Метель задувала. Непаханая земля тяжелыми комьями выдавалась из-под сдутого снега. Страшно было пустое поле, как мертвец лежала земля. Помню, шли сзади меня две старушки древние, тихие, шатались, как тени, и хотелось мне пошутить над ними, по-красноармейски, цыкнуть на них: пошли, мол, проклятые, куда лезете! Обернулся... И так то мне вдруг жалко стало их. Идут, друг дружку поддерживают, помогают, плачут... И вошел, значит, в те поры Христос в сердце мое.— «Не ходите, родные», кричу им, «я вам наберу зерна, принесу». Сели они на камушки в сторонке, глядят на меня и не верят. А идти-то тяжело, босые они, ноги черные, а земля бугроватая, жесткая, обледенелая, колкая... В тумане замаячил передо мною, как веха, шест от одонья. С прошлого года скирдов не клали, боялись, что советская власть заберет, у кого и был хлеб, так больше под землею прятали. Что за чудо! Штук шесть зайцев порскнули от шеста. Давно мы такого зверя не видали. Повыдох в ту зиму и заяц-то! Ну, думаю, не иначе, как священник правду сказал: «Бог хлебушка послал». И подлинно, лежит зерно. Не так чтобы много, а достаточно. Хватит. С полпуда наскрести можно. Наскреб я полную полу шинели, иду к старушонкам. Лежат они на меже возле камня — тихие, холодные, мертвые, с голода, значит, померли. Не принял Господь моей жертвы. В те поры много народа так от слабости помирало по полям, по дорогам. Их и не хоронил никто.

Старик пожевал губами, посмотрел в окно и замолчал.

— Ну, дальше как, дедушка? — сказал Коренев.— Говоришь, с полпуда зерна набрал. Долго ли проживешь на полпуда? А поля обсеменять как же?

— Да... вот тогда-то это и началось. Пришел я, сходил на мельницу, а там уже много народа было, всяк принес, что нашел и у каждого оказалось с полпуда. Ну замесили мы хлеба, наелись и повеселели. Пошли и в другой раз по одоньям и опять наскребли: значит, Господь Бог посылает. Не иначе, как Он... И пошло, государи мои, опять все по-старому. Кто половчее, самогонку курить стал да обменивать на зерно. Ведь, признаться вам, при рабоче-то крестьянской власти все мы спекулянтами стали и с живого человека шкуру драли, а власти над нами никакой. Коммунисты да комиссары, кто за границу удрал, кого толпа прикончила, кто на аэропланах в армии погиб, ведь тогда, когда армия погибла и голод шел по Руси, такие еврейские погромы шли, что вспоминать и посейчас страшно. Начисто истреблял еврейское племя обезумелый народ, и остановить его было некому. И вдруг слух по селу: — В России Император объявился. Кто? Где? Доподлинно никто не знал. Слышно только стало, что зовут Всеволодом, что сам он молодой, прекрасный, как ангел, и спустился будто на белой лошади с Уральских гор, а за ним воинство несметное, и все на лошадях, в серебре. И лошади белые, и сами в белом, а на груди и на шапках кресты. Никто не видал, а все знали и рассказывали так точно, как бы своими очами глядели. Под утро,— я еще пьяный, не проспавшись, на лавке лежал — слышу, у волостного правления труба трубит. Я в кавалерии служил, значит, сигналы разбирать умел: сбор играют. Только труба не наша. Наша все сипела как-то, а эта серебрологосая, так и звенит, заливается. «Что такое», думаю, «уже не опять ли война братоубийственная». Так куды воевать, все еле дышут, что с одоньев сберут, тем и питаются. Стал я сапоги красноармейские обувать, с расстрелянного генерала мне достались.— Не лезут. Что такое,— ноги, что ли опухли? Босой я остался. Подошел к оконцу, растворил. А весна, знаете, уже стала, дух от полей хороший, самое время пахать. По деревне староста Елисей Ермилыч, что при Государе Николае II был, бежит, сам в лох-

мотьях, а цепь достал откуда-то, двуглавый орел на груди сияет. «Всем,— кричит,— беспременно и незамедлительно на площадь итить!» — «Что за митинг такой?» — думаю.— «Не приехали ли комиссары?» Так нет. Не одел бы при них Елисей Ермилыч цепь царскую. Красную повязку нацепил бы. Ну, думаю, быть беде: — кончилась наша вольная волюшка! А сердце докладывает, кончился, мол, и голод лютый, смертоубийственный.

Старик задумался. Лицо его светлело, точно в памяти вставала неотразимо прекрасная картина. Никто не перебивал его. Никто не напоминал ему: знали, что сам скажет, что ищет в сердце своем тех слов, которыми рассказать то, что было.

— На площади,— продолжал дед Шагин,— солнышко светит. По углам травка-муравка зеленая иголочки показывает. Золотой налой стоит у самой церкви, священник в старенькой ризе, порватой, крест и Евангелие лежат. А рядом на белом коне всадник. Кафтан на нем белый, мехом опушен, шапка белая острая, собольим мехом отороченная. На середине крест осьмиконечный, православный сияет. При боку сабля вся серебром обложенная; конь под ним светло-серый, холеный, сытый, в серебро шерсть отливает. Сзади него человек двадцать солдатов, так же, как он, одетых. Есть и молодые и постарше. Ну, сурьезные такие,— не похожи на красную армию, ну и не добровольцы, те больше в английском ходили, а эти одеты все одинаково, чисто, богато. Кони под ними все, как один,— серые, чистые, гладкие, грызут удила. На седлах чепраки синие, белыми нитками шитые, и в заднем углу вензель под короной.

Собрался народ. Многие товарищи тоже дело понимали, пришли с винтовками.

— Все собрались? — спрашивает офицер у старосты.

— Все,— говорит староста.

— Снимите,— говорит офицер,— шапки!

Ну, кто снял, а кто замешкался. Петухов коммунист вперед выдвинулся, ружье за штык за собою волокет.

— Вы,— говорит,— товарищ, кто будете, что такую контрреволюцию разводите?

А он поверх его поглядел и говорит:

— Снимите шапки.

Гляжу, все сняли.

— И Петухов снял? — спросил порывисто Дятлов.

— Снял и Петухов,— ответил старик.

— Но почему же, почему же сняли? — снова спросил Дятлов, и бледное лицо его покраснело.— Ведь вас, говорите, все село было... Много... А их двадцать человек...

— Нас... человек пятьсот, не считая баб, было. И поболе половины оруженные.

— А их только двадцать!

— Да хоть бы он и один был — все одно сняли бы,— сказал старик.

— Но почему? — спросил Дятлов. Он сильно волновался.— Ведь поймите, дедушка, тогда вы одним этим жестом, одною покорностью этою, от всех завоеваний революции отреклись. Под царскую палку шли! Как же это можно! Ведь это: — реакция, реакция!..

— И слава Тебе, Господи, что так вышло,— сказал старик.— Вишь, какие мы теперь стали... Россия... Российская Империя!..

— Ах, не понимаю этого! — воскликнул Дятлов.— Почему вы сняли шапки?

— Видим, что он настоящий офицер. Власть имеет. Не оборванец в английской шинелишке, что про завоевания революции кричит и тебя боится, а насквозь Русский и чистый, белый. Зря не убьет, не ограбит, взятки не возьмет. Серьезный очень.

— И дальше? — спросил живо заинтересованный Клейст.

— А дальше стал он читать: — «По указу Его Императорского Величества» и вышло: — всякая война прекращается, красная армия распускается по домам, каждому обратиться к мирному труду, вспомнить Господа и приступить к обработке той земли, которой владел до 1917 года, а дальнейшая прирезка будет сделана немедленно распоряжением сельского начальства. А сельским начальником этим — вот этот самый офицер. И приказал принести сейчас присягу на верность Государю Императору Всеволоду Михайловичу.

— И принесли? — спросил Дятлов и даже встал в волнении со скамьи, на которой сидел.

— Вышел Петухов,— сказал дед,— и говорит: — «Товарищи, позвольте объясниться по текущему моменту». Офицер только руку протянул, выскочило два молодца, схватили его под зебры и убрали. Ну... мы присягнули. И Бога и Царя мы обрели тогда!

XXIII

— Целую неделю мы говели, Богу молились, во всех грехах каялись, потом в субботу приобщились,— продолжал свой рассказ Дед Семен,— такой был приказ от начальства. За эту неделю лошадей рабочих пригнали, коров, машины привезли, роздали по хозяйствам и записали за каждым: — кто сколько должен отдать хлебом. Отчистили и починили хлебный магазин, нашему лавочнику Игнату Карвовскому разрешили лавку открыть со свободной продажей, и поехал он в город. Объявили, что всякие деньги: царские, печатанные после 1916 года, Думские, Керенки, Советские, Донские, Деникинские, Украинские, Северо-Западные, Архангельские — никакой цены не имеют и могут быть уничтожены, а выпущены новые деньги-ассигнации, золотая, серебряная и медная монета, которая только и имеет хождение. За каждую работу нам платили по расчету восемь гривен рабочий день, а сколько часов: — дадут урок, и твоя воля — хоть в три часа поднатужься и кончи, хоть полсуток возись... Ну, только урок не особо большой был — кончить можно.

Весна стояла хорошая, ясная, теплая. Вышел от Государя приказ землю пахать. Ну, кто вышел, а кто и поленился. Хоть и охочи мы были до земли и соскучились по ней, а только при коммунистах отвыкли работать. Я не вышел, остался в избе, сижу, думаю, как это обернулось, к хорошему или к худому? С одной стороны, какая же это свобода, когда все по приказу, с другой стороны — проработал я на кладбище два дня, трупы мы хоронили, могилки обделывали и украшали, рубль шесть гривен получил, зашел в лавку к Карвовскому, а у него ситцы разбирают. «Почем аршин?» — спрашиваю. «Двадцать три копейки», отвечает. «Это что же», думаю, «благодать». Хлеба у нас не было,— по одоньям-то все забрали, а у Карвовского мука,— четыре копейки фунт,— жить можно. Лежу это я на полатях, размышляю себе, вдруг староста кличет. Выхожу. Бледный он такой, расстроенный. «Вы,— говорит,— Семен Сидорович, что же не выступили на пахоту-то?» — «А ну его к бесу, не желаю и все». «Начальник вас просит». Любопытно мне это стало. Как это так, меня, свободного человека после завоеваниев революции и заставить, чтобы свою собственную землю пахать! Пошел. Стоит у моей полосы начальник, на коне, и с ним трубач.

— Вы, говорит, Шагин, почему не пашете? Вы приказ мой знали?

— Знал,— говорю,— а только не захотел.

— Теперь, говорит, не ваша воля, а Государева, и что именем Государя указано, то и будет.

— Ну, это,— говорю,— ладно. Мы еще посмотрим!

— Ах, молодец,— вырвалось у Дятлова.

— Н-да... И хотел я идти. А он, спокойно, не повышая голоса, говорит: — «Если завтра, к двенадцати часам ваша полоса не будет вспахана, заборонена и подготовлена к посеву, то я с вами разделаюсь».— «Это,— говорю,— мой интерес и вас не касаемо». И выругался я, знаете, по коммунистической манере, скверным словом. Нахмурился начальник. «Шагин,— говорит,— эти большевицкие приемы и ухватки бросьте. Народ озверел теперь. За такие слова языки режут, и нам с ним не управиться. Да и прав он: — грех великий семью поносить!» — Я повернулся к нему спиной, засвистал и пошел, заложив руки в карманы. Решил ничего не пахать.

— Правильно! — сказал Дятлов.

— Погоди хвалить, барин,— презрительно произнес, подчеркивая слово «барин», Семен Сидорович.— Иду назад, а у самого села Петухов, коммунист, со мной стрекнулся. Морда опухла, в синяках вся, сам шатается. — «Где же вас так, товарищ?» — говорю я. Мычит только. Кулаками на село грозится. Рот открыл, а там, страшно глядеть,— заместо языка черный обрубок болтается. Ну, понял я, что не шутки. Коли народ миром, да за дело взялся, да Царя поддержать хочет — тут беда. Побежал я домой, запряг лошадь, мне назначенную, в плуг, забрал борону и поехал. До ночи пахал, при луне боронил — все Богу молился — пронеси Господь! Лошадь домой привел, прибрал, почистил, а сам с граблями, да землю-то еще вручную граблями бархатил до рассвета. И стала она у меня к полудню, что твой сад. Пух, а не земля. Навозом подбросил, аромат идет — прямо «разочарование» одно. В двенадцать часов стал я на флангу своего поля и жду. Вижу едет. Я шапку скинул и вытянулся по-солдатски. Он улыбнулся ласково и говорит: «Ну, спасибо, Шагин. Знал, что не обманешь. Хороший мужик». И верите,— мальчишка он, ему лет двадцать, не больше, я мужик здоровый, могучий, крови пролил, этой самой буржуйской, без числа и меры, а стало мне от его ласкового слова тепло на душе. Крикнул я что есть мочи: «Рад стараться, ваше благородие». Знаете, то ли Бог смилостивился над нами, то ли забоялись начальника, пахали, боронили, засевали, окучивали мы тщательно, то ли семена нам дали хорошие, ну только осенью такой урожай был у нас, и на хлеб, и на лен, и на картофель, и на капусту, и на все, не только хватило, но стали ссыпать в магазин, долги платить за лошадей, за скот, за машины, за семена. Поправились мы...

XXVI

Уселись, кто на тахте, кто в креслах, старик сел у окна, зажмурился, провел большою, широкою ладонью по лицу, крякнул, вздохнул и начал:

— На трех китах, государи мои, зиждется жизнь человеческая: земля, собственность и власть. И за них потоками лилась и льется кровь, потоками густыми. И остановить эти потоки кровяные может только вера христианская, на любви основанная, и врагами этой веры являются социалисты.

— Это не совсем так,— сказал Дятлов.

Старый воевода посмотрел на него, как на пустое место, и продолжал:

— Еще до освобождения крестьян от крепостной зависимости вселили мы народу Русскому зависть к земле. Он и четырех десятин обработать не может, а ему подавай двадцать, ему сто подавай! И так разжигали эту страсть, что к началу нынешнего столетия все остальные чувства из души его вытравили. Одно лежало в сердце его: — земля! — «Земли!» — кричал батрак, «Земли!» — требовал киргиз, «Земли!» — требовал рабочий. «Земля общая, земля Божья»,— говорили социалисты, которые и в Бога не верили.— «Нет в собственность!».

— Под знаменем «Земля — трудящемуся на ней» прошел русский бунт 1917 года, и обагрилась земля Русская кровью человеческой, как еще не обагрялась до той поры никогда. Шесть лет длилась смута, шесть лет бились за землю, брали ее, захватывали, а обрабатывать боялись, понеже чуяли, что земля не их. И земля не давалась им в руки и ничего не родила. Люди давились землею и умирали от голода. Положение государства, если только можно было назвать Советский Союз государством, было отчаянным. Народ, забывший Бога, дикий, темный, невоспитанный, так распустился, что стал опасен для самой власти. И вот тогда решено было бросить голодные орды за границу. Под лозунгами «Социалистическое государство не может существовать, если оно окружено государствами буржуазными, капиталистическими» и «Мы на горе всем буржуям — мировой пожар раздуем» — были собраны на всех рубежах несметные полчища, вооруженные газовыми ручными гранатами. Организация этого похода была так плоха, что на третий день армия оказалась без продовольствия. В ней произошли бунты. Стали избивать начальников. Тогда коммунисты взвились над армией на самолетах и сбросили в нее бомбы с ужасными газами. Восемьдесят миллионов самого худшего, развращенного коммунистами народа — задохлось. Сами коммунисты сгорели на упавших самолетах... Вопрос о земле решился сам собой. Там, где без тесноты жило сто восемьдесят миллионов Русского населения, осталось не более ста. Земли лежали пустыми, и говорить о земле не приходилось. С вопросом о земле решился и вопрос о собственности, и из рук социалистов было выкинуто самое главное их оружие. Да и социалисты почти все погибли вместе с голодным народом. Решать вопрос о власти над умирающим от голода народом, над городами, лежащими в развалинах, ни у кого не было охоты. Вожди — большевики — одни были перебиты, другие бежали заблаговременно за границу, социалистов так презирали в народе, что они не смели возвысить голоса. Партии были рассеяны. Им не верили. Их главари были уличены друг другом в воровстве, хищениях, спекуляции и других гадких деяниях. Они так грызлись между собой, так обливали друг друга помоями, что никто из них не мог овладеть властью. Единственное чистое имя было — имя Патриарха, и около него и духовенства стали соединяться люди Русские. В эти дни мы и услыхали о появлении Императора.

Дверь растворилась, и жена Стольникова, одетая в длинное, темное платье, усеянное самоцветными камнями и золотыми филиграновыми пуговицами, в высоком русском кокошнике вошла в кабинет с подносом со стаканами и большим серебряным кунганом, наполненным пуншем. Она поклонилась старику, поставила поднос на небольшой столик и молча вышла.

Старик стал наливать пунш в стаканы и раздавать его гостям.

XXVII

— Император появился в Туркестане,— так продолжал Стольников свой рассказ.— Он сошел с Алатауских гор, а туда, по словам одних, прибыл из Лхасы, по словам других — из Памира. Он был подлинный Романов, и никто не сомневался в том, что у него все права на престол. Это был юноша пятнадцати лет, с царственной осанкой, с прекрасным лицом, с большими лучистыми глазами. Он был одет в белый казакин тонкого сукна, шапку, отороченную мехом соболя, на нем была драгоценная шашка, украшенная золотом и брильянтами. Около трех тысяч всадников сопровождало его. Все они, и сам Император сидели на небольших, белых, как снег, арабских лошадях. Сзади шел караван верблюдов. Императора тотчас же признали, и ему присягнули на верность текинцы, выставившие два полка по тысяче человек на великолепных конях. Ажганский эмир признал его. В Бухаре и Хиве советская власть была свергнута, восстановлены эмиры, выставившие по полку конницы в распоряжение Императора. Он, царственно дивный, юный, обворожительный, двигался на Фергану, верхом, окруженный полчищами пестро одетых всадников. Он шел походом, медленно, как шел Тамерлан, и по мере движения его на севере все покорилось ему, и все его признавали. Из своего конвоя он оставлял на пройденных местах людей и сажал их на воеводства. Так образовались воеводства — Ферганское, Сыр-Дарьинское и Семиреченское.

(...)

— Я расскажу вам, пока батюшка отдохнет немного, два случая.

Заложил Ионов в бытность атаманом только что образованного Семиреченского войска на месте киргизского становища Алма-аты — город Верный и насадил подле него богатейший сад. Потом он должен был уехать по делам, и, когда вернулся, нашел сад посохшим, так как казаки запустили орошавшие его арыки. Он собрал казаков и перепорол их на месте сада. После этого насадили сад снова, и сейчас этот полузапущенный таинственный сад-парк — лучшее украшение Верного... Куропаткин, во время похода на Кульджу, остановился недалеко от границы, в пустыне у горного ручья Усека и задумал построить город. Его туркестанские линейцы и сибирские казаки согнали таранчей и дунган, приказали копать арыки, распланировали военной правильности город с широчайшими улицами, проспектами, площадями, насадили сады фруктовые, аллеи тополевые и карагачевые, посадили ждигду душистую, и возник город Джаркент. Скобелев с Анненковым в один год проложили железную дорогу на тысячу верст по убийственной пустыне Закаспия — это в то время, когда инженерное строительство в России очень невысоко стояло... Это были люди, полные порывов творчества.

— Вы одобряете порку? — спросил Дятлов.

— Нет, сын мой хотел привести пример тому, что творчество требует единичной личности, героя, гения, творца. Творчество не терпит коллектива, комиссии, совета, творчество — не демократично. Господь Бог единый творил небо и землю...

— Да, если верить всему этому вздору,— тихо проговорил Дятлов и отрицательно покачал головою.

— Россия лежала в обломках,— продолжал свой рассказ старик. Души людей были запакощены и источены коммунистическим воспитанием, тела умирали от голода и болезней. Народ дошел до отчаяния. Россия нуждалась в творчестве, и потому никакой коллектив не мог ею управлять. Нужна была единая воля над всей Россией, нужны были Куропаткины, Ионовы, Муравьевы по всем ее областям.

— И это все сделал,— сказал Клейст,— юноша, почти ребенок, назвавший себя императором и таинственно появившийся откуда-то из недр Центральной Азии. Похоже на сказку!

— Сказка и была,— сказал Стольников-младший.— Было чудо милосердия Божия. Господь услышал молитвы грешных людей... Он был «грезой мечты золотой», звавший в царство радости и счастья, он только миловал и никогда не казнил. Он был Царь — Помазанник Божий, и его имя было священно. С ним шел и его именем распоряжался атаман Аничков. Его биографию вы найдете в каждом Русском доме.

...Стольников-старший, прихлебывавший в это время из своего стакана пунш, поставил его на стол и стал продолжать прерванный рассказ.

— Способ управления был прост. Это был тот способ, который знал Моисей и о котором говорится в Библии. Над каждою областью, примерно над каждыми ста тысячами населения — ставился «тьмы-начальник» воевода, из числа людей, собравшихся со всей России и верных императору, и образовывалось воеводство. Воевода над каждыми десятью тысячами ставил — «десятитысячного начальника» из местных людей, известных честностью и бескорыстием, дальше следовали тысяченачальники, пятисотенные, сотенные начальники, или головы — все эти лица были по назначению. Только десятские были выборными от десятков. Аничков разделил строго: *или земля и собственность, или власть*. Тот, кто имеет землю и собственность, тот не может начальствовать над другими. Тот, кто призван царем, должен по завету Христову оставить все имущество и идти за царем. Все, что вы видите кругом — дом, сад, огород, пашни, лошадей, мебель, картины, посуду, белье — это все не мое и не моего сына: это все Государственное. Вы видите на бокалах с одной стороны герб города Пскова, а с другой — две буквы «В» и «П» — Воеводство Псковское. Мы *ничего* не имеем. Этим пресечено желание обогатиться, этим уничтожено желание брать взятки, этим люди власти всецело отданы на служение государству... Так началась борьба с разрухою Российской... Когда царь, окруженный войсками, перевалил через Уральский хребет и стал двигаться по Каме, к Волге, из Москвы к нему вышел навстречу Патриарх, окруженный духовным синклитом с чудотворными иконами, хоругвями, сопровождаемый народом. Куда ни приходили эти толпы верующих людей, всюду находилось для них достаточно хлеба. Перед Волгой произошла встреча Государя с Патриархом. Была ранняя весна и четвертая крестопоклонная неделя Великого поста.

(...) У старого Стольникова слезы показались на глазах. Он не мог продолжать рассказ и знаком показал сыну, чтобы тот досказал за него.

— За царскою ратью,— сказал молодой Стольников,— монголы гнали стада быков, коров, баранов, овец и лошадей, и каждое животное несло на себе в мешках зерно на целые два месяца: до новой травы — своего пропитания. Этот скот, под ответственностью начальников, стали раздавать крестьянам. На Пасху, в Светлое Христово Воскресенье, Царь с Патриархом вошли в Москву и в Успенском соборе служили заутреню. После семилетнего молчания ожила Москва гулом колоколов всех сорока сороков церквей.

ВИКТОР БОНДАРЕВ,
обозреватель журнала «Родина»

СОЦИАЛИЗМ — ИСЧЕЗАЮЩАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Фото Михаила СЕРДЮКОВА

Хорошо известно, что суждения современников о своем времени и о себе далеки от объективности. На понимание происходящего накладывают отпечаток страсти и интересы, предубеждения и господствующие стереотипы. «Сова Минервы вылетает в сумерки», «история пишет серым по серому»,— так характеризовал подобную ситуацию Гегель. Если же происходит революция, то есть коренное изменение всей общественной жизни, сопровождающееся разрушением «до основания» существующих социальных институтов и механизмов, то, как правило, все предшествующее отрицается напрочь.

Всего за несколько лет в глазах большинства коммунизм из «светлого будущего всего человечества» превратился в абсолютное зло. Маятник истории качнулся в другую сторону, состоялось отрицание отрицания, и ныне мы опять, как и в начале века, стремимся в Европу, хотим стать частью современной цивилизации. Но для того, чтобы снова не ошибиться, надо трезво, без гнева и пристрастия, провести расчеты с прошлым.

АНТИМИР

Известно сравнение Москвы с Третьим Римом. Это сравнение можно расширить: в 1917 году новые «варвары» разрушили Третий Рим, как в свое время другие варвары повергли в прах Первый. Речь идет, естественно, не о городах, а об империях — Римской и Российской. Но

и здесь аналогия не кончается. Германские племена через века из обломков империи, а также на основе своей варварской культуры построили новую цивилизацию. Нечто подобное, но в более короткие сроки сделали люди, которые проживали на территории бывшей Российской империи. Они назвали новую социальную систему социализмом. Другие называли ее «империей зла». По-видимому, спор о наименовании не имеет особого смысла. Каждый народ имеет право называть свое государство, как он захочет. В конце концов, для большинства людей в мире коммунизм и социализм — это то, что существовало в Восточной Европе и значительной части Азии.

Есть достаточно много оснований для того, чтобы социализм признать одной из многих цивилизаций, существовавших в истории человечества. Конечно, на первый взгляд называть социализм таким почтительным термином — это сомнительная манипуляция, поскольку возникают подозрения в желании как-то реабилитировать коммунизм, признать его чем-то нормальным. Все же речь идет не о защите отжившей системы. Описывая рабовладение как исторический феномен, мы ведь не ставим под сомнение бесчеловечность рабства, и, разбираясь с социализмом, мы точно так же не претендуем на защиту тоталитаризма. К тому же, слово «цивилизация» используется в разных смыслах и нередко выражает не столь уж безусловно позитивное содержание. Еще Кант разделил цивилизацию и культуру, а после него было сказано немало недобрых слов о цивилизации как о материальной основе и источнике всех бед человечества, связанных с разрушением природы и культуры.

В данном случае термин «цивилизация» используется в общепринятом для нашего времени смысле. Речь идет о той трактовке, которую использовали Н. Я. Данилевский, А. Тойнби и вслед за ними многие другие: цивилизация — это социокультурная целостность, отличная от других, обладающая определенными временными и территориальными границами. Или, если более буквально следовать Тойнби, это определенный пространственно-временной регион, включавший, как правило, группу стран с определенной общностью духовных особенностей. Не трудно доказать, что социализм существовал на определенной территории в определенное время и обладал очевидными социокультурными особенностями, которые весьма резко отличали его от всего остального мира. Некоторое затруднение вызывает сочетание «духовные особенности», поскольку сегодня социализм считается символом бездуховности. Тем не менее, люди жили, имели определенную систему ценностей и идеалов, поэтому и под этим углом зрения противоречия нет. Впрочем дальше мы вернемся к этой проблеме. Пока же, вспоминая шпенглеровское определение цивилизации как последней стадии развития культуры, можно отметить, что социализм времен Брежнева по сложности государственного устройства, эффективности производства, военной мощи и даже правам человека превосходил большинство из известных цивилизаций, а следовательно, имеет право на включение в их список.

Сколько цивилизаций знает история? Сегодня однозначного ответа на этот вопрос нет, поскольку нет и жестких критериев их выделения. Известно, что когда-то Тойнби выделял 21. Сейчас одних только древних цивилизаций можно насчитать несколько десятков. Коммунистические идеологи в застойное время уже доказывали, что социализм представляет собой особую цивилизацию, и, безусловно, были частично правы. Нельзя же не признать, что за «железным занавесом» была иная жизнь. Неправда заключалась в другом, в том, что социализм они помещали по оси социального прогресса вслед за капитализмом. Наверное, социализм на этой оси вообще никак не присутствует, или, точнее, его трудно туда пристроить хотя бы на какое-нибудь место. Эта цивилизация вобрала в себя черты азиатских деспотий с безграничной властью султанов и ханов, феодальные социальные институты с их корпоративными структурами, пороки капитализма, связанные с безграничной индустриализацией и урбанизацией, эффективность рабовладения с его возможностями мобилизации тысяч бесправных людей на огромные стройки, империализм Древнего Рима с его безудержной военной экспансией и многое другое.

Всякая цивилизация отличается от других — это входит в ее определение. Однако социализм не просто иной, он возник как прямое отрицание предшествующего социального порядка. Можно сказать, что это своеобразный «антимир». Эта черта социализма вроде бы неплохо описана Оруэллом: мир — это война, правда — это ложь и т. д. Все же перед нами свидетельства современника, далеко не беспристрастные, а потому в чем-то и не совсем точные. Кроме того, здесь мы имеем взгляд извне. По-видимому, говоря об антимире, лучше использовать аналогии из физики, в которой «антимиры», «антивещество» характеризуют простую противоположность, смену знака на обратный и не включают оценочных суждений, хотя полностью отказаться от них невозможно.

Последние века события в мире идут явно под гегемонией одной — западной — цивилизации. Однако культурологи давно отказались от европоцентризма, признав необходимость понимания любой цивилизации, прежде всего исходя из ее внутренней логики развития, ее особенностей. Людей, живших в условиях новой цивилизации, можно сравнить с эмигрантами, покинувшими Старый Свет и оказавшимися в ином мире. Правда, территориально они остались там же, где и были, но «железный занавес» отделил их от других стран и народов. Если первое поколение еще можно осуждать за содеянное — разрушение старого порядка, гражданскую войну,— то второе и последующие поколения фактически утратили прямую связь с иными мирами, с предшествующей цивилизацией. Они стали «инопланетянами» на своей же Земле. Поэтому судить о происходившем надо с учетом этой «инаковости», той логики, которая предопределяла жизнь и поведение людей, а не только опираясь на шкалу общечеловеческих, а на самом деле — западных ценностей.

СОЦИАЛИЗМ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Исследуя различные цивилизации, ученые используют данные археологии, сложные методы анализа для определения дат, расшифровки сохранившихся текстов. Для будущих культурологов социализм оставил немало специфических памятников материальной культуры, великое множество текстов, следы быта людей, которые наглядно будут характеризовать данную цивилизацию.

Многочисленные статуи и бюсты, коммуналки и «хрущобы» с совмещенными санузлами, помпезные здания сталинского «ампира» и партийные дворцы в центре городов,

разрушенные церкви и мечети донесут до потомков духовные особенности социалистической цивилизации. Однообразная, но периодически меняющаяся топонимика, а также архитектура социализма позволят будущим археологам и через тысячи лет датировать время сооружения любого объекта с точностью до «пятилетки». Недостроенные «стройки века», искусственные моря, поглотившие плодородные равнины, и высохшие в результате экологических катастроф моря и реки, кладбища сельскохозяйственной техники, колючая проволока и массовые захоронения расскажут об экономической и политической стороне цивилизации. Затонувшие корабли и подводные лодки, ядерные могильники, арсеналы, заполненные оружием массового поражения, и особенно Чернобыльская АЭС, ставшая материальным символом обреченности социализма, будут долго напоминать о той опасности, которую социализм нес человечеству. Даже после смерти социализм не оставлял человека, отмечая его могилу памятником со звездой.

Все же не стоит перетруждать будущих исследователей, и пока мы еще помним, что из себя представлял социализм, можем сами его описать. Вынесем за скобки причины его появления, это — особая тема. Социализм как новая цивилизация имеет вполне определенную дату рождения — 7 ноября 1917 года. И хотя он появился под несоциалистическими лозунгами: мир — народам, земля — крестьянам, оснований для сомнений нет: все началось с большевистского переворота.

Каждая цивилизация проходит в своем развитии определенные стадии. Можно говорить о переходном периоде, в течение которого были возможны возвратные движения, были альтернативы. 1929 год явственно выступает как год перелома, когда процесс пошел в одном направлении. Пятилетний план, коллективизация привели к тому, что социализм, к несчастью, победил, но, как показала история, все же не окончательно. Можно поверить сталинским идеологам, которые в 1936 году возвестили миру о том, что построены основы социализма. Наверное, это было правильно. Ведь как раз к этому времени сформировались основные социальные институты, которые в будущем обеспечивали его жизнедеятельность: плановая система вместе с хозяйственной структурой, партийно-государственная номенклатура, репрессивные органы с ГУЛАГом, колхозно-совхозная крепостная система и т. д.

Достаточно очевидно, что после смерти Сталина начался новый этап. Он характерен тем, что социализм становится более «цивилизованным». Прекращаются массовые репрессии, идет массовое жилищное строительство, освобождаются от «прикрепления» к земле колхозники, реально растет благосостояние людей, повышается образовательный уровень. Достижения в освоении космоса, оборонном комплексе превращают СССР в сверхдержаву. Это время расцвета и мощи социализма.

В 70-е годы постепенно усиливаются негативные тенденции. Замедляется научно-техническое развитие, нарастает бюрократизация и коррупция, начинается неумолимое разложение идеологической системы. Происходит деградация социализма, которая после 1985 года переходит в процесс разложения, а с 1989 года — в распад. 1991 год можно считать годом смерти социалистической цивилизации в СССР.

Территория, на которой существовала социалистическая цивилизация, включала десятки государств. Она намного превосходила и империю Александра Македонского, и Древний Рим, и даже Британскую империю. Если взять площадь СССР вместе с восточноевропейскими и азиатскими «братьями по лагерю», прибавить сюда Китай, который более десятка лет послушно следовал в фарватере за «старшим братом», то можно было насчитать полтора миллиарда человек и четверть земной суши. При этом был еще анклав в Западном полушарии и десятки «вассалов» в Африке и Азии. Если назвать все это «империей», то можно с уверенностью сказать, что никогда до этого в истории и, скорее всего, никогда в будущем Россия не была и не будет столь важным фактором мировой истории. И если сейчас монголы с почтением вспоминают Чингисхана, то можно предположить, что будущие потомки с изумлением будут узнавать о деяниях своих предков, о том периоде, когда СССР вершил судьбами мира и поставил под сомнение само существование человечества. Пусть это была «империя зла», но сам факт ее появления и относительно длительное существование во многом предопределил судьбы человечества.

РЕЛИГИЯ КОММУНИЗМА

Можно ли назвать коммунизм религией? Рафинированные культурологи и нынешние многочисленные искатели веры могут возражать, приводя многочисленные аргументы. Но ведь даже отсутствие богов не есть убедительное опровержение. Их нет и в конфуцианстве, которое составляет нравственную основу жизни более миллиарда людей. Что касается прочих атрибутов культа, то их было сверхдостаточно, начиная со святых мощей в мавзолее и кончая достаточно изощренной догматикой, доступной лишь посвященным. Бердяев писал: «В коммунизме есть здоровое, верное и вполне согласное с христианством понимание жизни каждого человека как служения сверхличной цели, как служения не себе, а великому целому... В коммунизме есть также верная идея, что человек призван в соединении с другими людьми регулировать и организовывать социальную космическую жизнь».

Без особых натяжек можно утверждать, что вместе с победой большевиков стала утверждаться новая крупная общемировая религия — коммунизм. Она в той или иной степени охватила весь мир. Известно, что христианству потребовались века для того, чтобы стать господствующим и прийти в согласие с государством. Ислам сразу же стал утверждаться как государственная религия. В этом отношении коммунизм мало чем отличается от него, поэтому не случайно, что в среднеазиатских республиках процессы декоммунизации идут относительно медленно.

Почему, собственно, победил марксизм? А не все ли равно, какая версия социализма привилась бы в России? Кампанелла, Фурье, Брей, Грей, Родбертус почти с таким же успехом могли стать родоначальниками новой веры, впрочем, как и десяток других утопистов. На Западе этого добра хватало. И как когда-то предки позаимствовали православие, так и их потомки импортировали идеологию из-за рубежа. Маркс победил на рынке социалистических идей хотя бы потому, что был глубже других. Однако, не будь его, российские большевики могли зачислить в основатели, например, Лассаля с его государственным социализмом, что даже более подходяще.

Часто говорят, что социализм был утопией. Все же его социальная

доктрина по существу была близка другим религиозным системам. Как известно, основатели высказались достаточно определенно: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Правда, в оригинале стоит не «уничтожение», а «Aufhebung» — знаменитое «снятие». Однако какое значение имеет этот нюанс для классовой борьбы? Первоначальное христианство также сурово относилось к богатым и богатству: удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие. Никакого проекта социалистического общества в трудах «классиков» не содержалось, была только критика существовавшего экономического строя и обоснование неизбежности краха капитализма. Все же главное — уничтожение частной собственности — большевики соблюли, и в этом отношении все было правильно, то есть соответствовало учению. Само уничтожение частной собственности во многом с железной логикой задало стратегию и тактику создания нового социального строя.

Но и примеров подгонки догмы к условиям конкретного периода и конкретных задач — бесчисленное множество, начиная с решения захватить власть в стране недоразвитого капитализма и кончая «социалистическим выбором» Горбачева. Кроме этого, было допущение существования денег, нэп, привилегии, «общенародное государство» и т. д. Генсеки «привязывали» доктрину к реальной «почве». Статистика, то есть многочисленные примеры судьбы социализма в различных странах, показывают, что учение корректировали вполне логично. Доктрине неукоснительно следовали только тогда, когда она не разрушала государство. Если же подобное противоречие проявлялось, то «ревизия» следовала незамедлительно.

Отвергая марксизм-ленинизм, можно сказать, что его последовательная реализация была, по сути, крахом идей всех религий и идеологий, обещавших равенство и справедливость на земле. Известно, что христианству не удалось стать теократией, жизнь отвергла попытки христианских церквей подчинить себе все государственные и общественные институты. Социализму это удалось, и результаты этого эксперимента оказались однозначными.

ВЛАСТЬ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД

Политическая система социализма достаточно оригинальна, несмотря на многие сходные черты, объединявшие ее с феодальными и прочими докапиталистическими государствами. Государственная система имела явно выраженный теократический характер, поскольку верховный жрец, первосвященник коммунизма — генсек — обладал наивысшей властью. Главным государственным институтом была коммунистическая партия. Она выполняла множество функций, и прежде всего интегрировала систему в единое целое. Партия была своеобразной суперструктурой общества, позволявшей возвести единую иерархическую пирамиду власти, где на вершине был партийный вождь, а внизу, в основании,— многомиллионные массы коммунистов. Различные стороны жизни, начиная от производства и кончая искусством, регулировались и управлялись партийным аппаратом.

Партия вбирала в себя практически всю активную часть общества, весь его людской потенциал посредством системы так называемой «номенклатуры», то есть перечня должностей и людей, назначение которых контролировалось партийными органами различного уровня. В годы перестройки и теперь активно ведется противопоставление партии и народа. Однако оно не имеет под собой серьезных оснований. В действительности, партия и народ были едины, поскольку народ и давал основную массу функционеров и вождей. Если разделить социалистическое государство на правящую элиту и массы, то нетрудно обнаружить, что высшие посты в системе постоянно занимали не потомки элиты, а выходцы из самых глубинных слоев. Горбачев, Черненко, Андропов, Брежнев, Хрущев — все они провинциального происхождения, из рабочих и крестьянских семей. Все они, за исключением Горбачева, не имели приличного образования, впрочем, откуда оно могло взяться при столь «народном» происхождении.

Аналогичная картина была и во втором эшелоне власти, то есть на уровне ведущих партийных функционеров и министров. Здесь также чрезвычайно мало потомственных аппаратчиков. Таким образом, правили всегда партократы «в первом поколении». Дети власть имущих оседали в различного рода элитарных отстойниках. Поэтому пропаганда, уверявшая, что социализм представляет собой народное государство, была вполне справедлива. История показала, что «народное» — это не обязательно демократическое и гуманное. Народ, уничтоживший свою элиту в годы революции и гражданской войны, построил народное государство без нее и за это поплатился десятилетиями коммунистического тоталитаризма.

Первые десятилетия крайне важным механизмом, обеспечивавшим существование государства, был террор. Уничтожение крестьянства было прямым следствием победы коммунистов, поскольку в этой социальной системе ему места не было. Террор тридцатых и сороковых годов отражал объективную логику тиранического государства, которое не могло существовать без страха как системы управляющего воздействия. Кстати, еще Аристотель подробно все описал: зачем нужен террор в этих условиях. Можно заодно отметить, что террор обеспечивал социальную мобильность в обществе, то есть выдвижение молодых и энергичных людей на все посты. Именно прекращению террора мы обязаны маразмом верховной власти, который наступил в 80-е годы,— при Сталине бюрократы их «вовремя» «отстреливали».

Одной из наиболее характерных черт социализма была милитаризация всей общественной жизни. Формула «народ и армия едины» точно выражала отношение государства и народа. Как в древних цивилизациях, в СССР каждый мужчина считался прежде всего защитником родного очага и воином, а затем уже членом общества. Кроме того, армия была инструментом русификации и «интернационализации», когда очередной «ограниченный контингент» отправлялся выполнять «интернациональный долг». При этом ее социальное значение далеко выходило за рамки обороны и агрессии, армия выступала для данной цивилизации эталоном социальной организации, образцом для подражания, школой воспитания «гражданина». Весьма символично, что 23 февраля праздновался как один из основных праздников, «день мужчин».

Говорить об экономике социализма в принципе не совсем корректно, поскольку она во многом была «антиэкономикой», в ней большое зна-

чение имели внеэкономические методы. Поэтому, скорее, лучше назвать ее хозяйственным укладом социализма. Он в своем развитии прошел несколько стадий. Попытки создания экономики на принципах марксизма достаточно быстро себя дискредитировали; все годы шел постоянный поиск компромисса между здравым смыслом, требовавшим инициативной деятельности людей, и спецификой системы, которой инициатива была противопоказана. В результате такой компромисс был найден в виде сочетания жесткой, иерархически организованной системы во главе с Госпланом, и введением так называемого хозрасчета, определявшего права хозяйственников, границы их самостоятельности. По мере развития системы в ней все более широко использовались материальные стимулы для трудящихся и система привилегий для руководства. Вместе они создавали определенные стимулы социальной и производственной активности. Система контроля сочетала различные методы, начиная от репрессий и жесткого партийного вмешательства и кончая различного рода «самодеятельными» действиями «общественных» организаций, например, «социалистическое соревнование».

Следует сказать, что хозяйственная система была организована достаточно сложно. Одним из ее важнейших принципов была система приоритетов, в соответствии с которыми отрасли, считавшиеся наиболее важными — прежде всего огромный военно-промышленный комплекс,— в первую очередь обеспечивались ресурсами и обладали социальными благами. Четкое поддержание этих приоритетов позволило в ряде отраслей, прежде всего военно-космической, достичь высочайших результатов. Кроме того, последние десятилетия система не была «административно-командной» в чистом виде. В ней, наряду с планами и директивами, существовал так называемый «административный рынок», то есть весьма разветвленная система горизонтальных связей между предприятиями, органами власти и партийными структурами. Весьма непростыми были связи между хозяйственными структурами и властными органами, поскольку последние нередко занимались «лоббированием» интересов отраслей. Попытки перестройки хозяйственного уклада показали, насколько он сложен, неодномерен и инерционен.

«СОВОК» И КУЛЬТУРА

Людей, живших в СССР, презрительно называют «совками» или, более научно, homo soveticus. Сейчас много говорят о том, что в результате социалистического эксперимента резко ухудшился генофонд народов, живших в Российской империи. При этом «совка» наделяют массой отрицательных определений: он ленив, груб, необразован, неопрятен, труслив, безынициативен и, самое главное, бездуховен.

Да, бывший советский человек не верит в Бога и вряд ли поверит. Но ведь трудно утверждать, что его поступки совершаются под влиянием только страха или материальной корысти. Скорее наоборот, он был слишком «духовен», то есть подчинял свою жизнь «идейным» соображениям. Советский человек уважал коллектив, был открыт для дружеских чувств и товарищеских отношений. А может, прав булгаковский Воланд: «Нормальные люди, только их испортил жилищный вопрос», а теперь, нужно добавить, и продовольственная проблема. Да, совок бывает груб — в очереди и общественном транспорте, не очень склонен к благотворительности и милосердию. Что ж, какая жизнь, таков и человек!

У «совков» была своя культура — советская. Сегодня, когда говорят о культуре, в первую очередь вспоминают о религии, затем об искусстве и после — о науке. При социализме ранжирование иное. На первом месте стояла наука, поскольку в этом обществе именно она считалась носителем истины и источником всех благ и добродетелей. Второе место занимало искусство, причем высокий формальный статус имело и элитарное, классическое искусство, и социалистическая массовая культура. Рядом с последней, а может, и выше по рангу стоял спорт — не только как любимое зрелище советских людей, но и как символ успехов социализма. Религии после десятилетий фактического запрета были легализированы и встроены в социализм, занимая в нем достаточно скромное место. Впрочем, это понятно, поскольку их место было занято официальной идеологией.

Все вместе «совки» составляли единый советский народ. Коммунистическая пресса и идеологи давно возвестили миру о том, что возникла «новая историческая общность». В последнее время это утверждение отвергается с порога как бредовая выдумка. Но ведь трудно отрицать, что многие годы у жителей СССР было много общего. Советские люди верили и не верили одним и тем же идолам и идеалам, имели одну на всех великую Победу, одно «Время», одну «Правду» и даже единую матерщину. Последние десятилетия именно вера в то, что СССР представляет собой могучее государство, то есть советский патриотизм, составлял основу всей системы ценностей и идеалов. И если вполне можно доказать, что советский народ по своим качествам не был народом светлого коммунистического будущего, что он не обладал всеми теми добродетелями, которые ему приписывались, то сам факт его существования отрицать трудно. Тяжелый переход к новым формам социальной жизни, мучительность процесса распада СССР показывают, что советский народ — это историческая реальность. Ныне вместе с социализмом с лица Земли исчезает и советский народ. Но «совок» будет жить еще долго.

Для истории гибель цивилизаций и исчезновение народов не новость. Растворились в прошлом скифы, гунны и прочие варвары. Только скорость этого процесса сейчас иная, чем в древности. Хватило всего нескольких лет относительной свободы, чтобы рухнула могучая цивилизация, которая запускала космические корабли к Луне, была первой «в области балета» и в то же время была готова уничтожить все живое на Земле. Она разрушается, угрожая погребением под своими обломками многим миллионам людей. Социализм стал уроком для всего человечества, подтвердив, что дорога в ад вымощена именно благими намерениями, а благосостояния и изобилия можно достигнуть только упорным трудом, опираясь на все те достижения культуры и цивилизации, которые человечество создавало тысячелетиями.

Прыжок «из царства необходимости» в «царство свободы» оказался мучительным для народов рывком в исторический тупик. К сожалению, именно России выпала доля и несчастье осуществить вековую мечту человечества о справедливости и братстве людей. Может быть, социализм и заслуживает проклятия, но это была прежде всего трагедия народа. Поэтому забывать его нельзя, нельзя и вычеркивать из истории. Иначе когда-нибудь все может повториться снова.

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

Вся жизнь — праздник

Вот и отошли в прошлое наши праздники с парадами и демонстрациями. Они ушли, забрав с собой печенье «Юбилейное» и шоколад «8 марта», но оставив проспект 60-летия Октября и парк имени 50-летия Советской власти.

Мы привыкли ничему не удивляться. От торжественного заседания в Москве 1 мая в честь... 5-летия Туркмении — до погрузки сена в вагоны в подарок Первомаю (Московская область, 1931).

Торжественные заседания, собрания, вечера. На заводе АЗЛК или в Большом театре, в честь 23 февраля или 8 марта. Сценарий оставался прежним, менялись лишь исполнители, костюмы, смещались акценты. От любви к «несокрушимой и легендарной» до «сделаем своими руками мамочке подарок!»

В начале 20-ых все были заняты мировыми проблемами («На борьбу!», «Да здравствуют Соединенные Штаты Европы!»), позднее вожди решают, что гораздо «дешевле» ставить более выполнимые задачи. Появились лозунги: «Смычка города с деревней!», «Даешь авто!» (1927), «Дать ребятам учебник по истории партии!», «Оденем трудящихся в шелк!» (1936).

Взгляните на эти лица, еще не «освоившие» официальные улыбки, лица крестьян-колхозников, стоящих на демонстрации, за веревочным ограждением, как на выгоне. Лица смертников у всех: у детей и взрослых...

Людей заставляли голодать, гибнуть, безмолвствовать и даже искренне радоваться. Чего стоит, например, инсценировка «Политзаключенные в тюрьме» (1 мая 1930 года)! Бутафорские стены и решетки, и за каждой — улыбающиеся комсомольцы с красным флажком: «Все как один просим ужесточить меры!»

Мы привыкли жить в двух измерениях. И праздники были для многих лишь поводом к тому, чтобы «забыться», уйти от повседневных проблем.

И все-таки, появятся у нас когда-нибудь настоящие праздники? Есть же примеры: Новый год, День рождения, Именины, День Победы.

Как сказал поэт: «Поверь, и будет Рождество!»

В материале использованы документы Центрального Государственного архива кино-фотодокументов.

ПЕЛАГЕЯ БУМАЖНАЯ

Сдано в набор 08.01.92. Подписано к печати 03.02.92. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.6 Усл. кр.-отт. 75.8. Уч.-изд. л. 25.21. Тираж 196 248 экз. Заказ № 1289. Цена в розницу договорная, 2 руб. по подписке

Адрес редакции: 103025, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19 Телефон: 203 60 25

Типография издательства «Пресса» 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.